

DISCOMFITER

A TOME

ВЕСЬ ЦИКЛ В ОДНОМ ТОМЕ

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ СПИТ

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЖДЕТ

ДЕВОЧКА,
КОТОРАЯ ЛЮБИТ

Инсомния

Елена Булганова

**Девочка, которая спит.
Девочка, которая ждет.
Девочка, которая любит**

«РОСМЭН»

2018, 2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Булганова Е.

Девочка, которая спит. Девочка, которая ждет. Девочка, которая любит / Е. Булганова — «Росмэн», 2018, 2019 — (Инсомния)

ISBN 978-5-353-09757-0

Все три книги серии «Инсомния» в одном томе! Пятнадцатилетние Алеша и Иола познакомились во сне. Иола всегда жила странной, немного жутковатой жизнью: она могла бодрствовать только тогда, когда Алеша спал. А когда он просыпался, тут же проваливалась в беспробудный сон. Когда же оба оказались в учебном лагере для необычных подростков, то узнали о существовании атлантов и древних подземных миров. Таинственный Орден, пытающийся рассорить людей и древние расы, стремительно меняющийся мир, опасные приключения и невероятная сила дружбы – все это в серии «Инсомния» от Елены Булгановой, автора популярного цикла «Вечники»!

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09757-0

© Булганова Е., 2018, 2019

© Росмэн, 2018, 2019

Содержание

Девочка, которая спит	6
Глава первая. Самое страшное	6
Глава вторая. Неприятности в новой школе	12
Глава третья. Девочка плачет	16
Глава четвертая. Две девочки	22
Глава пятая. Иола в беде	27
Глава шестая. Псих	32
Глава седьмая. Даже хуже, чем псих	38
Глава восьмая. Конец класса химии	45
Глава девятая. Моя судьба решена	52
Глава десятая. Нападение	57
Глава одиннадцатая. Неудачная попытка	65
Глава двенадцатая. Ванькина тайна	71
Глава тринадцатая. Роковая встреча	78
Глава четырнадцатая. Катастрофа, и не одна	85
Глава пятнадцатая. Незванный гость и ужасное известие	93
Глава шестнадцатая. Лесной лагерь «Подросток в беде»	100
Глава семнадцатая. Первые уроки под землей	109
Глава восемнадцатая. Кое-что новое о моей сестре	116
Глава девятнадцатая. У кого сколько глаз?	124
Глава двадцатая. Ужасное известие	131
Глава двадцать первая. В нижнем мире	137
Глава двадцать вторая. Куда уходят местные мужчины	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Елена Булганова
Девочка, которая спит. Девочка,
которая ждет. Девочка, которая любит

© Елена Булганова, 2021

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2021

Девочка, которая спит

Глава первая. Самое страшное

Когда я был совсем мелкий и еще не ходил в школу, самый страшный момент наступал вечером, когда меня отправляли в постель. Я готов был делать что угодно, лишь бы потянуть время. Даже убирать игрушки. Даже мыть голову или пить молоко.

Но мама считала, что в жизни нет ничего важнее режима. Ровно в восемь вечера она заглядывала в мою комнату и говорила:

– Алеша, пора спать. В темпе мыться – и под одеяло.

Я знал, что с мамой бесполезно спорить, но все равно боролся до конца.

Например, упрашивал мне почитать. Это редко срабатывало – мать всегда была слишком занята, чтобы, как она говорила, «потакать капризам почти взрослого мальчика». И когда она уже стояла в дверях, собираясь погасить свет, я спрашивал в полном отчаянии:

– Ты дверь в квартиру хорошо закрыла?

– Конечно.

– А в наши окна никто не сможет влезть?

– Алексей! – начинала сердиться мама. – Мы живем на двенадцатом этаже.

– Мама, скажи честно: та девочка сюда не придет? Никогда-никогда?

Мамина голова была занята совсем другими мыслями. Поэтому она всякий раз забывала, что слышала этот вопрос уже сотни раз, и переспрашивала рассеянным голосом:

– Какая девочка, сынок? Ты с кем-то подружился? Во дворе или в садике?

– Нет, – в сто первый раз объяснял я. – Та девочка, которую я вижу во сне. Она не сможет к нам забраться?

– Как хочешь, малыш, – пожимала плечами мама. – Если хорошо с ней знаком, можешь пригласить ее в гости. Но только предупреди нас с папой заранее.

– Да нет же! – злился я. – Я не хочу! Я вижу ее, когда сплю. А когда я просыпаюсь... кажется, она засыпает и спит так все время – ну, пока я снова не засну. Поэтому она всегда злая и плачет! И еще она лежит в больнице!

– Не нужно так кричать, разгонишь сон! – повышала голос мама. – Ты уже взрослый мальчик. Разберись сам со своими снами и не морочь мне голову!

Она подтыкала одеяло и уходила, как я ни умолял посидеть со мной еще минуточку. У мамы было очень много дел. Моя старшая сестра Кира ждала, чтобы мама погладила ей школьную форму и проверила уроки. Родители вечно твердили, что нельзя быть эгоистом, но... мне было очень страшно.

Иногда я думал, что смогу вообще не спать, если просижу всю ночь в кровати с открытыми глазами. Или стану прохаживаться по комнате. Один раз я ходил так долго, что в комнате родителей погас свет. Мне стало страшно разгуливать в темноте, я нырнул в постель – и тут же уснул. И конечно, увидел ту, кого так боялся.

То есть я увидел сперва самую обыкновенную больничную палату, восемь кроватей в два ряда. Иногда некоторые пустовали, но чаще на каждой спал ребенок. А одна кровать у окна была отгорожена белой ширмой. Стоило мне оказаться в моем сне, как ширма начинала колыхаться, и из-за нее слышался громкий плач.

В палату вбегала сонная медсестра в измятом халате. Она убирала ширму от кровати и при этом шипела сквозь зубы:

– Иола, замолчи немедленно, не буди других деток! Будь хорошей девочкой! Сейчас мы с тобой умоемся, покушаем, а потом немного поиграем!

Девочка с темными кудряшками не хотела ни есть, ни играть. Она хотела только плакать. Но медсестре все-таки удавалось вытащить ее из палаты, отнести в туалет и умыть под краном. Потом она усаживала девочку на диванчик в холле и приносила поднос с тарелками. Еда выглядела отвратительно и наверняка была холодной, я бы такую ни за что на свете есть не стал. Девочке она тоже не нравилась: медсестре с руганью удавалось запихнуть ей в рот лишь пару ложек.

– Не хочу! – рыдала девочка. – Не буду! Где моя мамочка? Пусть придет и покормит меня!

– Иолочка, ты же знаешь, посторонним нельзя бывать ночью в больнице, – твердила ей медсестра. – Твоя мама приходила днем провести тебя. Она принесла тебе фрукты и книжки.

– Но я же спала!

На круглом лице медсестры так и читалось: ну, милая, это уж твои проблемы! Но вслух она этого не говорила, а продолжала пичкать бедняжку серой кашей.

Когда кормление заканчивалось, медсестра тяжело вздыхала и говорила:

– Ну, Иола, а теперь поиграй немного в холле. Я оставлю включенным свет. А у меня есть очень важные дела.

И уходила в сестринскую. Думаю, она там ложилась спать, потому что иногда я даже слышал громкий храп. А девочка обнимала коленки и в такой позе часами сидела на диване. Она никогда не играла. Я думаю, она даже не знала, как это делается. Да и кому захочется играть в одиночку, когда все спят?

Правда, иногда она листала книжки или рисовала. Мне было любопытно рассмотреть ее рисунки, но девочка загораживала листок рукой или книгой. Я не понимал, от кого она прячется, ведь в холле никого не было.

Потом она снова начинала плакать. Смотреть на это было так грустно, что я часто просыпался среди ночи. А когда снова засыпал, видел, как она поднимается с дивана и сердито трет глаза.

Однажды в моем сне появились новые лица. Два доктора – так я решил, потому что на них были белые халаты. Один доктор очень старый и совершенно седой, а второй – молодой, с собранными в хвост желтыми волосами и серьгой в одном ухе. Глаза у него были какие-то странные: как будто в каждый вставили по спичке или он чему-то так сильно удивился, что они так и остались широко распахнутыми.

Врачи сидели на пустующей кровати рядом с ширмой и о чем-то тихонько переговаривались. Когда Иола снова заплакала, старый доктор сам отодвинул ширму и склонился над девочкой.

Кажется, она хорошо его знала, потому что совсем не испугалась (вот я бы точно перепугался до смерти, увидев над собой среди ночи незнакомого врача). Но и не обрадовалась: лицо ее оставалось злым и угрюмым. Потом пришла медсестра, стала кормить девочку и на этот раз обращалась с ней очень ласково. А те двое сидели и разговаривали. Я слышал их разговор, но мало что понимал. Они ведь все время переходили на какие-то научные термины, о которых я тогда, как и сейчас, не имел ни малейшего понятия.

– Поразительный случай! – говорил старый доктор. – Никогда за всю свою жизнь не сталкивался ни с чем подобным. Я наблюдаю малышку несколько лет, но, увы, вынужден расписаться в полном бессилии.

– А с какого возраста начались проблемы? – спросил длинноволосый. Он все записывал в блокнот и морщился, когда старший коллега слишком громко расписывался в своем бессилии. Наверно, думал, что дело и яйца выеденного не стоит.

– Возможно, с самого рождения, – задумчиво произнес старик. – Точнее сказать не берусь. Младенцы ведь спят и бодрствуют, когда им заблагорассудится. В общем, до полугода родители не замечали ничего странного. А потом началось: девочка спала почти весь день, просыпалась лишь на пару часов и могла заснуть в любой момент – в процессе кормления, во время игры... Разбудить ее было невозможно. Родители, конечно, пугались, вызывали скорую. Но никаких заболеваний не удалось выявить. Вечером малышка просыпалась веселая и полная сил, засыпала только под утро. Ни о каком садике, естественно, и речи быть не могло. Девочку постоянно клали в больницу, но – безрезультатно. Вот, думаю, и я через недельку буду ее выписывать. А пока она здесь, коллега, вы вполне можете ее понаблюдать. Но предупреждаю: для этого вам придется перейти на ночной образ жизни. Справитесь?

– Не вижу проблемы, – холодно ответил молодой и что-то пометил в своем блокноте. Потом спросил: – И что же родители?

– А что родители? На первых порах одолевали меня вопросами, записывались на консультации. Даже оставались по очереди на ночь в больнице – с моего разрешения, разумеется. Сейчас уже устали, разуверились, в отделении появляются лишь днем. Жалко девчущку, получается сирота при живых родителях. Впрочем, скоро она в любом случае вернется домой. А уж как они там будут выкручиваться... Ей ведь в школу по-хорошему надо идти через пару месяцев. А какая тут может быть школа!

Тут я заметил, что Иола, которая в эту ночь вела себя на удивление тихо, внимательно прислушивается к беседе. А врачи так увлеклись разговором, что не обращали на нее никакого внимания. Хорошо, медсестра догадалась: взяла девочку за руку и увела на прогулку по отделению.

Старый доктор уже вовсю клевал носом. Он встал, потянулся, растер виски. И пробормотал:

– Ну, поеду-ка я домой, поработаю над завтрашним докладом. А вы можете остаться, поболтать с девочкой. Она, знаете, славная малышка, очень смышленная. Правда, редко идет на контакт. Но ее можно понять: у кого не испортится характер от таких испытаний! – И вдруг заговорил почти шепотом: – А знаете, во всем этом таится большая загадка. Которую лично я не в состоянии объяснить.

– Загадка? – встрепенулся молодой.

– Да! Она ведь, наша Иоланта, можно сказать, ни с кем не общается. Даже с соседями по палате едва ли знакома. А по развитию не отстает от прочих детей. Знает программу детского сада, все эти стишки-песенки, грамотно говорит. И еще: она иногда просит через медсестер, чтобы родители передали ей конкретные книжки или игрушки. Я спрашивал, откуда она вообще узнает про эти вещи, а Иола отвечает: «Видела во сне!» Что вы на это скажете, коллега?!

Длинноволосый на это ничего говорить не стал, только еще быстрее застрочил в своем блокноте.

Старый доктор ушел. А молодой попробовал заговорить с девочкой, которая вернулась в палату и теперь смотрела на него злыми глазами.

– Тебе, наверно, очень грустно все время лежать в больнице, Иоланта?

Как будто об этом нужно спрашивать. Вот и девочка ничего не ответила, только шмыгнула носом и отвернулась. Врач смутился и тоже погрузился.

– Ну, это ведь не навсегда, – попытался он исправить положение. – Если хочешь, я буду тебя навещать. Принесу книжки, какие скажешь. Хочешь?

– Нет, – отрезала Иола.

– Знаешь, если ты меня стесняешься, я могу попросить свою жену, чтобы она позанималась с тобой. Тебе ведь нравится учиться?

– Нет, – повторила девочка. – Мне не нравится учиться. Все равно я никогда не смогу ходить в школу.

– Но кто-то же занимался с тобой раньше? – допытывался длинноволосый. – Какая-то медсестра, да?

– Не помню! – рявкнула эта нахалка.

Я был поражен: мне бы и в голову не пришло так грубо разговаривать со взрослым человеком.

Но доктор не обиделся и не рассердился.

– Ты, я слышал, хорошо рисуешь? – спросил как ни в чем не бывало. – Можешь показать рисунки?

Иола хоть и поморщилась, но все же достала из тумбочки альбом. Длинноволосый начал его просматривать, при этом держал так близко к носу, что я ничего не мог видеть.

– Интересно, очень интересно, – бормотал доктор. – Откуда это? Ты это сама видела или рисуешь из головы? Вот этот дивный осенний парк, сильно смахивает на Летний сад... Ты бывала там?

– Никогда. Это мне приснилось.

– Приснилось? – оживился врач. – И часто ты видишь сны? Расскажи, что тебе снится чаще всего?

Но Иоланта – я видел – снова замкнулась и погрузилась. А может, ей просто надоело разговаривать.

– Редко, – ответила она. – И я их сразу же забываю, эти сны!

Показалось мне или молодой доктор ужасно огорчился?

– А, ну-ну, – проговорил он рассеянным голосом. Совсем как мой отец, когда слушает новости, а мама пытается ему рассказать, что стиральная машина опять забарахлила. – Я понимаю... А вот этот портрет ты как рисовала? Тоже из сна?

– Нет! – заорала Иола. – Из книжки!

И вырвала свой альбом из рук врача. Тому пришлось делать вид, будто ничего не случилось.

– А еще что-нибудь из той книжки ты срисовала? – спросил он спокойно. – Может, покажешь мне ее?

– Я ее выкинула, – буркнула девочка. – И рисунки тоже выкину. Никогда больше не буду рисовать!

– Ну, напрасно ты так говоришь, – помотал хвостом доктор. – Нужно развивать в себе любую способность – никогда ведь не угадаешь, что в жизни пригодится, верно? А падать духом не надо. Если тебе сейчас хуже, чем другим, значит, однажды в твоей жизни произойдет что-то замечательное. Таков уж закон природы.

Мне понравились эти слова, и я постарался их запомнить. А вот сам доктор – не понравился. Было тяжело видеть, как огорчается Иола. Он ведь разговаривал с ней, как с обычной девочкой, у которой в жизни все в полном порядке...

– Позволь, я все-таки возьму твои рисунки, – сказал он и подхватил альбом, который Иола швырнула на пол. – Обещаю, что верну. Мы ведь еще обязательно увидимся.

«Лучше не надо», – ясно читалось на лице Иолы.

Наконец даже медсестра намекнула доктору, что пора оставить девочку в покое. Он ушел и унес под мышкой альбом с рисунками.

Медсестра сразу после этого отправилась спать. У нее даже ноги заплетались от усталости. А девочка еще долго сидела на диване в холле. Она горько плакала.

Потом я пошел в школу, и у меня появились новые проблемы. Школьные предметы давались не слишком хорошо. Мама и папа редко бывали мной довольны. А по ночам я по-прежнему видел девочку. Иногда она жила дома, в маленькой комнате с желтыми занавесками, ино-

гда – в больнице. Я привык к этим снам и почти не обращал на них внимания. И даже думал, что всем людям снится что-то подобное. Пока однажды Иола не заговорила со мной.

Мне было десять лет, и я ходил в четвертый класс. Иола, конечно, нигде не училась, но когда она просыпалась по ночам (у себя дома или в очередной больнице), то сразу брала в руки книги, и по обложкам я с удивлением узнавал учебники, по которым учился сам. Или что-то из внеклассного чтения. Что до меня, я бы под расстрелом не стал читать их по ночам. Вообще-то книги я любил, но точно не те, которые задавали в школе.

А Иоле еще приходилось с книгами и лампой забираться с головой под одеяло. Потому что в комнате она была уже не одна. У стены напротив появилась маленькая кроватка, и в ней спала крохотная девочка. От света она иногда просыпалась и начинала хныкать. Тогда Иола бросала книжку, брала сестру на руки и баюкала ее, пока малышка снова не засыпала.

Но в ту ночь Иола отложила книгу просто так, без причины. И стала смотреть по сторонам с таким выражением, как будто искала кого-то с целью хорошенько с этим кем-то поругаться. У меня сердце так и ушло в пятки. И вдруг она сказала совсем тихо, сквозь зубы:

– Ты здесь? Я же знаю, ты меня видишь! Ответь мне!

Я ничего не понимал. Иола явно обращалась ко мне. Это было очень страшно. А она вдруг вскочила с кровати и закричала шепотом, потрясая кулачками:

– Эй, я все равно знаю, что ты здесь! Я ненавижу тебя! Знай, что я вырасту и найду способ тебе отомстить! Я думаю об этом все время!

Мне стало так жутко, что я даже заорал во сне. И изо всех сил постарался немедленно проснуться. Это мне удалось. Но, проснувшись, я понял, что кричал не только во сне, потому что в комнату влетела мать.

– Алеша, что случилось?! Ты вопишь на всю квартиру! У тебя что-то болит?

– Нет, мама! – Я изо всех сил старался не заплакать. – Просто та девочка, из моего сна... она заговорила со мной! Она сказала, что ненавидит меня!

Мама перевела дух – и лицо ее стало очень сердитым.

– Послушай, сколько это может продолжаться? – грозным голосом спросила она. – Ты еще в школу не ходил, а уже изводил меня разговорами про девочку из своих снов. Теперь ты уже не маленький, разве не пора перестать морочить всем голову?

– Но я не виноват, что она мне снится! – крикнул я. – И она никогда раньше не разговаривала со мной. Скажи, что сделать, чтобы никогда больше не видеть ее?

Мама знала ответ на этот вопрос:

– Надо перестать читать дурацкие фэнтези, поменьше сидеть за компьютером и заняться наконец вплотную учебой. И тогда, я уверена, никакие девочки не станут преследовать тебя... хотя бы по ночам.

Сказала – и вышла из комнаты. Я знал, что мамины советы мне не помогут. Единственное, в чем я был уверен, так это в том, что Иола сейчас спит прямо на полу своей комнаты. И проспит до того времени, пока у меня не кончатся силы бороться со сном.

Следующий день был выходной, и отец взял меня на прогулку в парк. Я даже не сомневался, что это мама попросила его со мной поговорить. Потому что, честно сказать, отец мало обращал внимания на происходящее в нашем доме. Если он не пропадал на работе, то просто сидел в своей комнате, наверное, отдыхал от всех и всего.

– Что это за побудку ты нам устроил ночью, сын? – приступил к делу отец. – Ужастиков насмотрелся? Приснился кошмарик?

– Нет, – ответил я. И подумал: а почему бы не рассказать все? Может, он в таких вещах разбирается лучше мамы?

– Я никогда не вижу никаких снов, – сказал я. – Только один, но это вроде как и не сон даже. Я вижу девочку, которая просыпается только тогда, когда я засыпаю. Она ненавидит меня за это и грозит отомстить.

Показалось или отец и вправду вздрогнул? И взглянул на меня как-то странно. А потом спросил:

– Ты видишь один и тот же сон с самого детства?

Я пожал плечами:

– Кажется, да, я точно не помню. Но я никогда ничего не видел во сне, кроме этой девочки.

– И ты хотел бы, чтобы эти сны прекратились?

– Конечно! – воскликнул я. – Мне бы очень-очень этого хотелось!

На следующий день я сидел за столом и изо всех сил пытался переписать упражнение по русскому языку без помарок. И вдруг ко мне в комнату зашел отец. В руках у него была бутылочка с какими-то мелкими таблетками.

– Слушай, Алеша, – заговорил он немного смущенно. – Я тут купил кое-что в аптеке. Это совсем легкое успокоительное, от него – я узнавал – не будет ни слабости, ни головокружения. Пожалуйста, пей по таблетке на ночь. Если поможет – хорошо, если что-то начнет беспокоить – обязательно скажи. Ладно?

Я кивнул. И подумал, что таблетки вряд ли мне помогут. Я же не больной какой-нибудь.

– И еще, – сказал отец и даже покраснел слегка. – Давай не будем рассказывать об этом маме. А то мне, пожалуй, влетит за самостоятельность. Договорились?

– Договорились, – подтвердил я.

На ночь я честно проглотил таблетку. Утром проснулся и понял, что спал всю ночь, не просыпаясь, никакой девочки не видел. И ничего у меня не кружилось и не болело. Я рассказал об этом отцу, и с тех пор он каждый месяц покупал для меня новую бутылочку.

Глава вторая. Неприятности в новой школе

Когда я оканчивал седьмой класс, в нашей семье произошли перемены. Мне, конечно, никто ничего объяснять не стал, но я и сам догадался, что у отца начались проблемы с бизнесом. Он делал мебель, а люди покупали ее все меньше – наверное, из-за кризиса. Отцу даже пришлось продать нашу квартиру в центре Питера и переехать в небольшой городок в области, поближе к своему предприятию. Сестра переехала вместе с родителями и сразу пошла в новую школу. А меня на время поселили у родственников, чтобы я мог спокойно закончить последний триместр.

Я ездил к родителям на выходные. Мама теперь работала у отца и была, кажется, всем довольна. А вот сестра ходила обиженная: ей категорически не нравилась новая школа. После переезда она отучилась там пару месяцев, потом наступили летние каникулы, и почти все лето я слышал урывками, как она по телефону расписывает своим прежним одноклассникам, в какой ужасной бандитской школе ей теперь приходится учиться. Естественно, я с тревогой ждал сентября.

Однажды в один из моих приездов отец попросил меня забрать что-то из его машины. Я помчался вниз по лестнице. Гараж отец пока не купил, поэтому оставлял машину во дворе. А двор здесь был очень большой – не то что наш прежний, в Питере, пятачок с парой кустиков. Здесь же четыре длинных дома заключали между собой целое футбольное поле. Я перебежал через двор, достал пакет из машины, развернулся – и врезался в какого-то типа. Сердце у меня екнуло: парней было трое, и они стояли плотной стеной, отрезая мне путь к дому.

– Ага, сынок того мужика, что ставит тачку под нашими окнами, – сказал один, самый рослый и, наверное, самый главный в этой тройке. – Эй, пацан, не многовато у вас машинок? Вон та, серая, евонной матери, – пояснил он друзьям.

Я молчал и только старался незаметно впихнуть ключ в карман джинсов. Во дворе – никого, эти типы могли запросто и машину угнать.

– Трясешься? – неверно понял мои лихорадочные движения парень. – Правильно делаешь. Передай родкам, чтобы машины свои не разбрасывали, вы в этом дворе не хозяева. И запомни: не переставит твой батя тачку – разбираться буду с тобой. Понял?

Я, конечно, ничего ему не ответил. На мое счастье, во двор въехала легковушка, оттуда высыпала целая семья, и парни тут же сделали вид, что просто шли мимо. А я побежал домой.

Отцу я ничего не рассказал про этот случай. Но во двор теперь выходил с опаской.

Первого сентября отец подвез меня и Киру в школу. И конечно, она мне с первого взгляда ужасно не понравилась. Возможно, я и раньше был настроен негативно из-за отзывов сестры. Хотя нет, дело не в этом – просто слишком была не похожа эта школа на ту, в которой я учился прежде.

Маленькая, какая-то ветхая, с огромным пустынным двором. По двору носились ученики, расплескивали грязь из луж – ночью был ливень. Я шел и думал о том, как бы поскорее отделаться от Киры. Хорошо еще, что я по росту давно обогнал сестру и, надеюсь, не выглядел на ее фоне беззащитным младшим братишкой. Ничего, пусть только она мне покажет, где находятся восьмые классы, – сразу сделаю ноги.

Тут к Кире подошла какая-то девчонка, наверное одноклассница, поздоровалась, а сама тем временем во все глаза рассматривала меня. Под ее взглядом я моментально потерял равновесие – ступил с дорожки в лужу, а лужа оказалась глубоченной. В ботинок хлынула ледяная вода. Девчонка громко прыснула, а потом спросила Кирку:

– Это что, новенький? В наш класс? Когда же ты с ним познакомилась?

– С ума сошла? – захихикала в ответ сестрица. – Это же мой младший брат!

Та сразу перестала на меня смотреть и скоро вообще ушла к группке других девчонок. Сестра заторопилась:

– Ладно, пойдем, покажу вашу раздевалку. А дальше сам, не маленький!

И понеслась вприпрыжку к зданию школы. Дверь в здание была почему-то раскрыта только на одну створку, а народу было полно, включая мамочек с разодетыми первоклассниками. Поэтому к ней выстроилась настоящая очередь. Сбоку от двери маячил какой-то высокий лохматый парень. Я даже застыл на месте, когда его заметил.

Не знаю, в какой класс он ходил, но наверняка перерос всех в этой школе. Одет гигант был в старые джинсы, обрезанные по колени, и несвежую майку. И это при том, что остальные были в куртках и плащах! Все проходящие мимо так и шарахались от него.

– Что, у вас в таком виде пускают на уроки? – спросил я сестру.

– Ты о чем? – Тут она поняла, на кого я смотрю, и губы ее презрительно скривились. – А, да это Ванька Разин, из параллельного. Не думаю, что он вообще собирается на уроки. Наверняка пришел для старших долги выбивать.

В этот момент Разин кого-то заметил в толпе и заорал на весь двор:

– Эй, ты, урод, деньги принес?! Не прячься, я тебя видел! Не войдешь в школу, пока не рассчитаешься!

Какой-то парень, по виду десятиклассник, перестал прятаться за букетом малышки с бантиками и во весь опор припустил прочь от школы. Гигант рванул за ним, торпедой пробил толпу, и через секунду оба исчезли за углом. У входа образовалась куча-мала, кто-то оказался втоптаным в грязь, матери и отцы возмущались и хватали на руки своих перепуганных детишек.

– Ну, видел? – ахнула Кира. – Этого Разина, наверное, родная мама боится. Учителя ему даже пропуски не ставят, лишь бы пореже появлялся на уроках.

– Ну все, – сказал я. – Раздевалку увидел, дальше сам разберусь. Свободна.

– Ага, молодец! – уже на полпути к двери крикнула мне сестра.

Я разделся и подошел к большому расписанию на противоположной стене. Я знал, что зачислен в восьмой «В» класс. Первым уроком в расписании у нас была алгебра. Но сначала, конечно, линейка. Из-за дождя, который снова зарядил, ее перенесли в зал на третьем этаже.

Обычно я терпеть не могу всякие линейки, но на этот раз был даже рад: ужасно неловко входить в класс, когда никого в нем не знаешь. А после линейки все повалят гурьбой, легко будет затеряться. Жаль только, что я не знаю, какое место окажется свободно. Я сразу решил, что заберусь на самую дальнюю парту. Может, повезет, учитель меня не заметит и не станет выставлять на обозрение перед всем классом.

Какая-то женщина в сером костюме схватила меня за плечо и спросила:

– Ты в каком классе, мальчик?

– Восьмой «В», – пробормотал я.

– Ага, значит, мой, – кивнула женщина. – Становись вот сюда.

Сильной рукой задвинула меня куда-то вбок, и я оказался в группке ребят, моих новых одноклассников. Они, конечно, все вылупились на меня. Один парень спросил, кто я и откуда приехал. Но тут началась линейка, и громоподобный голос директора школы заполнил небольшой зал. Он поздравлял нас с началом учебного года, а я потихоньку рассматривал своих новых соучеников. К концу линейки мне даже стало казаться, что все не так уж плохо.

А потом мы разошлись по классам. Я потоптался возле доски, пытаюсь сообразить, какое место пустует. Парень, который заговорил со мной на линейке, оглянулся и предложил:

– Садись со мной, если хочешь. Прежний сосед в другую школу перешел. Меня, кстати, Витей зовут.

– Ладно, – сказал я и пошел за ним. Но тут кто-то загородил мне дорогу.

Я вздрогнул: передо мной стоял тот самый тип, который привязался ко мне из-за отцовской машины. И его приятели тут как тут, окружили и радостно скалятся. А мне и в голову не могло прийти, что они тоже из восьмого. Я привык, что уже в пятом обогнал всех по росту в прежней школе. А из этих типов двое были выше меня, второгодники, что ли. И накачанные, как штангисты.

– Во прикол! – возликовал тот, кто был за главаря. – Сам пожаловал. А я уж думал, не видать во дворе, придется отлавливать. Тачка-то все еще под нашими окнами стоит, так? А кто за неудобство нам будет платить? Вот ты и будешь. Десять тысяч в неделю. Понял?

– Ага, щас, – выдавил я.

– Что ты сказал?! – взвился парень. – Не понял, с кем говоришь? Короче, жду неделю, не заплатишь – будем лупить тебя каждый день после уроков. Уловил?

Я промолчал. Парень все надвигался, вот он уже уперся в меня своим мощным плечом. Но тут раздался строгий голос:

– Так, Карлов, опять за старое?! Хочешь начать год с визита к директору?

– Обойдусь, – хмыкнул парень и пошел вразвалочку куда-то на зады класса. Я продолжил свой путь к парте Виктора. Но, приблизившись, заметил, что на свободной половине парты лежит его портфель.

– Слушай, тут такое дело, – прошептал Витя, красный как рак, – в общем, оказалось, это место занято.

Я пожал плечами и отошел. Тут уж, конечно, учительница вытащила меня к своему столу и завела обычную песню:

– Это Алексей Громов, ваш новый товарищ, прошу любить и жаловать. Где у нас свободное местечко? Ага, Костюхин ушел, значит, садись пока с Витей Прониным. Витя, будь добр, убери портфель и освободи место для новенького. Садись, Леша.

Пришлось мне снова возвращаться к той же парте. Витя посмотрел на меня волком и отодвинул свой стул в самый проход. Наверное, старался показать Карлову и его компании, что ему я тоже не нравлюсь.

До конца учебного дня я ничего толком не видел и не слышал. Все мои мысли были о том, как избежать еще больших неприятностей. Может, уговорить родителей перевести меня на домашнее обучение? Или быстренько записаться в секцию бокса и через неделю отлупить Карлова и его приятелей по полной программе? И то и другое в одинаковой степени нереально.

Следующий день был выходной. Родители пытались вытащить меня на прогулку в парк любоваться золотой осенью. Как будто мне было до осени, честное слово. Я думал только о том, что приобрел очень опасных врагов, да еще где – в собственном классе. Естественно, я не расскажу об этом родителям, но и платить тоже не стану. А вот что делать, если угроза окажется не пустой и уже через неделю они за меня возьмутся всей кодлой? К сожалению, я никогда не мог похвастаться силой, да и выносливостью, пожалуй, тоже. Мысль о физической боли до жути пугала меня.

В ночь на понедельник я почти не мог спать, вскочил на рассвете. Солнце било прямиком в наши окна. Я вышел на балкон и попробовал поднять отцовские гантели. Пару раз даже получилось. Может, существует какой-то экспресс-курс, как стать крутым за неделю? Я решил вечером переговорить об этом с отцом. Он вечно ругал меня за то, что сижу у компьютера и не занимаюсь спортом. Вот пусть и подскажет, каким видом спорта можно в темпе овладеть.

Я задумался обо всем этом, забыл о гантелях и облокотился на перила. И вдруг на балконе углового дома, на пятом этаже, заметил девочку. Мне показалось, что и она смотрит на меня, хотя расстояние было приличное. На всякий случай я вроде как отвернулся, а сам изо всех сил скосил глаза, пытаясь ее рассмотреть.

Она была совсем легко одета, наверно, выскочила на секунду. И у нее были очень красивые волосы: золотые и пушистые, они так и сияли в солнечном луче. Лицо, конечно, не разглядеть. И вдруг девочка помахала мне рукой. Я был так растерян, что совсем отвернулся и принялся старательно изучать противоположный конец двора. А когда повернул голову, на балконе уже никого не было.

С тех пор я почти каждую свободную минуту выходил на балкон, для вида мучился с гантелями, а сам все смотрел и смотрел на балкон углового дома. Но девочка там больше не появлялась.

Прошла еще неделя. Паша Карлов и компания каждый день тормозили меня где-нибудь в коридоре и напоминали, что срок заканчивается. Противно было видеть, как мои одноклассники в спешке отводили глаза и по-быстрому исчезали. У меня не только не появилось друзей в новом классе – я даже мало кого знал по именам. Никто не хотел со мной знакомиться.

В понедельник с последним звонком я собрал портфель и увидел, что вся троица торчит в дверях, загораживая выход, а мимо них рыбками проскальзывают мои одноклассники. Я застыл у парты. Когда никого, кроме нас четверых, в классе не осталось, Карлов вразвалочку приблизился ко мне и спросил:

– Ну что, принес деньги?

– Нет, – сказал я.

– А почему? Жить надоело?

Я промолчал. Разговаривать было противно, пусть уж лучше начнут бить. Карлов тем временем взял мой портфель, не спеша расстегнул и вывалил содержимое на пол. Подскочившие парни с радостными воплями запрыгали по моим тетрадкам.

– Ладно, – процедил Паша. – Жду еще три дня. Отдашь пятнадцать тысяч за парковку. Понял?

– Нет у меня денег, – сказал я.

– Ой, горе! У папочки попроси. Если он такой крутой, то даст денежек. Что скажешь?

Я лишь молча наблюдал, как мой дневник распадается на отдельные листочки под грязными подошвами карловской свиты. И тут случилось чудо: в класс вошла учительница. Наверное, что-то забыла на своем столе.

– Вы что тут делаете?..

И углядела на полу хаос из моих вещей.

– Так, понятно, – свирепым голосом произнесла она. – Кажется, директор еще на месте. Карлов, за мной шагом марш. И вы все – тоже.

Но в мои планы вовсе не входило давать показания в директорском кабинете. Понятно, что от этого станет в разы хуже. Поэтому я сказал:

– Извините, Маргарита Петровна, я должен идти. Меня ждут.

Она только рукой махнула:

– Хорошо, иди, Леша. Мы и сами разберемся, не впервой. И в следующий раз не связывайся с этой компанией. Просто держись подальше, понял?

Ага, хорошо ей говорить!

В тот день я долго не мог успокоиться. Уроков назадавали полно, но не было сил взяться за книги. Да и зачем?

Так я промаялся до вечера, а потом сослался на головную боль и пораньше лег в постель.

Глава третья. Девочка плачет

– И сколько ты собираешься это терпеть? – накинулась на меня Иола, стоило только закрыть глаза. – Какой же ты жалкий трус! Смотреть противно! Не можешь справиться с какими-то подонками?

Я глазам своим не верил: откуда она взялась? Правда, из-за своих проблем я совсем забыл пить на ночь таблетки. Но откуда она знает, что у меня проблемы в новой школе?

– Откуда ты?..

Я даже сам не заметил, как произнес эти слова. Но девочка их услышала:

– О, прогресс, ты разговариваешь со мной! Раньше не мог додуматься?

– Откуда ты знаешь, что у меня творится в школе? – закончил я вопрос. – Кто тебе рассказал?

– Никто мне ничего не рассказывал, – закатила глаза Иола. – Да просто я вижу тебя, когда сплю. Это же очевидно.

Я чуть не умер от такого заявления. Даже во сне стало жарко от жгучего стыда. Я попытался напомнить себе, что это всего лишь сон, не надо брать в голову, мало ли кто чего наговорит.

Я молчал, а сам тем временем рассматривал Иоланту. С тех пор как я не видел ее, она здорово изменилась, выросла, похудела. Лицо в целом симпатичное, хотя бледное и злое. Скулы очень широкие, а брови длинные, глаза посажены так глубоко, что не поймешь какого цвета. Зеленоватые вроде. Темные волосы отросли и собраны в хвост на затылке. Она по-прежнему находилась в комнате с желтыми шторами, и все так же в кроватке спала ее маленькая сестренка. Странно, какой навязчивый сон, подумал я.

– Ну, что молчишь? – снова спросила Иола. Я заметил, что она прикрывает рукой рот, когда говорит, – наверное, боится разбудить сестру. – Как ты собираешься разобраться с этими бандюганами?

– Твое какое дело?

– Никакого, – скривилась Иола. – Просто смотреть мерзко, как они над тобой глумятся.

– Ну и не смотри, – буркнул я. – И вообще все это ерунда. Ты мне просто снишься. Я не видел тебя много лет и еще столько же не увижу.

– Не увидишь, если опять начнешь глотать таблетки, – усмехнулась девочка.

– А при чем тут таблетки?

– Не понимаешь? Ты не видишь меня, когда их пьешь. Я это знаю, потому что раньше в больницах мне тоже давали всякие лекарства. И тогда все сразу исчезает. Вообще никаких снов.

«Завтра же снова начну пить таблетки», – обрадовался я. И спросил осторожненько:

– А ты разве не хочешь спать без этих дурацких снов?

– Очень хочу, – сказала Иола.

– Тогда давай ты тоже начнешь пить таблетки, ладно? Знаешь, мне как-то не нравится, когда за мной наблюдают.

– Честно тебе ответить?

– Конечно!

– Ничего я пить не буду! – отрезала Иоланта. – Даже не надейся.

– Почему?!

– Сам догадайся, идиот!

Тут она крутанулась на кровати так, чтобы сидеть лицом к стене, и схватила с подоконника какую-то книжку. Открыла и уткнулась в нее, как будто я исчез. Но я успел узнать учеб-

ник геометрии, по которому и сам занимался. На подоконнике еще лежали тетрадки и всякие школьные принадлежности.

До самого утра я наблюдал, как девчонка что-то старательно зубрит. У меня было стойкое ощущение, что она делает домашнее задание, записанное в моем дневнике, которое из-за переживаний я сам и не подумал выучить. И тут я понял, почему Иола не хочет пить таблетки. Да ведь она живет моей жизнью, учит то, что учу я! Вот это я влип!!!

И я не стал пить таблетки. Теперь я знал, что это ничего не меняет: Иоланта все равно видит меня. Так уж лучше быть в курсе того, что она замышляет. Теперь к моим дневным переживаниям прибавилась еще и ночная нервотрепка. Иола то издевалась над моими успехами в учебе, то обзывала слабаком и трусом всякий раз, когда на меня наезжали Карлов и компания. Кажется, она никогда не бывала в хорошем настроении.

В одну из ночей, неделю спустя после первого разговора, я уныло наблюдал, как Иола встает, вернее, рывком вскакивает с кровати. Халатик она, как всегда, натянула еще под одеялом. Первым делом подошла к кровати младшей сестры – та сладко спала. Потом зажгла настольную лампу, загродила ее газетой и села к столу, на котором лежала стопка учебников для восьмого класса.

Но долго заниматься на этот раз Иола не стала. Она подняла голову и зашарила взглядом по стенам и потолку, как будто надеялась обнаружить там меня. А потом завела в пространство свою обычную пластинку:

– Какой же ты тупой идиот! Я видела, как ты позорился вчера у доски! Я тебя презираю! Если хочешь знать, я давно уже выучила то, о чем ты даже представления не имеешь!

Я молча мечтал о том, чтобы поскорее прозвенел будильник и это издевательство прекратилось. Нет, довольно, завтра же чего-нибудь наглотаюсь.

– Ты трус, поэтому всегда молчишь! – подвела итог Иола. – Ты и в школе такой: никогда не дашь сдачи, все терпишь. Тупица, на которого учителя давно махнули рукой. И еще у тебя за всю жизнь не было ни одного настоящего друга!

От ее слов я просто оцепенел. Самое обидное, что кое-что из сказанного было правдой. Настоящих друзей у меня и в прежней школе не было, так, пара приятелей. И с учебой я действительно туго справлялся. Но вот то, что я трус, девчонка напрасно сказала! Был бы трусом, давно бы уже раздобыл деньги, которые требовал у меня Пашка. Наплел бы что-нибудь родителям или, к примеру, продал камеру. Если бы мы с Иолой разговаривали нормально, я бы доказал ей, что не трус. Рассказал бы, например, как в первый же день в бассейне прыгнул с пятиметровой вышки, даже не на спор, а просто так, для себя. Хотя, наверно, она это и сама видела.

Иола хотела еще поунижать меня, но тут в кровати забормотала что-то спросонья младшая сестра. Девочка тут же подошла к ней, взяла на руки и стала убаюкивать совсем другим, ласковым голосом. Но что-то испугало малышку, она вдруг вскрикнула так громко, будто увидела привидение. От этого звука я проснулся, подскочил на кровати и до утра уже не смог уснуть.

На другой день после школы я не пошел слоняться по улицам и не включил, едва войдя в свою комнату, компьютер. Нет, я сразу сел за уроки и трудился до вечера в поте лица. Меня терзало мучительное чувство неловкости. Я знал, что Иола смотрит на меня и, конечно, потешается над тем, как я по часу торчу на каждой странице.

Иногда так хотелось вскочить со стула и отшвырнуть учебники! Что, ну что я хочу доказать? И зачем? Я могу просто не видеть ее, забыть о ней навсегда. Но что-то удерживало меня. Невыносимо было думать, что Иола все равно будет наблюдать и смеяться надо мной.

Пришла с работы мама и немного испугалась, увидев меня за учебниками. Подошла, положила руку на мой лоб, спросила коротко:

- Не заболел? Вид у тебя какой-то квельный.
- Не заболел, – ответил я. – Ты иди, а то мне еще заниматься надо.
- А почему не поел?
- Уроков много задали. И вообще... не хочется.

Мать смотрела на меня в полной растерянности и явно размышляла, не позвонить ли врачу.

– Ладно, заканчивай уроки и отправляйся в постель, – со вздохом произнесла она. – На всякий случай. А я тебе чаю с медом принесу. Говорят, по городу очередной грипп бродит.

Пришлось мне, как младенцу, ложиться в постель в восемь вечера. Ох, лучше бы я этого не делал! Или постарался хотя бы не засыпать сразу, а в интернете поторчал, что ли.

Но я уснул сразу после чая и увидел комнату с желтыми занавесками. Что-то в ней изменилось. А, ясно, исчезла кроватка младшей девочки. Иола лежала в постели, до самого носа укрывшись одеялом. Обычно она сразу вскакивала, и я немного испугался ее неподвижности. Может, грипп и до нее добрался?

А потом заметил, что девочка в комнате не одна. Рядом с ее кроватью на стуле сгорбилась усталая женщина в домашнем халате. Однажды я видел ее в больнице и понял, что это мать Иолы. С тех пор она сильно изменилась и, по-моему, не в лучшую сторону.

У окна стоял мужчина, видимо, Иолин отец. Вид у него был... как бы сказать... сердитый и смущенный одновременно. Я сразу понял, что они с женой ссорятся: видел подобные лица у собственных родителей. Мне захотелось немедленно проснуться, но у меня ничего не получилось.

- Танюша, ты должна понять, – со вздохом произнес мужчина.

Я чуть не захихикал оттого, что он так по-детски называл свою жену. Но тут же заметил, как у Иолы задрожало лицо, и смеяться расхотелось. Кажется, происходило что-то очень плохое.

– Что тут понимать?! – шепотом спросила женщина. – Что я должна своего родного ребенка выкинуть из жизни, будто его и не было?! Да как ты можешь говорить мне это?

– Таня, об этом и речи не идет, – ровным, успокаивающим голосом продолжал мужчина. – Мы найдем хорошую больницу, об Иоланте будут отлично заботиться. Договоримся с медсестрами, чтобы они в ночную смену занимались с ней, и вообще... уделяли внимание.

– Но я сама могу уделять ей внимание, – возразила женщина. – Сейчас Юленька уже подросла, я не так выматываюсь за день. Могу вставать ночью и хотя бы пару часов общаться с Иолой.

– И как ты себе это представляешь? Ты вечером и так с ног валишься, что будет, если не станешь нормально спать по ночам?

Женщина тихо заплакала. Мужчина приблизился и положил руки ей на плечи.

– Но больше всего меня волнует судьба Юли, – сказал он. – Она родилась совершенно здоровой, и будет несправедливо, если мы превратим ее в инвалида.

– Что ты имеешь в виду? – спросила женщина. – По-моему, Юля тут вообще ни при чем.

– А ты забыла, что случилось прошлой ночью? Хорошо, мы прибежали на шум. Ты понимаешь, что могло произойти?

– Ну мы же перенесли ее кроватку к нам в комнату. Это просто несчастный случай... Иола не хотела ничего плохого.

– И сколько Юля будет спать в нашей комнате?! – рассердился мужчина. – Разве у нее не должно быть своей комнаты, как у других детей? А потом, давай говорить начистоту: это ты думаешь, что Иоланта ничего дурного не замышляла. Но ведь мы не можем заглянуть ей в голову. А вдруг ей хочется отыграться на сестренке за то, что та – здоровая, нормальная девочка?

– Перестань! – закричала женщина.

Я чуть не проснулся от этого вопля. Но, как говорится, чуть не считается; я продолжал спать и видел, как мужчина с несчастным видом пытается успокоить рыдающую жену.

– Ну ладно, Тань, это лишь предположения. Давай смотреть только на факты: Юле все чаще задают вопросы. И в садике, и во дворе. Спрашивают, правда ли, что у нее есть старшая сестра, которая почти все время спит и никогда не выходит на улицу? Скоро страшилки станут про нас сочинять. А что будет через пару лет? А когда она пойдет в школу?

– Но ведь во многих семьях есть дети-инвалиды! А братья и сестры учатся воспринимать их правильно.

– Да, инвалиды, но все-таки не такие, как Иола. Знаешь, я бы согласился на что угодно, на любой дефект...

– Алеша!

Уф, это мама, принесла мне градусник. Лицо у нее огорченное из-за того, что разбудила меня. Знала бы она, как я благодарен ей за это! Одно ужасно: скоро все равно придется уснуть и встретиться со взбешенной Иолой. Представить не могу, что с ней творится после того, что она услышала от собственных родителей!

Мама принесла мне еще и таблетки от простуды. Мне невероятно повезло: в эту ночь я Иолу больше не видел. Не видел и следующие несколько дней и ночей, потому что совсем разболелся, и вызванный врач прописал мне пить лекарство три раза в день. Собственно, я мог бы никогда больше не видеть Иолу. Но понимал, что с моей стороны это будет непростительной трусостью и малодушием. А может, все обошлось и родители Иолы успокоились?

Не обошлось. Я это сразу понял, когда заснул через неделю после того разговора. Я был готов к ненависти и ледяному молчанию. Но вышло по-другому, гораздо хуже. Едва я заснул, как Иола поднялась и села на кровати. Но не вскинула голову, как обычно, с сердитым отворачиванием, а продолжала смотреть на свои коленки. А потом вдруг горько заплакала.

– Чего плачешь? – спросил я. – Из-за родителей, да? Ты не обращай внимания, это они сгоряча.

Иола так и подскочила на месте, потом рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку.

– Не смотри на меня! – закричала она.

– Я не могу, – честно сказал я.

– Просто смотри в другую сторону, дебил!

Я послушно уставился в окно. За ним был двор, почти такой, как у нас, верхушки деревьев плясали за стеклом. Я стал прикидывать, на каком этаже живет Иола. Жаль только, что нельзя было заткнуть уши и не слышать, как она всхлипывает. Я подождал немного и спросил:

– Ну что, теперь всю ночь будешь плакать? Может, лучше поболтаем?

– Отстань! – вскрикнула Иола. – Я не хочу разговаривать! Лучше бы ты пил дальше свои таблетки и оставил меня в покое!

– Я бы пил, – вздохнул я, – если бы ты согласилась, ну, тоже их пить. Чтобы мы больше не видели друг друга, понимаешь? Думаю, это было бы правильно. А то как можно нормально жить, если за тобой наблюдают?

На самом деле я давно готовился к этому разговору. И наверное, выбрал неудачный момент, потому что Иола перестала плакать, словно оцепенела. Потом села неподвижно и уставилась в одну точку. Я тут же пошел на попятную:

– Ладно, забудь! Просто я подумал: может, договоримся, чтобы ты хотя бы не все время видела меня? Ну, понимаю, тебе хочется учиться в школе, но есть же еще выходные и каникулы...

Иола коротко и злобно рассмеялась:

– Успокойся, скоро так и будет. Родители хотят поместить меня в больницу для психов. Там в меня наверняка будут вкачивать тонны лекарства. Заживешь спокойно.

На какую-то долю секунды я ощутил невероятное облегчение. А потом мне стало стыдно, и я попытался успокоить девочку.

– Твои родители просто были огорчены, – сказал я. – Они наверняка ничего такого не сделают и никуда тебя не отдадут.

– Еще как отдадут, – спокойным, даже равнодушным голосом проговорила Иола. – Они уже и документы готовят, я знаю. Я им больше не нужна. Спасибо тебе за это!

Тут я возмутился:

– Слушай, почему я всегда во всем виноват?! Разве я так устроил, что мы видим друг друга во сне? Да я бы на все согласился, лишь бы это изменить!

– Ты виноват в том, что ты трус и слабак! – отчеканила Иола. – Зачем ты проснулся в ту ночь, когда я пыталась успокоить сестренку? Испугался детского плача?

Иола сморщилась и отвернулась. Потом сказала с таким отчаянием в голосе, что мне снова захотелось проснуться:

– Я всего лишь хотела ее укачать. Я всегда так делала, когда она просыпалась по ночам. Но из-за тебя я упала на кровать Юли и чуть не придавила ее. А родители подумали, что нельзя больше оставлять ее со мной, что я могу ей как-нибудь навредить! Понимаешь, что ты натворил?! И Юлька теперь меня боится, даже в комнату не заходит!

– Я не виноват! – запротестовал я. Но Иола меня даже не слушала.

– Наплевать, виноват ты или нет! Меня навсегда отправят в больницу!

– Да брось! – сказал я, потому что надо же было что-то сказать. – Вовсе не навсегда. Из всех больниц выписывают.

Иоланта безнадежно качнула головой:

– Ты ничего не знаешь! Это специальная больница, для неизлечимых психов, понимаешь? Из нее не выписывают ни-ког-да!

– Но ты же не психичка!

Иола замерла и сидела тихо-тихо. А я вот снова не смог промолчать. У меня появилась идея.

– А ты напиши им письмо. Ну, объясни, что ты хотела ее просто укачать.

– Думаешь, они вообще в курсе, что я умею писать? – усмехнулась девочка. – Ну, знают только, что меня давно, в больнице, медсестра учила. Я до сих пор пишу им записки печатными буквами, чтобы не пугать.

– Но они ведь покупают тебе учебники.

– Просто так, из жалости. Думают, я играю, будто учусь в школе.

– Но надо же что-то делать!

– А я знаю, почему ты боишься, что меня отправят в больницу! – вдруг заявила Иола.

– Я вовсе не боюсь...

– Ну так сейчас испугаешься! Потому что знаешь, где эта больница? Она рядом с городом, в котором ты живешь!

Я похолодел, но тут же подумал, что я до сих пор не знаю, где живет Иола. Я вообще об этом никогда не задумывался. А она, выходит, знает, где я живу. Вот интересно, откуда?

– Что, думаешь, откуда я это знаю? – ехидным голоском спросила Иола. – Посмотрела на твоей тетрадке, идиот! И знаешь, если меня действительно заберут в больницу, то берегись. Я найду тебя и убью!

– Не убьешь! – сказал я. И даже засмеялся. Хотя мне было не до смеха.

– Ты уверен? – усмехнулась она.

– Ну, ты же спишь... И вообще ты девочка, как ты сможешь меня убить?

– Господи, какой придурок! – прошипела Иола. – Я приду, когда ты будешь спать! И задушу тебя подушкой!

– Ага, очень смешно! Да когда я сплю, то могу проснуться в любой момент, сама знаешь. Тебе ко мне не подобраться! – торжествующе произнес я. – Ты даже к дому моему подойти никогда не сможешь. Если я проснусь, ты упадешь прямо на улице, и тебя переедет машина!

На Иолу было жалко смотреть: так она огорчилась. Но все-таки собралась с духом и заявила:

– Ничего, я найду какой-нибудь способ. Ты еще меня не знаешь! Я обязательно придумаю, как добраться до тебя!

И такая ненависть была в ее голосе, что я дернулся и проснулся. Была середина ночи, но я не собирался снова засыпать – сполз с кровати и сел на пол. И решил, что просижу так до утра, лишь бы не слушать больше угрозы Иолы.

Потом сидеть стало тяжело, и я лег, подложив под голову ладонь. Страх мой уже прошел, злость – тоже. Я думал о том, как помочь Иоле. Потому что, когда я не видел девчонку и не слышал ее воплей, мне всегда становилось ее жаль. Я думал о том, что письмо – не такая уж плохая идея. Просто нужно рассказать родителям всю правду. Они поверят, вынуждены будут поверить – мне ведь отец поверил.

Глава четвертая. Две девочки

Утром мама перепугалась, обнаружив меня на полу. Наверное, я действительно больше не спал, потому что с Иолой точно не разговаривал. Хотя и не мог толком вспомнить, как дождался рассвета. Голова болела, глаза слипались. Но когда мама предложила не ходить в школу, наотрез отказался. Я твердо решил стать хорошим учеником. Чтобы не мучиться мыслями, что Иола наблюдает за моими страданиями у доски.

Еще я планировал помириться с Иолой. И сказать, что готов ей помочь. Пусть она расскажет обо мне родителям, кому угодно. Может, какие-нибудь мудрые профессора придумают, как нам помочь. Может, такое уже случалось с кем-то и когда-то.

Но на следующую ночь мне не удалось поговорить с девочкой. И в последующую пару недель я ее почти не видел. Потому что она чаще всего даже не вылезала из-под одеяла. Или сразу садилась к столу и утыкалась носом в книгу. Я пытался говорить – она трясла головой и зажимала уши руками. Она больше не хотела со мной общаться. А может, ей просто было очень плохо: иногда я видел, как она тайком вытирает глаза.

Со временем я понял, что Иола никогда больше не станет разговаривать со мной. И смирился. Теперь по ночам я страдал не от страха, а от скуки. Иногда от нечего делать занимался тем, что из-за ее плеча читал учебник. Это пошло мне на пользу – в дневнике поселились первые пятёрки.

А в моей жизни произошло важное событие – у меня появился друг.

Я уже объяснял, почему у меня в новой школе не было друзей. Слишком уж опасными врагами я обзавелся в первый же учебный день.

– Ну что, принес бабло? – услышал я голос Карлова в тот момент, когда скидывал ботинки в школьной раздевалке. Голос звучал мирно, но меня бросило в жар. Нужно было как-то покончить с этой историей. И лучше сейчас, когда вокруг ребята, да и техничка тетя Рая торчит у входа в раздевалку.

– Нет, – сказал я как можно тверже. – И не принесу. С чего ты взял, что можешь тянуть с меня деньги?

– Ух ты, как мы заговорили! – протянул Карлов и подошел ко мне почти вплотную. Я едва удержался, чтобы не попятиться.

– Такой смелый, когда вокруг толпа? – правильно разгадал одноклассник. – Так это не всегда бывает. В городе полно безлюдных мест.

В тот момент я был убежден, что никогда в жизни не окажусь в этих местах. И потому стоял на своем:

– Никаких денег я тебе носить не буду. Тоже, нашел дурака. Плевал я на тебя и на твою бригаду.

Карлов помрачнел и отошел от меня. Я был в тот момент таким идиотом: поверил, будто он и впрямь решил, что я крепкий орешек и связываться со мной не стоит.

В тот день я задержался в классе после урока химии – доделывал лабораторную. И так увлекся, что не заметил, как учительница вышла из класса и разбежались одноклассники.

Но не все. Стоило мне написать последнюю формулу, как поток воды обрушился на мою спину, плечи и тетрадь. Я вскочил и увидел всех троих: они стояли цепью за моей спиной, умирали от смеха.

– Что, длинный, хорошо помылся? – спросил меня Карлов. – Меньше вони будет в классе.

И плеснул остаток воды мне в лицо. Этого я вынести уже не мог: вскочил, схватил стул и врезал его ножками Карлову по коленкам. Парень взревел от боли и ярости. И тут они все набросились от меня.

Драться я не собирался – даже если и умел бы, все равно с тремя не справлюсь. Поэтому решил пробиваться к выходу из класса. В школьном коридоре избивать не посмеют.

Вот только они сразу раскусили мои планы. И начали теснить в угол класса. Один из парней железной хваткой зажал мне руки, чтобы я не прихватил по пути что-нибудь, чем можно защититься.

Меня спасло то, что в класс заглянула учительница математики, подруга нашей химички. Прищурилась подозрительно и спросила:

– Что вы тут делаете, ребята? А ну-ка марш из класса.

Я тут же бросился к выходу, едва не снес математичку и помчался по коридору прочь от класса. Но, видно, от растерянности не сообразил, что бежать надо вниз, к раздевалкам. А я метнулся на последний этаж, где учились выпускные классы. Там почему-то всегда было пустынно, старшеклассники или были на уроках, или тусили в столовой.

Так что мои враги, наверное, заранее торжествовали: избить меня на четвертом этаже им будет куда проще.

Расстояние между нами все сокращалось. Кто-то на ходу врезал мне кулаком в спину, и я, хотя продолжал перебирать ногами, чувствовал, что падаю. И старался добежать до стены, чтобы не растянуться на полу. Не успел, упал раньше. И с ужасом увидел, как они окружают меня, лежащего, как гнусно скалятся от радости... от страха я закрыл глаза...

– А ну, мелкие, разбежались! – вдруг рявкнул кто-то.

Мои одноклассники тревожно застыли. Мне с пола не было видно, кто это говорит, но в тот миг я радовался даже небольшой отсрочке.

– Живо! – скомандовал голос. – Ваще страх потеряли, что ли?! Здесь территория старших классов. Позвать ребятков, чтоб до вас легче дошло?

И стая дрогнула, нехотя отступила. Я не поднимался, потому что не верил до конца своему спасению. К тому же опасался, что тот, кто разогнал моих врагов, может теперь заняться мной. Я ведь тоже – нарушитель границы.

– Чего разлегся? – спросил голос у меня над головой. И я увидел парня, которого запомнил по первому дню в новой школе. Это он тогда стоял в дверях и собирал дань. Кажется, моя сестра назвала его Иваном. И дала понять, что во всей школе нет типа опаснее, чем он.

Я медленно встал. Мы оказались почти одинакового роста, правда, Иван был раза в три шире.

– Чего эти шакалы на тебя набросились? – спросил он.

Я пожал плечами:

– Не знаю. Я вообще новенький, у меня с первого дня с ними проблемы.

– А чего падаешь, как девчонка? – презрительно скривился новый знакомый. – На вид вроде не хилак. Что, не можешь с ними нормально разобраться?

– Я драться не умею, – признался я.

– А чего тут уметь? – повел огромными плечами Иван. – Надо просто кидаться на всякого, кто хоть слово вякнет в твою сторону. Сразу и со всей злостью. Живо научатся тебя уважать.

Я только вздохнул. Теперь, наверное, придется кидаться, иначе изувечат.

– Ладно, – сказал парень. – Меня Иваном зовут. Иван Разин. Суперская фамилия, ага?

И протянул мне руку. Я ее пожал, волнуясь даже больше, чем когда убегал от ребят.

– Мы с тобой в одном дворе живем, – сообщил мне Иван. – Я тебя видел. Тебя в школу на машине возят, а я пешком пущу.

– Хочешь, я попрошу папу, он и тебя будет подвозить? – заволновался я. – Какая ему разница, сколько человек везти?!

– Ладно, поглядим, – солидным басом произнес Иван и хлопнул меня по плечу. – А я тебя научу сдачи давать. Чтобы уважали, понял?

Я с робкой надеждой кивнул.

В тот же вечер Иван зашел ко мне домой, вежливо поздоровался с мамой и позвал меня во двор. Вообще-то я собирался еще посидеть за уроками: хотя Иола больше не общалась со мной, я все равно пытался доказать ей, что в состоянии осилить школьную программу. Но разве можно отказать новому другу, такому взрослому, такому авторитетному?

Мы бродили по двору и болтали, пока не начал моросить дождь. Потом Иван пригласил меня к себе в гости.

– А твои родители дома? – спросил я.

– Не-а! – помотал головой Иван. – Они вообще поздно приходят. Не дрейфь.

Квартира Ивана оказалась совсем маленькой. Зато имелась вместительная кладовка, которую мой новый друг с гордостью представил мне как свою собственную комнату. Там был стол, и стул, и всякие спортивные прибамбасы вроде гантелей.

Матрас почему-то лежал прямо на столе. Иван пояснил, что на ночь разворачивает его и спит. Правда, ноги не умещаются, приходится класть их на табуретку и спать в виде буквы «Г».

– У вас ведь две комнаты? – спросил я. – Зачем же спать в кладовке?

– Комната сеструхина, – пояснил Иван и поморщился, будто лимон надкусил. – Я туда не суюсь. Хочешь, покажу, какой вес поднимаю?

В этот миг я услышал, как в замке проворачивается ключ.

– Родители? – заволновался я.

– Сестра, – опять скривился Иван. – Все, выметаемся на улицу, а то начнется...

И тут в комнату вошла девочка с нотной папкой – на ней еще клавиши были нарисованы. Волосы ее были гладко зачесаны и собраны в кичку на затылке. И все-таки я сразу понял: вот кого я уже месяц напрасно сторожил на балконе.

Наконец-то я мог разглядеть ее вблизи. У девочки были голубые глаза и очень бледное лицо. Волосы намокли и казались темными, но я-то помнил, что они – пушистые и золотые. Девочка смотрела на нас возмущенно.

– Ванька, родители велели никого домой не приводить! – сказала она брату. Ей пришлось закидывать голову, чтобы строго глянуть на него. На меня же – никакого внимания.

У моего друга окончательно испортилось настроение.

– Ладно, не ори, мы уходим, – пробасил он. – Настучишь на меня?

Девочка только усмехнулась. Но когда Иван пошел в кладовку за курткой, вдруг спросила меня:

– Мальчик, ты в какую школу ходишь?

Я ответил, заикаясь, что учусь с ее братом в одной школе.

– А в каком классе? Тоже в девятом?

– В восьмом, – выдавил я.

– И я в восьмом. – Она как будто удивилась такому совпадению. – Только я в гимназию хожу, от нее ближе до музыкальной школы. А ваша школа бандитская, это все знают. Родители потому и не разрешают Ваньке никого домой приводить. Ты обиделся?

– Нет, что ты!

– Заходи, когда родители будут дома. Они с тобой познакомятся и разрешат Ваньке с тобой дружить. Договорились?

– Ага!

У меня просто ноги подкашивались от волнения. Я всегда был уверен, что ни одна девочка на свете не станет болтать со мной больше двух секунд. Она наверняка или начнет хохотать мне в лицо, или упадет замертво от скуки. А Ванькина сестра пока ничего такого не сделала.

Уже на улице я узнал от Ивана, что его сестру зовут Тася, что она противная, нудная и достала его своей музыкой. Я ответил, что тоже не в восторге от своей старшей сестрицы. А сам подумал, что отдал бы все на свете, лишь бы оказаться на Ванькином месте и иметь возможность видеть эту девочку каждый день. И как же здорово, что во всей школе именно Иван стал моим другом!

В ту ночь я долго не ложился, все торчал на балконе и пытался в светящихся окнах Ванькиной квартиры разглядеть Тасю. Уснул после полуночи, почти счастливый, и, конечно, сразу увидел Иолу. Почему-то не в комнате с желтыми занавесками, а совсем в другом и очень неприятном месте.

Вроде это была очередная больница. Только палата выглядела уж очень мрачной и неудобной. По обе стены от окна стояли койки, и на каждой спали люди. Они были очень странные: например, одна девочка колотила руками по одеялу и как будто напевала какую-то песню, а другая вообще спала сидя, свесив между колен нереально большую голову.

Я глянул на Иолу. Она медленно села в постели, как будто у нее совсем не было сил двигаться. Ее темные волосы, прежде всегда аккуратно забранные в хвост, были перепутаны и падали на лицо.

Иола стала искать под кроватью свои тапки. Один нашла сразу, а второй куда-то запропастился. Тогда она зажгла маленькую лампу-прищепку в изголовье кровати. И почти сразу в палату влетела медсестра.

Я понял по ее виду, что медсестра – тетка злющая и всех ненавидит. Она заорала на всю палату:

– Андреева, погаси лампу, живо! Не видишь, все спят! Ишь, взяла моду полуночничать!

Конечно, от ее крика все начали просыпаться. Девочка с большой головой вздрогнула и захныкала, как младенец. А другая, взрослая женщина, закричала со своей кровати:

– Что вы нас мучаете?! Уберите эту девчонку, или я приму меры! Я пойду к главврачу! Найдите ей особую палату!

Пока она возмущалась, Иола молча сползала под кровать, нашла свой тапок, обулась и вышла в коридор. Медсестра кричала ей вслед:

– У тебя пять минут, Андреева! Чтоб сделала быстро свои дела, а потом – в кровать, и тихо, как мышь!

Иола скованной походкой шла по коридору. Как будто боялась, что из темноты кто-то выскочит на нее. Я был рядом, как всегда, но никак не решался с ней заговорить. Не доходя до туалета, она свернула в маленький закуток с окошком и прижалась носом к стеклу.

– Иола! – позвал я совсем тихо, не надеясь, что девочка отзовется.

Но неожиданно она ответила мне слабым голосом:

– Ну чего тебе?

– Иола, это что, та самая больница?

– Сам не видишь? – начала закипать она.

– Но почему тут так ужасно?! Те, в которых ты раньше лежала, были лучше, и медсестры в них нормальные.

Иола дернула головой, всхлипнула и прижала руки к лицу.

– Потому... – борясь с рыданиями, прошептала она. – Потому что в тех больницах меня пытались вылечить, а в эту просто сдали, навсегда!

– Как навсегда?! – заорал я. – Не может быть!

– Ну, не знаю точно... Мама говорила, что они будут искать хорошую клинику. Вроде здесь я временно. Но я не верю! – вдруг выкрикнула она. – Они просто забудут обо мне, и я останусь здесь на всю жизнь, понимаешь?!

Иола зарыдала. Все это было ужасно, и я совершенно не знал, как ей помочь. Пока не вспомнил свой прежний план.

– Слушай, не надо плакать, я знаю, что нужно делать, – сказал как можно тверже. – Я сам напишу твоим родителям. Скажи мне адрес.

– Отстань от меня! – прошептала девочка. – Ты мне не поможешь.

– Нет, помогу, – настаивал я. – Я напишу им всю правду! Ну, легко же проверить, что мы действительно видим друг друга во сне. Может, такое уже бывало раньше, и ученые знают, как нас... ну, разъединить.

Иола несколько минут молчала, и я уже начал надеяться, что она согласится на мой план. Но тут я услышал, как медсестра зовет ее противным злым голосом. Иола подскочила и зашипела:

– Никогда больше не разговаривай со мной, слышишь! И не смей никому писать, все равно не поверят! Ты просто боишься, что теперь я доберусь до тебя. Потому что я совсем рядом! Тебе конец!

– Иола, перестань! – взмолился я.

Но тут появилась медсестра.

– Ты с кем тут разговариваешь? – спросила она, подозрительно водя длинным носом по всем углам.

– Ни с кем.

– Ты это брось. – Медсестра подошла к Иоле почти вплотную, и я очень испугался, что она сейчас ударит ее. – Мне сказали, ты только спишь все время, так что нечего тут психичку изображать. Возьми на раздаточном столике еду, съешь – и быстро в постель. Все ясно?

– Ясно, – сказала Иола, низко склонила голову и побрела в столовую есть остывшую и заветренную еду из пластиковой миски.

Глава пятая. Иола в беде

Утром я проснулся в ужасном настроении. Я понял: нужно что-то делать, срочно помочь Иоле. Иначе спать спокойно мне не придется никогда.

Был выходной день. Отца, правда, не было дома, в последнее время он постоянно пропадал у себя на фирме. Мама на кухне возилась с кастрюлями, готовила обед на всю неделю. Я подошел к ней сзади, подергал за завязки передника и попросил:

– Мама, поговори со мной пару минут!

Она обернулась и глянула на меня как-то очень подозрительно:

– В чем дело, Алеша? Опять неприятности в школе?

– Да нет...

– Тогда, пожалуйста, займись чем-нибудь до обеда. Ты видишь, у меня очень много дел.

Но я решил, что не отступлю, пока не поговорю с мамой. Тем более я знал, что в больницах суббота и воскресенье – приемные дни. Я надеялся, что мать поверит мне и я уговорю ее завтра навестить вместе со мной Иоланту.

– Это очень важно, – сказал я.

Тогда мама опустила на табуретку и посмотрела на меня тревожными глазами. И я, чтобы не пугать ее еще больше, поскорее начал рассказывать:

– Мам, помнишь, я тебе говорил, что мне каждую ночь снится одна и та же девочка? Ну, когда был еще маленьким. Так вот, теперь я точно знаю, что эта девочка действительно существует!

Мама улыбнулась. Лицо у нее вдруг стало такое молодое – давно такого не видел. И спросила:

– Ты влюбился, сынок?

Кровь шибанула мне в лицо. Захотелось рывкнуть на мать и убежать с кухни, но не бросать же такое важное дело на полпути.

– Нет, при чем тут это! Зачем ты выдумываешь? Если бы ты ее видела, то никогда бы так не сказала! Она все время ругается или плачет!

– Ну и хорошо в таком случае, что я ее не видела и никогда не увижу, – усмехнулась мать и снова встала к плите. – Постарайся смотреть в своих снах на каких-нибудь других девочек.

– Ты не понимаешь, мам! – вспыхнул я. – Она плачет, потому что ей очень плохо! Она просыпается, когда я сплю, и засыпает, как только просыпаюсь. Но я могу сам проснуться, а она – нет. Поэтому ей нельзя ходить в школу, гулять во дворе и вообще... жить дома. Теперь ее отдали в больницу, просто ужасную. Может быть, навсегда, на всю жизнь отдали! Понимаешь?

Мама больше не смеялась, а смотрела на меня очень внимательно. Мне показалось на мгновение, что она действительно меня поняла... но только показалось!

– Не понимаю, сынок, что я могу для тебя сделать? – спросила мама. – Чего ты от меня ждешь?

– Помоги мне! – взмолился я. – Я знаю, что ее привезли в наш город, значит, она где-то рядом. Мы можем обзвонить больницы, найти и навестить ее. Потом ты бы могла написать ее родителям, и вообще...

– Что вообще, Алеша? – тихо спросила мама.

– Ну, как-нибудь помочь, – пробормотал я, уже понимая, что ничего не вышло.

– Сыночек, послушай меня... Давай с тобой договоримся, что это всего лишь сон. Потому что, если ты еще будешь говорить об этом, я стану очень бояться за тебя. Ты же не хочешь, чтобы я переживала, правда?

– Не хочу, – согласился я. – Но, мама, она угрожает меня убить, между прочим! Если я ей не помогу, она когда-нибудь доберется до меня! Ты ведь тогда будешь еще больше переживать, разве нет?

– Иди в свою комнату, Алексей, – сказала мама усталым голосом. – Сейчас я больше не хочу говорить об этом. Думаю, и в будущем не стоит возвращаться к этой теме.

И я, как оплеванный, поплелся в комнату. Днем зашел Иван, позвал меня в гости. Он хотел познакомить меня с родителями, чтобы они увидели меня и разрешили заходить в любое время.

Идти мне никуда не хотелось. Я переживал, что мама все еще ходит с таким лицом, будто я рассказал ей о себе что-то постыдное и ужасное. И за Иолу – вдруг ее прямо сейчас обижают соседки по палате, а она не может проснуться и разогнать их. И мне не хотелось, чтобы Тася видела меня в таком жалком состоянии. Но все-таки Иван настоял на своем.

Родители его мне понравились. Они были веселые, подшучивали друг над другом, накормили нас обедом так, что встать было невозможно. Тася в своей комнате играла на пианино, по-моему, совсем как взрослая музыкантша. Она вышла к чаю, улыбнулась мне приветливо, как хорошему другу. И мне ужасно захотелось, чтобы так оно и было.

Правда, тут выяснилось, что Иван должен садиться за уроки и на улицу больше не пойдет. Я растерялся, не зная, как себя вести: нужно ли уходить сразу или посидеть еще немножко. От волнения прилип к стулу. И вдруг Тася спросила:

– Сходишь со мной за хлебом? А то после дождя земля скользкая, я боюсь упасть и повредить пальцы.

Я тут же отклеился от стула, вскочил и сказал:

– Конечно, пошли!

По пути к магазину Тася шагала впереди, а я плелся за ней. Сам не знаю, что мне мешало просто идти рядом, но ей приходилось всякий раз поворачивать голову, чтобы задать вопрос. А вопросов было много.

– А ты правда учишься в восьмом классе?

– Ну да, – сказал я. – А что?

– Родители сперва подумали, ты из Ванькиного класса. У нас в классе, например, нет таких высоких парней.

Я покраснел от удовольствия и опустил голову, чтобы румянец не был замечен.

– А почему ты дружишь с Ванькой?

– Что, нельзя? – удивился я.

– Ну, не знаю... Ведь он старше тебя. И он хулиган. Родителей даже в полицию много раз вызывали.

– А я тоже хулиган! – вдруг заявил я и сам удивился своим словам. Это уж точно была распоследняя ложь.

– Ты? – Тася развернулась ко мне и удивленно заморгала. – Вот никогда бы не подумала!

Мне показалось, что она посмотрела на меня с отвращением и тут же немного ускорила шаг. Я был готов откусить себе язык! Надо же ляпнуть такое девочке, которая мне нравилась. Я плелся следом за Тасей, не зная, как исправить положение. А она больше не поворачивала голову.

Вдруг, когда мы уже почти были у магазина, девочка поскользнулась на краю большой лужи и отчаянно замахала руками, стараясь удержать равновесие. Я бросился к ней, схватил за плечи и держал, пока она не встала ровно. Потом поспешно отступил назад.

– Спасибо, – чуть задыхаясь, сказала Тася. И добавила задумчиво: – Знаешь, приходи к нам почаще. У Ваньки хоть один нормальный друг появится.

У меня отлегло от сердца. На обратном пути я уже шел рядом с Тасей, и хотя и не касался ее, но держал руку согнутой в локте и всем видом выражал готовность поддержать, если она снова поскользнется.

Вечером я рано уснул и увидел Иоланту в каком-то странном виде. Она лежала на кровати, плотно закрыв глаза, хотя я точно знал, что она никак не может спать сейчас, когда спал я. Поэтому позвал ее:

– Иола!

Сначала она даже не шевелилась, и я всерьез испугался. Но потом тихонько встала и выскользнула из палаты. Прижимаясь к стене, девочка на цыпочках шла в сторону пищеблока. Сестра, к счастью, дремала на своем посту и даже не открыла глаза, когда Иола пробиралась мимо.

Забившись в закуток за кухней, Иола наконец заговорила. Голос ее звучал хрипло и как будто испуганно:

– Чего тебе?

– Просто хотел спросить, как ты.

– Плохо! – прошипела она в ответ.

– Что еще случилось?!

– А ты сам не понимаешь? – спросила она таким голосом, как будто я издевался над ней. – Не видишь, куда я попала? Вчера ночью слышала разговор двух медсестер.

– Я тоже слышал, – сказал я. – Но они же просто шутили!

– Ничего подобного! Одна говорила, что ее раздражают мои шатания по ночам. А вторая сказала, что в таком случае надо сразу делать мне укол, чтобы я, как нормальная, спала по ночам. А днем – это уж мое дело, их не касается. Она сегодня дежурит, гадина. Мне надо вернуться в палату, пока она не заметила, что я встала. Иначе точно иглу мне всадит. Таблетки я давно научилась выплевывать, но это...

– Подожди! – крикнул я. – Иола, ты знаешь точно, где находишься? Ну, адрес больницы? Мы с мамой обязательно навестим тебя и придумаем, как тебе помочь!

Тут Иола засмеялась – невесело, злобно. И сжала кулаки.

– Вы с мамой? – протянула она. – Совсем идиот? Твоя мама никогда тебе не поверит. Я видела, какое у нее было лицо, когда ты с ней говорил. Да тебя самого сплавят в больницу!

– Никуда меня не сплавят! – заорал я, возмущенный таким предположением. – Мама просто была занята, но потом она обязательно выслушает и мне поверит!

Иола побледнела так, что даже в полутьме было заметно. Потом проговорила тихо, но голос ее вибрировал от ненависти:

– Ну и не смей со своей мамочкой сюда соваться! Мне ваша помощь не нужна! Лучше общайся с той белобрысой уродиной, которая на пианино играет!

– Тася – не уродина, – возразил я из чувства справедливости.

– Исчезни! – рявкнула Иола.

Как будто я мог! Я только хотел это напомнить, когда услышал чужой раздраженный голос:

– Андреева! Где шляешься? Живо отзовись!

Иола оцепенела от ужаса. Я посмотрел в сторону коридора и увидел тощую, морщинистую медсестру, спешащую к девочке по коридору. Вид у нее был такой злобный, что я дернулся – и проснулся.

...Я вскочил с кровати и зажег настольную лампу. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышал весь дом. Я даже удивился, как это никого не разбудил.

Все было ужасно! Я пытался представить, что сейчас происходит с Иолой. Она уснула, и медсестре пришлось тащить ее в палату на руках. Теперь совсем взбесится. Но хотя бы не станет делать Иоле укол, ведь она и так спит. Или станет?

На всякий случай я решил больше не засыпать в эту ночь. Вдруг злобная тетка сейчас стоит над Иолой со шприцем в руке и ждет, когда та откроет глаза?

Я распахнул окно, пытаюсь окончательно проснуться. От сквозняка дверь заходила ходунком, и я тут же прикрыл створку, боясь разбудить родителей. И уже через пять минут мне ужасно захотелось спать. Я стал ходить на цыпочках по комнате, стараясь взбодриться. И продолжал гнать сон до самого звонка будильника.

К этому времени я уже устал так, будто всю ночь рыл землю. Машинально натянул на себя школьный костюм и поплелся в другую комнату.

Удивительно, но в этот раз за завтраком собралась вся наша семья: папа, мама, Кира.

– Как спал, Алеша? – спросила мама, когда я рухнул на табуретку.

Я пожал плечами. Да никак!

– Кошмары не беспокоили?

Мне показалось, что они с отцом как-то странно переглянулись. Я отрицательно помотал головой.

– Ну и хорошо, – сказала мать вроде как с облегчением. А отец очень внимательно посмотрел на меня.

На следующую ночь мне не удалось узнать, обошлось ли у Иолы с медсестрой, – она просто не стала со мной разговаривать. А может, не могла – если ей ввели лекарство, то все, связь потеряна. И так продолжалось всю следующую неделю.

В понедельник первым уроком была алгебра. Я знал, что меня могут спросить: был конец триместра, а в журнале у меня четверки чередовались с тройками. Поэтому просидел полночи, повторяя параграфы и решая задачи.

Конечно, классная вызвала меня к доске первым. Сунула мне в руки карточку с заданием. Я прочел условие и удивился. Задача совсем не показалась мне сложной, наоборот, просто смешной: в последнее время я множество таких перерешал.

Я быстро и уверенно записал на доске условие, потом повернулся к учительнице и твердо произнес:

– Здесь нужно составить уравнение!

– Составляй, – кивнула учительница, и в ее глазах я заметил скрытое одобрение.

Я окончательно приободрился, четко, изо всех сил налегая на мел, записал уравнение на доске, а затем приступил к решению.

Все уже было почти готово, оставалось только написать ответ...

«Идиот! – насмешливо произнес до чертиков знакомый голос. – Здесь надо умножать, а не делить!»

От неожиданности я дернулся, прижался спиной к доске и в ужасе обвел глазами класс. Нет, конечно, никто ничего не слышал, все спокойно занимались своими делами. Я попытался взять себя в руки: все нормально, просто Иола никогда раньше не разговаривала со мной, когда я не спал. Значит, вот как она слышит мой голос. Как будто кто-то стоит рядом с тобой и говорит в самое ухо.

Я уставился на свое уравнение, проверил каждую цифру, каждый знак. Нет, кажется, составлено верно. Но на всякий случай быстро стер ладонью последнюю формулу.

– Леша, что с тобой? – спросила учительница. – Ты так уверенно начал. Почему сейчас застыл?

Я потянулся к доске, собираясь вывести окончательную цифру.

«Условие перечитай! – хихикнула Иола. – Или даже читать нормально не научился?»

Я снова отскочил от доски и уткнулся носом в карточку. Но условие, которое только что казалось таким четким и ясным, теперь утратило всякий смысл. Какие-то туристы куда-то идут... навстречу друг другу... или в разные стороны?

«Что, понял, какую ерунду написал? – спросила Иола. – И таблицу умножения ты не знаешь. Ну, сколько будет семь умножить на семь?»

Действительно, сколько? Сорок семь? Сорок девять?

– Отстань от меня, – прошипел я себе под нос. Мне так хотелось, чтобы этот голос перестал звучать в моей голове! Тогда бы я еще смог все исправить.

– Что? – спросила учительница, которая, оказывается, подошла совсем близко. – Что ты там шепчешь?

В классе уже начались смешки. Я на мгновение обернулся и заметил, что все смотрят на меня с любопытством и веселым ожиданием. И от этого растерялся еще больше.

– Ну давай, заканчивай, ты почти решил!

Издевалась учительница надо мной, что ли? Видела, что уравнение записано неправильно, и только ждала, когда я закончу, чтобы разнести мое решение в пух и прах?

Я еще раз попытался взять себя в руки. Перечитал условие. Посмотрел на доску. И твердо вывел решающую цифру.

«Ой, какая чушь! – протянула Иола. – Все, все неправильно!»

– Отвяжись от меня! – крикнул я. И в ужасе зажал рот ладонью.

Но было уже поздно. Класс повалился на парты от хохота, а учительница смотрела странным и даже испуганным взглядом. А потом спросила тихо-тихо:

– Алеша, с кем ты говоришь?

– Ни с кем, – прошептал я.

– Хорошо, садись на место.

– Я еще не дорешал...

– Ничего, с этой задачей все понятно, у нас сейчас будет новая тема, – твердо проговорила учительница. – Иди за парту.

Я сел и до конца урока старался не шевелиться и не привлекать к себе внимания. Меня трясло. Я не понимал, зачем Иола так поступила. Действительно хотела помочь? Но ведь учительница не сказала, что задача решена неправильно, и даже дала классу минуту на списывание моего решения в тетради. Иола ошиблась? Или... сделала это специально?

Когда прозвенел звонок, я не двинулся с места. Даже не забрал свой дневник, который, выходя к доске, положил на учительский стол. Дежурный по классу швырнул его мне. Я осторожно открыл нужную страницу, гадая, какую оценку там увижу. Но там ничего не было.

Глава шестая. Псих

Я хотел просидеть за партой всю перемену, но дежурный нудел над ухом, что все должны покинуть класс для проветривания. Я встал и почувствовал, как подкашиваются ноги. Видно, перенервничал у доски. Вышел из класса и прислонился к стене.

И немедленно передо мной возник Паша Карлов, заклятый враг. Корчась и делая вид, что отрывает от себя чьи-то руки, он завопил тонким, отвратительным голосом:

– Отстань от меня! Не трогай меня!

Я ткнул его кулаком в грудь. Пашка отскочил и завопил на весь коридор:

– Ой, не тронь меня, я тебя боюсь!

Я заметил в стороне нескольких ребят из нашего класса. Они смотрели на меня и о чем-то активно шептались. Наверняка обсуждали происшествие в классе. Невозможно было торчать у них на виду всю перемену, поэтому я отлип от стены и бросился по лестнице вниз, к раздевалкам.

Обычно там дежурила техничка и никого в неположенное время в раздевалки не допускала, но сейчас ее не было на месте, и я быстро забился за самую дальнюю вешалку. Кажется, пришло время кое-что обсудить с Иолантой.

– Зачем ты это сделала? – прошипел я.

«Что сделала?» – От ее невинного голоса меня так и затрясло от злости.

– Сама знаешь что! Зачем привязалась ко мне с этой задачей? Специально, чтобы выставить дураком перед классом?

«Нет, конечно, – хихикнула Иола. – Ты и сам себя очень хорошо имставляешь. Просто подумала, что ты, как всегда, напутал с решением».

– Не ври! Ты прекрасно видела: я правильно все делал! Сама вечно хвастаешься, что все эти задачки по сто раз перерешала.

«А может, у меня в голове все перемешалось, – вздохнула девочка. – Такое, знаешь, случается, когда падаешь прямо на пол. У меня до сих пор на голове огромная шишка».

– Но я же не виноват! – заорал я.

В этот миг мне показалось, что кто-то заглянул в раздевалку. Я зажал ладонью рот и даже присел от испуга на корточки. Не хватало, чтобы меня кто-нибудь застукал за беседой с невидимкой: точно решат, что я псих. Но нет, все было тихо. Только назойливо звучал в голове голос Иолы:

«Не виноват? А разве так трудно держать себя в руках и не просыпаться каждую секунду? Мне было ужасно больно!»

– Просто я увидел медсестру и испугался! – оправдывался я. – За тебя!

«Он испугался! Ой, какой же ты слабак!»

В этот миг я понял, что ненавижу Иолу. И мечтаю только об одном: никогда больше не слышать ее голос! Ненависть переполнила меня, я стиснул кулаки, затряс головой и заорал что было сил:

– Молчи, молчи, молчи!

– Алеша!

Я вздрогнул и обернулся ко входу в раздевалку. Там стояли техничка и наша классная Маргарита Петровна. Учительница смотрела на меня круглыми от испуга глазами. Техничка – та вообще держалась руками за грудь и лепетала:

– Я думала, поймала воришку, что по карманам шарит! А тут он! Ах ты ж, бедный мальчик!

Учительница подошла ко мне, взяла за плечо и вывела на свет, в коридор. Молча оглядела с ног до головы и сказала:

– Пойдем, посидишь в учительской, Алексей. Я позвоню твоим родителям, пусть кто-нибудь придет за тобой.

– Зачем? – не понял я. Если она хочет отправить меня домой, то я и сам отлично дойду, не маленький.

– Так надо, – уклончиво ответила классная. – Мне кажется, ты не совсем здоров сегодня. Так что, пожалуйста, не спорь со мной.

Я пожал плечами и поплелся в учительскую. Меня очень волновало, что скажет учительница маме. Но та говорить при мне ничего не стала, ушла, наверное, в кабинет директора. Я хотел воспользоваться случаем и улизнуть, а потом понял, что будет только хуже. В класс возвращаться нельзя, а смыться домой – меня туда и так отправляют. Хорошо хоть, Иола притихла.

Мать скоро приехала за мной и долго разговаривала с учительницей в коридоре. Я думал, что по дороге домой мама сразу выложит мне, в чем я виноват, как это обычно бывало. Но она молчала, только время от времени очень странно на меня посматривала.

Дома тоже все пошло как-то не так: после обеда я хотел заняться уроками, но вошла мама и почти вырвала книжки у меня из рук. И сказала, что уроки мне делать не надо, потому что все равно я завтра в школу не пойду.

– Почему это? – изумился я.

Мать посмотрела на меня несчастными глазами и снова вздохнула:

– Ну, Маргарита Петровна считает, что ты немножко переутомился и тебе нужно побывать у доктора.

– Почему? – повторил я.

– Ну как это почему? Маленький, что ли, не понимаешь? И вообще, с каких пор ты не радуешься возможности денек отдохнуть от школы?

Нет, я был рад, конечно, особенно после сегодняшнего случая у доски. Пусть уж лучше ребята его подзабудут. И не делать на законных основаниях уроки было приятно. Только что толку? На улицу меня все равно мать непустила, компьютер включить не позволила. До самого вечера я тоскливо слонялся по квартире.

Ночью я увидел Иолу в постели. Она лежала, накрыв голову одеялом, так тихо, что казалось, спала. А может, и в самом деле спала? Может, медсестры все-таки начали делать ей уколы на ночь?

После обеда мы с матерью поехали в больницу. Мне было очень не по себе: врачей я побаивался с детства. Хорошо хоть, речь шла не о стоматологе. Самое большое, что мне грозило, – это удар молоточком по колену и множество нудных вопросов. Придется как-то выкручиваться: не рассказывать же врачу об Иоланте.

Еще мама сказала, что в больницу за нами заедет отец и после мы все вместе поедем в парк и немного погуляем. Я обрадовался: в последнее время я видел отца редко.

Нас приняли сразу. Сначала мы зашли в кабинет вместе с мамой, но потом меня попросили немного посидеть в коридоре. Доктор мне понравился: такой добрый седенький дядечка. Так что я спокойно ждал, пока мама расписывала ему мои проблемы. Потом меня позвали в кабинет.

– Ну вот, – сказал доктор и похлопал меня по плечу. – Теперь мы с молодым человеком посекретничаем, а мамочка нас снаружи подождет.

Я быстро оглянулся, отыскивая взглядом того молодого человека, с которым нам предстояло говорить. Но в кабинете никого больше не было. Тут я понял, что доктор имел в виду меня, и даже прыснул. Мама выскочила из кабинета так поспешно, будто ее выгнали из класса. Мне показалось, что глаза ее были красными.

И начались расспросы. Доктор желал знать, нравится ли мне учиться в школе, легко ли я справляюсь с уроками. Много ли у меня друзей. Я отвечал ему, как мог, потому что в тот момент думал совсем о другом.

Я думал: вот интересно, этот добряк доктор поймет меня, если я расскажу ему об Иоле? Или сразу вызовет санитаров и даст команду связать меня по рукам и ногам? Нет, конечно, говорить ему ничего нельзя, не то место, чтобы вылезать с такими признаниями.

Но ведь этот старенький врач, наверное, много разных пациентов принял за свою ужасно долгую жизнь, вдруг он и о чем-то подобном слышал? А потом, ему пара пустяков узнать, в какой из больниц нашего городка лежит Иоланта. Может, рассказать ему все так, как будто это случилось с одним моим знакомым? Меня так увлекла эта идея, что я почти перестал отвечать на вопросы.

– Я еще ненадолго займу ваше внимание, – очень вежливо сказал мне доктор и достал откуда-то стопку бумажек. Он начал показывать мне какие-то странные картинки и всякий раз спрашивал, что мне приходит в голову, когда я смотрю на изображение. Я увлекся и на время даже забыл о своей идее. Разглядывать пятнышки было прикольно.

Наконец в руках доктора осталась только одна: черные капли на белом фоне. Я хотел сказать, что эта картинка напоминает мне следы на снегу. И вдруг в голове моей громко и резко прозвучал голос Иолы:

«Пятна крови!»

От неожиданности я вздрогнул, прижал ладони к ушам и испуганно взглянул на доктора. Мне показалось, невозможно не услышать такой громкий вопль. Доктор смотрел на меня очень внимательно.

– Что случилось, молодой человек? – спросил он. – Устали?

– Нет, – выдавил я.

– Продолжим?

Я кивнул. И снова услышал голос, произнесший ужасные слова:

«Сидишь тут, ждешь, что твой папочка за тобой приедет! А он не приедет! Не жди!»

Тут я, конечно, забыл про доктора, вскочил со стула и громко крикнул:

– Почему?!

«Потому что он только что в аварию попал, вот почему!» – отрезала Иола.

– Ты врешь! Откуда ты можешь знать?

Краем глаза я видел, что доктор перегнулся через стол и что-то говорит мне. Губы его шевелились, но в этот момент я мог слушать только Иолу.

«Не веришь? – тихо спросила Иола. – Выгляни в окно и сам все увидишь!»

Конечно, я бросился к окну. Но мы были на шестом этаже, и из него не было видно дорогу – только сквер напротив. Тогда я мигом вскочил на подоконник и прижался лицом к холодному стеклу. Но все равно видел только тротуар.

Доктор был уже рядом, он обеими руками крепко держал меня за брюки и пытался стянуть с подоконника. И громким голосом звал кого-то на подмогу. Я отпихивал его руки и пытался распахнуть раму. Тут дверь в кабинет распахнулась, вбежал мужчина в белом халате, а за ним – моя мама. Мужчина без лишних слов сгреб меня в охапку и стащил вниз. А мать замерла в дверях, прижала ладони к щекам.

– Ма-ам! – вопил я, извиваясь в чужих сильных руках. – Позвони папе, узнай, с ним все в порядке? Прямо сейчас позвони!

Мама несколько мгновений смотрела на меня так, будто я вдруг заговорил на иностранном языке. Потом расклеила совершенно белые губы и прошептала:

– Сыночек, не бойся, с нашим папой все в порядке. Он уже приехал, поднимается по лестнице.

Я сразу успокоился и повис на руках санитаря. Так, понятно, Иола опять меня обманула. Но зачем? Ах да, она же обещала, что испортит мне жизнь. Думаю, ей это удалось: после такого выступления доктор от меня не скоро отвяжется.

Потом я снова сидел в коридоре. Но теперь уже не один, а в компании санитаря, который прежде снял меня с окна. Конечно, в его присутствии я не мог сказать Иоле, что думаю о ее последней выходке. А сказать ужасно хотелось.

Родители за дверью разговаривали с доктором. Когда они вышли, у мамы был насморчный вид, а отец показался мне очень сердитым. На меня он глянул как-то странно. А мне так хотелось обнять папку и объяснить, что я ужасно испугался за него! Но когда отец в таком состоянии, к нему лучше не подходить, это я знал точно. Поэтому молча поплелся к лифту, а родители шли по обе стороны от меня, словно боялись, что я еще что-нибудь выкину. Ни в какой парк мы в этот день не поехали. Дома родители сказали, что мне придется немного полежать в больнице.

Ночью Иола снова не пожелала со мной говорить. Она лежала под одеялом, но я понял, что она не спит – по тяжелым вздохам время от времени. Это меня не остановило, и я сказал:

– Я знаю, что ты меня ненавидишь, всегда ненавидела. Хотя я ни в чем не виноват перед тобой! Я, что ли, придумал всю эту фигню? Я всегда хотел тебе помочь, всегда думал, как это сделать. Но теперь все! Выкручивайся сама! Знать тебя больше не хочу! Вот так и лежи все время под одеялом и не показывайся мне на глаза!

Я проорал эти злые слова – и в самом деле почувствовал, как меня захлестывают злость и отвращение. Отвел глаза от Иолиной постели и до своего пробуждения рассматривал ее палату, хотя и невозможно было придумать более скучное занятие.

Утром мама накормила меня завтраком и велела надеть чистую одежду. А потом мы снова поехали в больницу, но не в ту, где я вчера так неудачно пообщался с доктором, а в Питер. Мама сидела рядом со мной на заднем сиденье и всю дорогу молча обнимала меня за плечи. А папа... Мне показалось, он по-прежнему сильно злится на меня, так, что даже смотреть в мою сторону не желает. Это очень мучило меня, гораздо больше, чем страх перед новыми докторами.

Питерская больница была просто огромная. Но оказалось, что в палате я буду только с одним мальчиком. У нас там даже был телевизор! А у моего соседа на тумбочке стоял ноутбук, и я ужасно пожалел, что не догадался прихватить свой. Мне и в голову не пришло, что в больницу можно брать такие вещи. Я умоляюще посмотрел на мать, и она – чудеса! – сказала, что привезет завтра все, что мне нужно. Отец в отделение не поднялся, остался ждать в подземном гараже.

– Мама, – спросил я, когда мы остались в палате одни. – А почему папа злится? Я же ни в чем не виноват... вроде как...

– Ну что ты, Алеша, – перебила меня мама. – Он совершенно на тебя не сердится. Просто очень расстроен из-за твоих проблем со здоровьем.

– Ну ты тоже расстроена, – предположил я. – А не выглядишь сердитой.

– Понимаешь, мужчины иначе выражают свое беспокойство за кого-то. Папе кажется, будто его вина, что ты попал в больницу, он что-то не предусмотрел, вовремя не проконтролировал. Сам когда-нибудь поймешь.

Я немного успокоился. И почти сразу меня повели на прием. Врачиха показалась мне очень старой и очень сердитой и вопросы задавала примерно те же, что и вчерашний доктор. Очень долго, я даже устал.

Один вопрос заставил меня заволноваться. Женщина спросила, какие сны я вижу. Еще вчера я обрадовался бы возможности поговорить о том, что меня волновало, может, даже рассказал бы ей об Иоле. Но сегодня я и не подумал это сделать. Во-первых, я знать не хотел злобную девчонку и не собирался ей помогать. Во-вторых, я смутно догадывался, что только наврежу себе таким рассказом.

И я ответил, что никогда не запоминаю свои сны, – однажды слышал эту фразу от кого-то на улице. Врачиха сразу отстала насчет снов, зато стала задавать множество вопросов о школе: тяжело ли мне учиться, устаю ли я, что делаю на переменах. А потом сказала:

– Ладно, Леша, ни о чем не волнуйся, выполняй, что тебе скажут, и все будет отлично. Мы с тобой станем встречаться каждый день. А сейчас иди на обед.

Вечером в палату зашла медсестра, молодая, с веселым симпатичным лицом. Совсем не похожая на тех ужасных теток, что так ужасно обходятся с Иолой. Я почему-то все время сравнивал свое положение с Иолиным. И думал о том, что она вконец обозлится, когда увидит, как я тут хорошо устроился. Меня немного волновал вопрос: не выкинет ли она еще какой-нибудь номер?

Медсестра принесла на подносе смешные маленькие стаканчики и дала один мне, а другой – моему соседу Илье. В стаканчиках были разноцветные таблетки. Мы проглотили их и сразу запили водой – она была тут же на подносе, в стаканах. Потом медсестра с улыбкой попросила нас открыть рты и показать ей язык. Это меня изумило! С чего она взяла, что я стану ее обманывать? Да и таблетки были совсем не горькие и не противные. А еще я про себя подумал, что снова буду спать спокойно, а не любоваться всю ночь на злобных теток и страдающую Иолу.

Рано утром пришла докторша, подошла сначала к соседу – он тоже был ее пациентом. Они о чем-то поговорили, а потом она поднялась и с улыбкой направилась ко мне:

– Ну, Леша, как спалось на новом месте?

– Хорошо! – отпартовал я. – Снов никаких не видел.

И это была чистая правда. Не видел, и еще долго не увижу, не один же раз придется пить таблетки. И вдруг мне стало как-то тревожно. А вдруг с Иолой что-нибудь случится, а я даже знать об этом не буду? Так я хотя бы был в курсе, что с ней происходит.

Вдруг меня поразила странная мысль: а что будет со мной, если Иоланта умрет? Ведь мы с ней связаны, это очевидно. И неизвестно, насколько сильно.

Мне вспомнилось, как я однажды читал про сиамских близнецов. Один из них умер, а второй пережил брата лишь на несколько часов. И умер от заражения крови, она ведь у них была общая. Я долго был под впечатлением от той истории. Ночью не мог спать, думал о том, как страшно знать, что скоро умрешь и никто тебе не поможет. А если я теперь уже умираю, но пока не догадываюсь об этом?

После обеда были приемные часы. Ко мне пришла мама, принесла ноутбук, мои диски и целую сумку вкуснятины. Еще вчера я бы прыгал до потолка, но сегодня ничто не могло привести меня в чувство. Мать, конечно, это сразу заметила и очень разволновалась.

– Что случилось, сынок? – спросила она тревожно. – Плохо себя чувствуешь? Вялость, голова болит?

– Нет, – вздохнул я.

– Скажи, что случилось! – настаивала мама.

И тогда я решился. Дело было слишком серьезным, чтобы отмалчиваться:

– Мама, помнишь, я рассказывал тебе о девочке? Ну, о той, которую вижу каждую ночь, когда сплю? Ее зовут Иола.

Мать молча смотрела на меня и ждала, что еще я скажу.

– Ну вот, я сегодня спал, а ее не видел, из-за таблеток. Ну, мы с ней давно знали, что если пьешь таблетки, то ночью другого не видишь. Только я очень волнуюсь, как бы с ней что-нибудь не сделали в той больнице, где она лежит. Mamочka, может, ты бы могла узнать...

Я даже не закончил свою просьбу. Мама вдруг широко улыбнулась, а потом крепко обняла меня и зашептала в ухо:

– Слава богу, Алеша! Не видишь – и замечательно, забудь о ней, пожалей нас с папой.

Я не понимал, чему она радуется. Ведь я же четко сказал, что и раньше знал про таблетки. Да я и после визита к стоматологу Иолу по несколько ночей не видел! Нет, мама совсем не желала меня понимать. И просить ее о помощи было бесполезно.

Она скоро ушла, почти счастливая, а я остался наедине со своими страхами. Да что же это такое, в самом деле? Видишь Иолу – плохо, а не видишь – еще хуже получается!

Глава седьмая. Даже хуже, чем псих

Потянулась моя больничная жизнь. С соседом Илюхой мы почти подружились и часто болтали. Но ни разу я даже полусловом не упомянул Иоланту и свои сны. И при докторше – тоже. Мать, кажется, ей что-то рассказала, потому что та очень въедливо расспрашивала меня, дружу ли я с девочками, и все такое в этом роде. Даже в краску вогнала. Я ответил, что у моего друга есть сестра, с которой я иногда общаюсь. Пусть знает: я нормальный пацан.

Я вообще решил быть осторожнее, чтобы больше не выглядеть идиотом. И уже через сутки научился ловко прятать таблетки за щеку. Мне нужно было узнать, как дела у Иоланты. Через пару дней я уже так волновался, что не стал дожидаться ночи. Я решил, что моя кровь уже очистилась от лекарств, я смогу поговорить с девочкой.

На этот раз я долго искал укромный уголок. Еще не хватало, чтобы меня застукали за тем, за что я и загремел в больницу, – за разговором с невидимкой. С укромными уголками в отделении было плохо, пришлось прятаться в санитарной комнате, где даже засова не было.

– Иола! – тихонько позвал я.

Никакого ответа.

– Иола, ты слышишь меня? Хватит уже обижаться!

Ничего не происходило.

– Слушай, я все равно тебя увижу сегодня ночью, – зачастил я. – Просто подумал, что так тебе проще разговаривать, не попадешься. В общем, прости меня за те слова. Можешь сказать, что я гад, идиот, трус, ну, все, что ты обычно мне говоришь. Я не обижусь. Хотя ты сама перегнула палку, когда сказала такое про моего отца. Но это больше не имеет значения. Ты слышишь меня, Иола?

Она молчала. Была ли она вообще жива – я не знал. Мне было так одиноко и жутко, будто у меня отрезали половину тела, а во второй непонятным образом сохранилась жизнь.

Я вернулся в палату, забрался под одеяло и пролежал так до вечера. Я сжимал кулаки до боли, потому что иногда мне казалось, что я вообще растворяюсь в пространстве. Несколько раз ко мне подходила медсестра и один раз – мой лечащий врач. Но я притворялся спящим и не отвечал на их тихие вопросы. А вечером снова проглотил эти дурацкие таблетки. Наверно, я так сильно внушил себе, будто с Иолой что-то случилось, что теперь до ужаса боялся окончательно в этом убедиться.

Через неделю ко мне пришел неожиданный посетитель. Обычно после обеда я всегда ждал родителей. Мама приходила каждый день, специально для этого взяла отпуск на работе, папа – реже. Но в тот день я никого не ждал: мать предупредила, что будет занята. Сестра ко мне не ездила, только приветы передавала. А часа в три в палату ввалился Иван, взъерошенный и красный.

– Здорово! – заорал он, увидев меня. И протянул свою широченную, как у взрослого мужика, ладонь. Я с удовольствием ее пожал и втихаря огляделся: не пришла ли вдруг и Тася вместе с братом?

– Ну повезло тебе! – сказал он. – В школе такая скуотища, каждый день мечтаю тоже в больничку попасть.

Я сочувственно кивнул. Хотя лично мне в больнице уже надоело, я бы с удовольствием вернулся в школу. В школе хоть не до дурацких мыслей.

– А тебя за что сюда упрятали? – заинтересовался Разин. – Может, у меня тоже такая болячка есть? Где болит?

– Нигде не болит, – отмахнулся я. – Здесь с неврозами лежат.

– Типа психи? – простодушно уточнил Иван. – Это тоже подходит. Ты чего вытворял, когда тебя прихватили?

– Ничего.

Не рассказывать же другу, как чуть не выпрыгнул из окна на глазах у доктора.

Иван еще пару минут пытал меня на эту тему и, кажется, всерьез обиделся, решив, что я не хочу помочь другу. А я думал о том, как бы половчее спросить его про Тасю. А вдруг она тоже собирается меня навестить? Я ломал голову, но никак не мог придумать, какой вопрос задать, чтобы Иван не просек мой интерес к его сестре.

– Ладно, я пошел, – сказал через полчаса Разин и вскочил со стула. – Меня вообще-то на пять минут пропустили. Там тетка такая злющая дежурит внизу, наверняка вой поднимет. Я, может, еще к тебе загляну. Если достану деньги на автобус.

– Слушай, а как Тася? – решил я.

Ванька вытаращил на меня глаза:

– А чего Тася?

– Ну, она не собирается меня навестить? Тебе одному, наверно, скучно сюда таскаться. Взял бы ее за компанию, что ли.

– Нет, она не приедет, – замотал головой друг. – Ей родители запретили даже смотреть в твою сторону.

– Почему запретили?! – перепугался я. И попытался сообразить, что плохого я сделал Ванькиным родителям. Я и видел их всего один раз.

– Как – почему? Ты же вроде того – псих, – не стал темнить Ваня и для уточнения своей мысли покрутил пальцем у виска. – Мне тоже запретили, только мне на это – сам знаешь! Мы же друзья!

Мне было приятно это слышать... и больно в то же самое время. Больно, что Тася так сразу отказалась от меня. К тому же получалось, что во дворе уже знают, в какой больнице я лежу, раз даже до Ванькиных родителей дошло. Наверняка знают и в школе. И это грозило мне в будущем большими неприятностями.

– Ладно, бывай! – Иван хлопнул меня по плечу – подо мной чуть стул не сломался – и пошел к двери. Хорошо, что не заметил моего огорчения.

Через две недели меня выписали из больницы. И разрешили с понедельника посещать школу. Правда, я все еще должен был пить таблетки – об этом моя докторша раз десять напонила родителям и мне самому.

Идти в школу было страшновато. И мама на этот раз меня очень хорошо понимала. Она даже предложила вечером в воскресенье:

– Хочешь, я завтра поеду с тобой и папой до школы?

– Не нужно! – замотал я головой. Как будто это что-то меняло. Меня пугало то, что ждет внутри школы, а вовсе не путь к ней!

– Слушай меня внимательно, Алексей, – сказала мама. – Если вдруг почувствуешь себя плохо – ну, голова заболит или затошнит, – сразу позвони мне. После уроков за тобой заедет папа. И я очень прошу тебя никуда из дома не выходить! Если захочешь, мы с тобой потом вечером вместе прогуляемся.

– Ладно, не выйду, – вздохнул я.

Конечно, в школе мне пришлось трудновато. Все в классе так странно смотрели на меня, что я даже несколько раз провел по лицу ладонями, проверяя, не вырос ли у меня дополнительный нос, к примеру. А учительница очень деликатно спросила у меня, не хочу ли что-то сказать по теме урока. Я не хотел. Раньше такое нежелание стоило бы мне двойки, а так ничего, обошлось.

Отец встретил меня во дворе школы, велел быстрее забираться в машину. Было ясно, что он куда-то очень торопится. Отвез меня до дома и проводил до квартиры, хотя я уверял его, что и сам прекрасно дойду.

– Запри дверь, – велел мне отец на прощание.

Я заперся изнутри и остался в квартире совсем один. Это было непривычно: в последнее время я почти никогда не оставался в одиночестве. На кухне мама оставила мои любимые макароны по-флотски. Я разогрел их в микроволновке, съел и стал думать, чем бы заняться.

Раньше бы взялся за уроки, ведь я так старался доказать Иоле, что не глупее ее. Теперь это не имело смысла. Я разложил учебники на столе, несколько минут тупо пялился на них, потом пошел и рухнул животом на диван. Ну, совру матери, что у меня болела голова. Зря я, что ли, в больнице парился.

В этот момент в дверь позвонили. Я бросился открывать. На пороге стоял Ванька и так шумно дышал, будто едва унес ноги от погони.

– Привет! – зачастил он. – Дома никого? Круто! Слушай, одевайся в темпе, и валим на улицу!

– А чего там делать? – с нарочитым равнодушием спросил я. – Холодно и дождь начинается. Давай лучше у меня посидим, в комп поиграем.

Раньше Иван всегда с удовольствием соглашался на такое предложение: у него компьютера дома не было. Но сегодня решительно замотал головой.

– Не, слушай, тут такое дело... На стадионе ребята из нашей школы играют против кадетов из интерната. Турнир, слышал? Сегодня будет крутая игра!

У меня аж в животе засосало – так захотелось посмотреть. Хотя вообще я не болельщик, просто соскучился в больнице по нормальным развлечениям. Но пришлось сделать вид, что мне даже слышать об этом неинтересно.

– Нет, не хочу. – Я отвернулся от Ваньки.

– Чего это? – не понял он. – Ты что, в самом деле того? Недолечился? Даже моя сеструха идет, хотя она вообще в другой школе учится.

Наверно, я покраснел от волнения и совсем развернулся к Ивану спиной. Я просто не знал, что мне делать. Звонить матери, уговаривать, молить, чтобы отпустила? Бесполезно. Я скосил глаза на часы. До прихода родителей оставалось еще часа полтора. И я решился.

– Ладно, если только на часок, – сказал я. – А то у меня дела есть вечером.

И рванул в свою комнату одеваться. Через минуту я был уже готов. Вышел в прихожую, пошарил по тумбочке, где обычно валялись мои ключи от дома. Сегодня в школу я их не брал – отец ведь должен был меня встретить. А теперь ключей на привычном месте не было. Наверно, мама решила подстраховаться на случай, если мне захочется на улицу.

– Ничего не выйдет, – пробормотал я охрипшим от разочарования голосом. – Ключи куда-то подевались, наверное, родители или сестра случайно забрали.

– А если без ключей? – тут же предложил Иван.

– Ты соображаешь?! А дверь? Я что, оставляю ее распахнутой настежь? Типа заходи кому не лень?

– Зачем настежь? – возразил мой друг и начал изучение входной двери. – Можно язычок изнутри закрепить, чтоб не захлопнулась, а дверь закрыть. Со стороны никто и не заметит, что не заперто.

– Ага, а если кто взлезет?

– Лазают по наводке, – со знанием дела произнес Разин. – Если твою квартиру выберут, то никакие замки не спасут. Вот у нас в квартире раньше очень тугой замок был, жуть. Так мы с Таськой, когда на улицу днем шли, никогда его не запирали. И ничего. Наоборот, если кто и захочет взлезть, но заметит, что дверь открыта, и подумает: вдруг это ловушка какая. Сечешь?

Логика Ивана меня смутила. Действительно, получалось, что открытая дверь должна скорее отпугнуть преступника, чем привлечь. И я сдался. Тщательно притворил за собой дверь и побежал следом за Иваном. У лифта еще раз обернулся: не заметно ли? Нет, дверь выглядела вполне нормально.

На стадион мы немного опоздали. Игра уже началась, трибуны были забиты. Но Иван не растерялся: влез на ограду и начал осматриваться. Потом спустился и потащил меня за собой со словами:

– Сеструха в первом ряду места заняла. Вот дура, оттуда ж не видно ничего.

Я пошел следом, думая только о том, какотреагирует Тася на мое появление. А вдруг вскочит и убежит? Я пытался заговорить об этом с Иваном по дороге сюда, но он мог думать только об игре.

Тася сидела в первом ряду, рядом на скамейке лежала ее сумка, которую девочка для надежности еще и придерживала руками. Увидев меня, она весело улыбнулась и сказала:

– Ну вот, а я только два места заняла. Придется потесниться.

А я подумал, что могу стоять рядом с этой девочкой на одной ноге, сколько понадобится, лишь бы видеть ее.

– Как ты, Алеша? – спросила Тася, сползая на самый край скамьи. Ваня тут же плюхнулся рядом с ней. Я с трудом втиснулся между ним и каким-то лохматым толстяком.

– Нормально, – пробормотал я, но мой голос потонул в диком вопле, потому что кадеты в этот момент опять забили. Наши уже проигрывали им два мяча.

Ванька немедленно тоже начал орать и подпрыгивать, да так, что скамья едва не проламывалась под ним. А я сидел, скосив глаза, чтобы хоть иногда из-за его плеча видеть Тасю. Она помалкивала и смотрела на поле так внимательно, будто это была школьная доска с заданиями годовой контрольной.

Потом наши вдруг выровняли счет, забив два мяча с интервалом в одну минуту. Что тут началось на трибунах! Ванька уже успел оттоптать мне все ноги, а от его громоподобных воплей у меня заложило уши. А я почему-то никак не мог сосредоточиться на игре.

Два игрока, наш девятиклассник и мощный кадет, столкнулись совсем рядом с нами. В результате мяч, который кадет вел к нашим воротам, скользнул у него между ног и полетел в нашу сторону. Я услышал, как вскрикнула Тася...

В первый момент я даже не понял, что произошло. А потом увидел: Тася сидит прямо на земле рядом со скамейкой и держится обеими руками за живот, мяч валяется рядом. Все вокруг орут, кто-то даже предлагает вызвать скорую. Иван забрался с ногами на скамейку и на весь стадион материт того игрока, который чуть не прибил его сестру.

Я поскорее начал пробираться мимо него к девочке. Меня самого так пихнули, что пришлось ухватиться руками за скамью. Обойти вопящего Ваньку не было никакой возможности.

Но тут Тася сама встала и разогнулась. На ее светло-голубой куртке отпечатались грязный след от мяча, в глазах стояли слезы.

– Я пойду домой, – тихо сказала она Ване.

На того было жалко смотреть. Он понимал, конечно, что сестру нужно проводить, но не мог покинуть игру сейчас, когда все только стало налаживаться у нашей команды. Я выбрался в проход и сказал:

– Ладно, я отведу Тасю домой. Расскажешь потом, чем игра кончилась.

Лицо моего друга просияло. А я почти побежал за Тасей, которая шла по проходу очень быстро, низко склонив голову. Наверно, ей было стыдно, что все смотрят на нее, на ее грязную куртку. Шла она нормально, как будто ничего не случилось. Но едва мы вышли со стадиона, Тася снова согнулась и схватилась за живот.

– Так больно? – испугался я. – Может, позвать кого-нибудь на помощь? Или, слушай, здесь больница рядом, там точно помогут.

– Не надо, сейчас пройдет, – пробормотала Тася. – И зачем только я пошла на этот дурацкий матч! Хотела за Ванькой проследить, чтобы он опять с кем-нибудь не подрался. Как будто он меня послушает!

Через пару мгновений девочка пошла почти прямо, только лицо у нее было еще бледнее обычного. Я вытащил у нее из-под локтя школьную сумку, забросил за плечо. Очень медленно мы побрели в сторону дома.

– Ты сильно отстал в школе? – спросила Тася.

Мне было приятно, что она беспокоится обо мне. Но все-таки одна мысль никак не давала покоя. И я решился спросить об этом напрямик:

– Это правда, что родители запретили тебе со мной общаться?

Мне показалось, Тася как-то дернулась от моего вопроса. И ответила просто:

– Да, они и Ваньке запретили.

– Но Ванька даже в больницу ко мне приезжал! А ты что же – поверила, что я сумасшедший?

– Ничего я не поверила! – с досадой проговорила девочка. – В больницу я хотела, но не смогла – денег не было на автобус. И вообще меньше слушай, что Иван обо мне болтает. Он просто злится, что мы с тобой общаемся.

– А мы... общаемся? – глупо переспросил я.

Тасяглянула удивленно, пожала плечами:

– А что, по-твоему, мы сейчас делаем?

Потом мы долго шли молча. Я пытался переварить информацию. Значит, она не послушалась родителей и готова была ко мне прийти даже в больницу. Но не пришла, правда. Зато мы общаемся. Интересно, что значит это слово? Дружим?

– Пришли, – сказала Тася.

Я словно очнулся. Мы стояли перед ее подъездом.

– Доведу до квартиры, – предложил я.

Но девочка замотала головой:

– Нет, там родители... не нужно.

При этих словах я вдруг вспомнил о собственных родителях – и похолодел от ужаса. Глянул на часы: время их возвращения. Отец, конечно, мог и задержаться, но мама наверняка придет минута в минуту. Возможно, оба уже дома.

– Пока, Тася, – пробормотал я и бросился бегом в сторону своего дома.

У меня даже не хватило терпения дождаться лифта. На одном дыхании взлетел я на наш шестой этаж. И замер перед дверью. Сейчас все решится! Если она заперта, то кто-то из родителей уже дома, и у него ко мне масса вопросов. Я коротко выдохнул и толкнул дверь рукой: она послушно распахнулась. С ухающим сердцем я влетел в прихожую и первым делом запер замок. Потом скинул ботинки, обтер подошвы о коврик. Старательно развесил куртку в шкафу, как обычно делала мама.

И в этот самый момент ключ завозился в замке. Я метнулся в свою комнату, сгреб в кучу учебники с тетрадями и сделал вид, будто окаменел от долгого сидения над ними.

В прихожей бодро переговаривались родители, и мне было радостно, что они приехали вместе. Раньше обычно так и бывало, это потом папа стал допоздна засиживаться в своем офисе. Но сейчас радоваться мне мешал стыд перед ними и необходимость через пару минут солгать сразу обоим. Впрочем, утешал я себя, они, может, даже не станут спрашивать, не выходил ли я на улицу. Тогда и врать не придется.

Через минуту мама заглянула в комнату, сказала:

– Привет, сынок!

– Привет, мама!

Я обернулся, и лицо у матери сразу стало взволнованное. Она быстро подошла ко мне, положила на лоб прохладную ладонь.

– У тебя не температура, часом? Что-то ты сильно покраснелся. Много еще осталось? – Она кивнула на тетрадки.

– Ну, порядочно...

– Ты не усердствуй особо. Сейчас поужинаем, потом отдохнешь, а перед сном сможешь еще что-нибудь поучить. Хорошо?

Я пожал плечами. Мама вышла из комнаты. Я слышал, как они в прихожей что-то обсуждали с отцом. А потом вдруг голоса стихли. Разом. Будто выключили звук.

Я занервничал. Хотел бежать в гостиную, но от волнения прилип к стулу, развернулся лицом к двери и стал ждать. Через минуту, не больше, родители появились сами. Они просто встали в дверях и молча смотрели на меня. И лица у них были такие испуганные... словно я превратился в какое-то жуткое чудовище и теперь папа с мамой не знают, как по деликатнее спросить у монстра, куда подевался их сын.

– Алеша, – прошептала мама и прижала ладони к лицу.

Тут уж я вскочил на ноги и закричал:

– Что случилось?!

– Ты давно последний раз был в гостиной? – ровным голосом спросил меня отец.

– Вообще не заходил туда сегодня. А что?

– Ну так пойді, посмотри.

Я рванул мимо родителей в гостиную. Вбежал – и ойкнул от ужаса, потому что гостиная превратилась в руины. Портьеры были сорваны, мебель сдвинута со своих мест. Все мелкие вещи и книги валялись на полу. Не просто валялись, а были распотрошены, изорваны, скомканы. И еще почему-то выглядели влажными. Я не сразу понял почему. Пока не посмотрел на тумбу, где стоял большой аквариум, подарок от родителей Кире на ее пятнадцатилетие. Теперь он лежал на боку, и несколько черных телескопов еще боролись за жизнь на ковре рядом с моей ногой.

Я бросился их собирать. Сгреб в ладонь и начал оглядываться по сторонам, соображая, куда девать рыбок. И снова увидел родителей. Они стояли теперь в дверях гостиной и смотрели на меня все с тем же странным выражением. Потом мама спросила:

– Ты все время был дома?

Конечно, я понимал, что в такой ситуации нужно говорить правду. Как бы ни был серьезен мой проступок, он мерк перед тем, что родители могли списать на меня этот жуткий погром. И я быстро сказал:

– Мам, прости меня. Я ходил с Ванькой на футбол. Не смог удержаться.

– Как это ты ходил, если у тебя даже ключа от квартиры не было? – вмешался отец.

– Я... оставил дверь открытой. Просто прикрыл. Думал, за какой-то час никто сюда не сунется...

– Долго тебя не было?

– Я даже не знаю... кажется, не очень.

– В остальных комнатах то же самое, – как бы между делом подметил отец. – Только до твоей не добрались, получается.

Я стиснул зубы от невыносимого стыда. Теперь я и сам не понимал, как мог так сглупить. Сейчас родители начнут песочить меня и вряд ли успокоятся до утра. Но они молчали – и это было самое неприятное.

– Ты не забыл утром выпить свои таблетки? – спросила мама слабым голосом.

– Я не забыл... Мама, ты что, думаешь, это я все расколошматил?

Тут отец взял себя в руки. Он легонько коснулся плеча мамы, словно призывая ее выйти из ступора, и сказал:

– Нет, мы, конечно, так не думаем, сын. Нужно поговорить с соседями, может, они заметили, кто входил в квартиру. И другу твоему я тоже позвоню.

Я только пожал плечами. И пошел на кухню пристраивать спасенных рыбок в банку. Но тут вернулась сестра, и начался такой ор и рыдания, что мне пришлось срочно укрыться в своей комнате.

Ночью я не смог заснуть. Не спали и родители. Я слышал, как они до поздней ночи бродили по разоренным комнатам, что-то собирали и переставляли. Переговаривались приглушенными голосами. Один раз я услышал, как вскрикнула Кира:

– Не понимаю, почему вы не вызвали полицию?!

Отец ей что-то тихо ответил.

– Ну и что, что ничего не украли?! – завопила сестра. – Они же нам всю квартиру разнесли!

И снова тихие, успокаивающие голоса.

Я тоже этого не понимал. Сначала думал, что полицию не стали вызывать потому, что слишком уж очевидна была моя вина в случившемся. Получается, я чуть ли не сам пригласил каких-то мерзавцев в квартиру, гостеприимно оставив дверь открытой. Может, в таком случае и заявление писать бесполезно: полицейские сразу скажут, что ищут только тех, кто вламывается в *запертые* квартиры.

Я уже почти засыпал, как вдруг меня словно подбросило на кровати. Я понял, почему родители не вызвали полицию! Они считали, что это сделал я! Поэтому вели себя со мной так странно, даже не наорали за самовольный уход из дома.

Глава восьмая. Конец класса химии

Думать об этом было невыносимо. Я вскочил с кровати и прислушался. Кажется, родители еще не спали, наверное, пили чай на кухне и пытались прийти в себя. Я на цыпочках пробрался в гостиную. Зажигать свет не было нужды – прямо в окно ярко светила луна. А шторы родители поснимали: они были в клочья изрезаны ножом и ни на что уже не годились.

Здесь почти не осталось следов разрушений, родители хорошо поработали. Вот только смотрелась гостиная как-то странно, как будто мы только-только переехали. Мебель вроде стояла на местах, а вот мелкие вещицы, которые так любила мама, бесследно исчезли. На том месте, где еще утром был огромный аквариум, теперь сиротливо стояла банка с тремя спасенными рыбками.

Я приблизился к кухонной двери и услышал из-за двери голоса родителей. Судя по звукам, они вовсе не пили чай, а продолжали заниматься уборкой. Я слышал, как позвякивают осколки стекла.

– Ира, давай ложиться, – услышал я раздраженный голос отца. – Завтра все dokonчим. Сил уже нет со всем этим возиться.

– Хочешь, иди и ложись, – прозвучал подчеркнуто спокойный голос матери. Ох, как же я не любил, когда она говорила таким голосом! – Я еще поработаю. Если не сделаю сегодня, завтра у меня истерика начнется от всего этого.

Отец вздохнул в ответ так громко, что я услышал. Потом опять возобновился звон сметаемого стекла. Я уже хотел войти и предложить свою помощь...

– Как ты думаешь, они могли нам соврать? – вдруг спросила мать жалобно. – Ну, ты знаешь, эту семью не назовешь благополучной. Такие люди часто лгут без причины.

Я замер на месте. О чем это она?

– Откуда мне знать? – резко ответил отец. – У меня детектор лжи в кармане не припрятан. Только зачем им лгать? Они сразу сказали, что их сын болен и ни на какой футбольный матч сегодня не ходил.

– Ну, вполне возможно, что он просто забыл поставить родителей в известность. Разве такое не случается? – усмехнулась мать.

– Да они вроде весь день дома были.

Они что, говорят о Ваньке? Да какой же он больной? Неужели его родители так сказали? Ну все, я пропал. Как тогда мне доказать, что я не был дома, когда случился этот кошмар?

В кухню я так и не зашел. Побрел обратно в комнату. И вдруг в ужасе застыл посреди гостиной. А вдруг это действительно сделал я?!

Может, и не заходил ко мне сегодня Ванька, не звал на матч, а потом я не провожал до дома его сестру? Может, мне это просто почудилось? А на самом деле среди бела дня я впал в ярость и начал громить квартиру. А что, если я действительно болен, опасен, неуправляем?!

Я вертел головой по сторонам и пытался вообразить, как крушу все это. Сбрасываю вещи, топчу их ногами. Потом добираюсь до аквариума... Нет, невозможно, я ведь так любил, пока сестры не было дома, наблюдать за потешными рыбками. Даже подкармливал их тайком, а то вдруг Кирка забывает это делать, и они молча страдают от голода? Я не смог бы причинить им вред.

А потом, если я все это натворил, на руках должны были остаться какие-то следы. Я вернулся в свою комнату и там при свете настольной лампы внимательно осмотрел свои руки. Ладони у меня и в самом деле были расцарапаны. Но ведь это я за скамейку неловко ухватился, пока к Тасе пробивался.

Но если предположить, что не было никакого матча, то получается – это следы от погрома. И родители наверняка заметили, что с руками у меня не все в порядке. Но опять же почему-то ничего не сказали.

Конечно, уснуть после этого было уже невозможно. Я на цыпочках бродил по комнате и все пытался вспомнить: что же я делал сегодня днем? Был на матче или разносил собственную квартиру? Помаленьку в голове все перепуталось, и я уже был готов поверить во все что угодно.

Едва рассвело, я начал собираться в школу. Мне необходимо было срочно повидаться с Иваном. Мне-то он врать не станет.

Ровно в восемь я вышел в гостиную уже с портфелем в руках. Родители были там. Отец держал в руках оторванный штепсель телевизора, наверное, прикидывал, можно ли это самому исправить или нужно вызывать мастера. Мать молча стояла рядом. Мне кажется, она чуть не вскрикнула, когда я сказал «доброе утро».

– Алеша? Ты зачем встал?

– Как – зачем? – изумился я. – В школу ведь опоздаю.

– Разрешаю сегодня не ходить. Мы с отцом тоже взяли отгулы. Поможешь нам наводить порядок.

– Я лучше потом помогу, когда вернусь, – посулил я. – А то у нас сегодня лабораторная работа очень важная, если не напишу с классом, придется потом одному...

Мне показалось, что родители обменялись быстрыми взглядами. Больше всего мне хотелось заорать в тот момент: «Клянусь, это не я! Ну проверьте меня на детекторе лжи, отвезите в больницу, чтобы доктор под гипнозом восстановил мою память! Но только не смотрите так странно!»

Но я не мог выдать ни слова. Пусть лучше родители первые заговорят об этом. Но и они молчали. Потом отец сказал:

– Ладно, отвезу его в школу. Заодно и мусор выкину.

По дороге в школу отец тоже ничего не сказал мне. Только спросил, пил ли я утром прописанные в больнице таблетки. Как будто мама не спрашивала меня об этом раз пять еще дома.

До начала занятий мне не удалось отыскать Ивана. На первом уроке я просто места себе не находил. Алгебра тянулась бесконечно, пару раз мне хотелось заорать от нетерпения и выбежать из класса. Но вот и звонок. И я сразу бросился в коридор. Метнулся на первый этаж, где висело расписание, посмотрел, в каком классе сейчас занимаются ребята из девятого «Б».

Обычно я никогда не подходил к Ваньке в школе, как и он ко мне. Дружба между ребятами из разных классов вообще была как-то не принята. Но сегодня я просто не мог дожидаться конца занятий. Мне было необходимо убедиться, что мы с ним вчера действительно были на футбольном матче. Или... не были.

Я легко отыскал нужный класс, заглянул в него, но друга не увидел. Стоял на пороге и не знал, как спросить о нем. На меня уже начали оглядываться – чего типа какой-то восьмиклассник маячит в дверях.

– Эй, пацан, что надо? – крикнул мне верзила из глубины класса. Ванькин класс вообще считался спортивным, ребяташки здесь все были не мелкие. Хотя, конечно, на фоне Ивана сильно проигрывали.

– Ивана Разина, – ответил я кратко.

– Зачем он тебе? – с непонятым вызовом спросил парень, подбираясь ко мне поближе.

– Да это его дружбан, они из одного дома, кажется, – сказал мирным голосом другой парень с первой парты. – Ванька болеет, уже пару дней в школе не показывается. Не знал?

Я молча мотнул головой, а в душе у меня все вопило от ужаса. Неужели Ванька в самом деле болен и вчера вовсе не заходил ко мне домой? Так что же, получается, я в самом деле сошел с ума?

Я решил, что не останусь на следующий урок. Какой смысл, все равно не слышу ни слова из объяснений учителей. Лучше схожу к Ваньке домой, а потом вернусь к школе и дождусь отца. По большому счету, я не слишком верил в болезнь друга. Наверняка просто решил прогулять недельку. А значит, вполне мог вчера рвануть из дома на матч.

Но уйти не удалось. Я свалил дурака – машинально завернул к классу, чтобы взять свой портфель. И натолкнулся на учительницу химии, которая уже писала задание для самостоятельной работы на доске. Урок еще не начался, но она-то меня заметила. Пришлось плестись за свою парту. Урок был сдвоенный, так что меня ждали впереди девяносто минут ада.

Хорошо хоть, литературу отменили из-за болезни учительницы. Точнее сказать, заменили на физру. Оказывается, вчера об этом говорили на последнем уроке, с которого меня забрал отец. Так что форму я не взял. Вот, кажется, подходящий момент слинять из школы. Да не тут-то было.

– Алеша, у тебя освобождение? – спросила меня учительница, едва я направился к двери. Поскольку я долго не ходил в школу, все, включая классную, были уверены, что от физкультуры я освобожден. Это было не так, но я ограничился неопределенным мотком головой.

– Можешь подежурить по классу? – тут же спросила химичка. – Нужно всего лишь протереть доску и расставить стулья. У меня через час будет открытый урок, нет времени возиться с уборкой. Поможешь?

Я пожал плечами. Почему бы и нет? Приберусь быстро и свинчу по своим делам.

Но сперва дождался конца перемены – не хотелось, чтобы меня видели за уборкой одноклассники. А потом, в наступившей тишине, взял губку и начал в ускоренном темпе тереть доску.

Пока я этим занимался, мне показалось, что кто-то заглянул в класс: краем глаза удалось заметить какое-то странное лицо. Что в нем странного, я сказать не мог, но такому лицу явно было не место в нашей школе. Я даже подбежал к двери и выглянул в коридор. Но никого там не обнаружил. Возможно, после бессонной ночи у меня начались глюки.

Я тщательно расставил парты и стулья. Огляделся: кажется, все в порядке. Можно бежать к Ваньке. Физкультура тоже сдвоенная, значит, никаких уроков я сегодня не пропущу, отец за едет за мной через полтора часа. Хотя если я все выясню у Ивана, то просто пойду домой, скажу, пораньше отпустили. Или лучше уговорю Ваньку зайти ко мне и подтвердить мое алиби.

Ваньку я встретил в его подъезде. Вернее, он влетел следом за мной и вцепился в мое плечо, не давая зайти в лифт.

– Ты чего, спалить меня решил? – прохрипел он. – Родаки дома, а уроки еще не закончились. Чего сам не в школе?

– Урок отменили. А ты, значит, прогуливаешь? – догадался я.

– Точно, – расплылся в улыбке Ванька. – У меня в школе это... типа, конфликт. В общем, завуч запретил показываться на уроках, пока родителей не приведу. Вот жду, может, забудет.

– Чего ты натворил? – любопытствовал я.

– Да училка меня с урока пыталась вытурить, – махнул рукой мой буйный товарищ. – Прикинь, привела каких-то качков из одиннадцатого, она у них классная, и велела хватать меня и тащить за дверь. Вот потеха была!

– Вытащили они тебя?

– Ну, вытащили, конечно, их же четверо было, – опечалился Ванька. – Только доску после этого заново вешать пришлось. А учительский стол вообще менять.

Я вытаращил на него глаза:

– И как тебе это удалось?!

– Так я в парту вцепился. А потом, когда они меня в проход вытащили, я эту парту отшвырнул – а там училка. Хорошо, успела отскочить. Парта в учительский стол – бэмп! Стол к доске отлетел. Доска обрушилась. Я чего-то озверел тогда, – озадаченно произнес Иван и поскреб правое ухо. – Только она сама виновата, нечего было моих родителей приплетать. Я так считаю: ори на меня, а родителей не трогай. Верно?

– Ага! – согласился я. – Слушай, нестыковочка получается. Твои родители моим по телефону вчера сказали, будто ты болееешь и в школу не ходишь.

Ванька посмурнел и произнес неохотно:

– А, это. Ну да, я в курсе. Просто у моих предков какое-то странное к тебе отношение. Они думают, что ты типа... ну, чокнутый, короче. И что угодно можешь выкинуть. Зачем ты вообще сболтнул родителям, что мы ходили на матч?

Я почувствовал невероятное облегчение. Все наконец встало на свои места.

– Так мы вчера были на матче? – уточнил на всякий случай, не до конца веря в свое счастье.

Ванька вытаращил на меня глаза:

– Так ты в самом деле того? Не помнишь, что вчера было? Эй, пацан, ты меня что-то пугаешь...

– Да помню! – сказал я. – Все нормально с этим. Только, понимаешь, какая ерунда получилась: вчера, пока мы были на стадионе, кто-то забрался в нашу квартиру и все разгромил. Только мою комнату не тронул. Поэтому я ничего не заметил, а когда родители пришли, сказал им, понятное дело, что дома сидел. Потом, конечно, пришлось сознаваться. Они стали твоим звонить, хотели убедиться, что я был с тобой на матче.

– Шутишь? – пробормотал потрясенный Иван. – Много взяли?

– В смысле, украли? Нет, кажется, вообще ничего. Только все побили, растоптали...

Тут меня смутило недоверие в глазах Ивана, и я замолчал.

– Ничего не взяли, – пробормотал мой товарищ, глядя себе под ноги. – Зачем было залазить, у вас ведь не бедная квартира... Может, за что-то отомстить хотели?

Я пожал плечами.

– Слушай, а может, ты сам квартиру разнес? – вдруг спросил Иван. – Ну, я же к вам не заходил дальше двери, может, там уже все было раскурочено, когда мы уходили. А ты просто позабыл об этом?

Я не верил своим ушам. И это мой лучший друг говорит! Мне захотелось немедленно уйти, никогда больше не видеть Ивана. Я сделал шаг в сторону.

– погоди! – Ванькина рука вцепилась мне в плечо. – Ну, это я фигню сболтнул! То есть, если даже ты сделал это, все равно не виноват, верно? Вот я чуть училку не пришиб, а здоровый, без справки.

– Пусти. – Я попытался отпихнуть его руку. Примерно то же самое, что отталкивать накрывший тебя ковш экскаватора.

– Да нет, я верю, ты ничего такого не делал! – продолжал орать мне в ухо Иван. – Наверное, это какие-то уроды заметили, что дверь не закрыта. Хочешь, прямо сейчас пойдем к твоим, и я им скажу, что мы вчера ходили на матч? И сеструха подтвердит, что ты ее до дома провожал.

Я молчал. Еще пять минут назад я хотел именно этого. Но сейчас, после Ванькиного сомнения, я чувствовал в душе какую-то опустошенность. Ну зайдет Иван к нам и по своей бестолковости наболтает такое, что только хуже выйдет.

– Не надо, – вздохнул я. – Сам разберусь.

– Братан, ты обиделся? – совсем загоревал Ванька. – Нет, все, пошли к вам. Говорю тебе, я разрулю эту ситуацию.

– Забудь, – вынес я окончательное решение. – Так мои уже успокоились, а если ты придешь, снова начнут звонить, уточнять... Тебе это нужно?

– Точно нет! – замотал головой Ванька. Родителей своих он явно побаивался. – Ну, ты давай, раз такие дела... Гулять пойдешь сегодня?

– Вряд ли, – честно сказал я. Развернулся и побрел во двор. У двери парадного оглянулся: Иван смотрел мне вслед с самым несчастным выражением на лице. Все-таки он добрый парень, хоть и пустоголовый.

Домой идти не хотелось. Родители наверняка все еще приводят в порядок нашу опоганенную квартиру. И продолжают гадать, не я ли этому виной. Я бы дорого дал, чтобы вообще там сегодня не появляться.

Я вернулся в школу еще до звонка на перемену. Побродил немного по школьным коридорам. Потом сунул руку в карман в поисках телефона: отец наверняка позвонит мне, что вы ехал, и я выйду ждать его во двор. Рука нащупала пустоту.

Я похолодел. Еще не хватало ко всем бедам последних дней потерять мобильник. И с каким лицом я буду просить родителей подкинуть денег на новый, когда ремонт в квартире им и так влетит в копеечку? Я начал усиленно ворочать мозгами, прикидывая, где мог его оставить. И сообразил все-таки: конечно же выложил его на парту в классе, когда убирался. Специально, чтобы следить за временем. Что ж, если в класс никто не заходил, у меня есть надежда вернуть свое имущество.

И бросился в класс химии. Заглянул в щелку – вдруг проверяющие пришли пораньше. Нет, вроде пусто. Я от всей души пожелал, чтобы мой телефончик был там, распахнул в дверь и вбежал в класс.

Сперва я смотрел только на свою парту. И действительно сразу заметил там кожаный чехол. А потом беглым взглядом окинул класс – и меня словно макнули в кипяток.

Все кругом было опрокинуто, парты громоздились друг на дружке. Доска сдернута со стены и зияет пробоинами, зеленоватые осколки усеяли пол, как трава. Поверх валялись клочки бумаги, наверное, остатки тех пособий, которые я видел в последний раз в виде аккуратной стопки на учительском столе. Дверь в лаборантскую приоткрыта. Леденя от предчувствий, я ворвался туда. Так и есть: на полу кучей лежат разбитые колбы, приборы, пособия.

Я не мог поверить в то, что видели мои глаза. Этого не может быть, мне чудится, на грохот бы сбежались учителя! Но в школе еще с лета не могут закончить ремонт, так что к громким звукам все привыкли, вот в чем дело.

За дверью лаборантской вскрикнула женщина, а следом загудели негодующие голоса. От ужаса все поплыло перед глазами. Каким же я оказался безмозглым идиотом, что не убежал сразу! Теперь я мечтал об одном: чтобы те, кто заглянул в класс, ушли звать кого-нибудь на подмогу.

Но они не уходили. Я слышал их потрясенные голоса, в основном чужие, но некоторые знал очень хорошо: голоса химички и завуча. И даже услышал, как они несколько раз произнесли мою фамилию. Потом шаги и голоса стали приближаться. Я вжался в стену и зажмурил глаза. А когда открыл – они уже стояли в дверях, всем скопом, человек шесть, и таранились на меня во все глаза. Все было кончено.

Конечно, орать на меня никто не стал. Я ведь был психом, разве нет? Учительница химии крепко взяла меня за рукав и повела в учительскую. Я слегка удивился, обнаружив там своего отца. Кажется, для него было рановато. Да и вид у него был такой, будто он уже знал о новом кошмаре.

Химичка что-то вложила ему в руку. Они обменялись многозначительными взглядами, но никто не произнес ни слова. Отец просто сгреб меня за плечи и повел прочь. В раздевалке отыскал мое пальто и сам бы принялся меня одевать, если б я не рыпнулся.

В машине я сказал ему:

– Папа, ты не поверишь, но не я это сделал.

Отец покосился на меня, спросил тихо:

– Что сделал?

– Ну... разгромил класс химии.

Вид у отца стал и вовсе обреченный.

– Ты разгромил класс химии?

– Не я. А разве ты об этом еще не знаешь?

– Пока нет. Отвезу тебя домой и снова съезжу в школу.

– Папа, в чем дело? – напрямик спросил я. – Ну, кроме класса, что еще произошло?

– Неважно, – отмахнулся отец.

– Важно! – заорал я.

Мой крик чуть не привел к аварии – так дернулись руки у отца. Он посмотрел на меня... просто с ужасом. И начал сбрасывать скорость. Я понял, что он планирует сперва остановиться – чтобы не рисковать нашими жизнями, если я начну буйнить.

– Папа, ты можешь спокойно ехать, – сказал я. – Я больше не буду кричать. Только скажи, что еще случилось. Пожалуйста.

Наверно, мне удалось сказать эти фразы убедительно. Отец вроде бы немного успокоился – и мы продолжили движение.

– Понимаешь, – сказал он минуты через две, когда я уже изгрыз себе губы, стараясь быть сдержанным и терпеливым. – На наши с матерью телефоны начали приходить сообщения... со странными текстами. В общем, там и содержания никакого не было, одни оскорбления. С твоего телефона. Я тут же поехал за тобой.

– Я забыл телефон в школе, – быстро сказал я. – В том самом классе, который разнесли. Наверно, они взяли мой телефон и стали отправлять сообщения по всем номерам подряд.

Сказал – и до смерти перепугался. Кому еще эти гады могли написать? А вдруг Тасе? Если отец отдаст мне мобильник, можно будет посмотреть, на какие номера ушли сообщения. И в какое время, что очень важно. Но чувствую, телефон не скоро окажется в моих руках.

– Я встречался с Ванькой. Хотел уточнить насчет вчерашнего. Дело в том, что его родители не хотят, чтобы мы общались. Но Иван готов подтвердить, что мы с ним вчера были на матче. Он прогуливает, в школу не ходит, вот и пришлось пойти к нему...

– Почему после встречи ты не пошел сразу домой? – перебил отец.

Я окончательно решил быть мужественным и говорить только правду. Нужно же положить конец этой дикой истории. Втянул в легкие предельную массу воздуха – и сказал:

– Мне было тяжело туда идти. Вы же с мамой считаете, что это я разгромил нашу квартиру. Я понимаю, почему вы так думаете, ведь мою комнату не тронули. Но я-то знаю, что я этого не делал! – упавшим голосом закончил я.

Отец потрепал меня по плечу, но лицо его оставалось ужасно странным. Я перепугался, что он сейчас заплачет. Это был бы конец света! Конечно, нелегко иметь в сыновьях такого уродя, как я. Но отец только сказал:

– Не переживай, сын, тебя никто ни в чем не винит. Тебе просто надо немного подлечиться. Похоже, целители что-то схалтурили, но мы найдем других, которые точно помогут.

– Да я же не болен! – заорал я, стряхивая с плеча отцовскую руку.

– Ладно, ладно, только не кричи! Лучше пусть с тобой мама об этом поговорит.

Но мама со мной не особо и разговаривала. Просто накормила обедом и отправила в свою комнату, сказав напоследок слова, которые, наверно, миллионы ребят мечтают услышать от своих родителей:

– Ты уроки сегодня не делай. Все равно завтра в школу не пойдешь. Лучше посмотри телевизор, а то и просто поспи. Я принесу тебе чай с лимоном и мятой – от него сразу в сон потянет.

Но только меня эти слова совсем не порадовали. Я попытался снова заговорить о Ваньке как о моем единственном свидетеле. Просил родителей позвонить ему на мобильный – все равно ведь мой телефон у них. Меня выслушали без особого интереса и попросили не волноваться. Родители насчет меня все уже решили.

Глава девятая. Моя судьба решена

На следующий день мы снова поехали в Питер, в ту самую больницу, которую я надеялся никогда больше не видеть. Снова со мной разговаривали врачи, вместе и поодиночке. Но на этот раз я хотя бы точно знал, в чем меня обвиняют. И всячески старался оправдаться.

Снова и снова я рассказывал, как сбежал из дома на футбольный матч, оставил квартиру незапертой и что мой друг Иван может это подтвердить. И как ушел из школы, чтобы поговорить с другом, а за это время кто-то разгромил класс, который я перед этим тщательно прибрал. Мой друг Иван может подтвердить, что я с ним встречался.

Они, конечно, со мной не спорили. И спрашивали почему-то совсем не о том, что меня волновало. А после мы поехали домой.

Это меня обрадовало. Я ужасно не хотел снова лежать в больнице, изо дня в день общаться с этими приторными докторами и отвечать на дурацкие вопросы. И глотать таблетки меня достало. Я хотел тусить с Ванькой, играть с ним на компьютере, шляться по городу и хоть иногда видеть Тасю. Может, мне все-таки удалось доказать врачам, что я не громил собственную квартиру и школьный класс?

Правда, вечером мне стало тревожно. Если в больницу меня не кладут, то как завтра я пойду в школу? Ведь там все уверены, что это я разнес класс химии. Может, в глазах некоторых я и буду выглядеть героем, но большинство наверняка назовут меня психом. Ах да, я же еще вроде как успел послать оскорбительные сообщения по самым разным телефонам. Значит, вполне возможно, их получили некоторые мои одноклассники и даже учителя. И теперь захотят ответить мне в устной форме.

Я промаялся большую часть вечера. Родителям свой страх старался не показывать, просто сидел за столом и тупо смотрел в учебник. Отец и мать поочередно заглядывали в мою комнату, но ничего не говорили и ни о чем не спрашивали. Я чувствовал, что они в панике, и от этого мне просто хотелось лезть на стену.

Наконец, когда кто-то снова приоткрыл дверь ровно на ладонь, я спросил, не поворачиваясь:

– Завтра кто-нибудь повезет меня в школу? Я имею в виду, на какое время мне ставить будильник?

Мать – это была она – тут же перестала прятаться и вошла в комнату. Вид у нее был ужасно расстроенный. Она положила руку мне на плечо и сказала твердым голосом:

– Алексей, ни в какую школу ты завтра не идешь. К сожалению, тебе нужно еще немного подлечиться. Ничего страшного, возьми с собой в больницу учебники и постарайся не отстать от класса.

У меня оборвалось сердце. Значит, опять?

– Снова в ту же больницу? – кислым голосом спросил я.

– Нет.

– А... куда?

– Недельку побудешь дома, – сказала мама. – А потом мы тебя отвезем в другую клинику. Правда, она не очень близко. Но там есть врачи, которые разбираются в таких проблемах, как у тебя. Они тебе точно помогут.

– Нет у меня никаких проблем, – сказал я, заранее зная, что мне никто не поверит. Так и оказалось. Мама даже спорить со мной не стала. Только погладила по голове, как маленького. Я дернулся в сторону.

– Мы будем тебя навещать. Сам понимаешь, так часто, как прежде, не получится. Будем ездить к тебе по очереди, я и отец. Хорошо?

– Хорошо, – сказал я. На самом деле мне все стало безразлично. Да пусть хоть вообще не навещают, если не верят мне.

– Ты выпил лекарство? – спросила мама.

– Да.

– Ты всегда его пьешь? – Мать наклонилась, чтобы заглянуть мне в лицо. – Может, забьешь иногда? Сынок, это очень важно, пойми.

– Я понимаю, – усмехнулся я. – Только что толку?

– Как понять – что толку?

– Ну вы же все равно не верите, что я не делал всех этих ужасных вещей! А если это я сделал, значит, таблетки не помогают. Значит, я псих, и мне уже вообще ничего не поможет!

– Не говори так, Алеша! – прикрикнула на меня мать. – Ты должен все силы бросить на то, чтобы поправиться, победить болезнь! Понимаешь?

– Но если я не болен?!

Мать устало вздохнула. Потом сказала:

– Ложись спать, сынок. Мы утром поговорим. А сейчас у меня нет сил это обсуждать.

И вышла из комнаты. Больше в тот вечер ко мне никто не заглядывал. Мне хотелось пить, я чуть было не отправился на кухню, но подумал, что могу нарваться там на Киру. И она снова будет смотреть на меня ненавидящими глазами. Не может простить мне погибших рыбок. Да и родителей видеть не хотелось. Я сам не понимал почему, но в душе у меня зрела чудовищная обида на них обоих.

Я лег в постель, но уснуть не мог. Думал об Иоле. Интересно, видит ли она меня, знает ли, что со мной произошло? А как злорадствует, если видит! Ведь со мной случилась точно такая же история, как и с ней. Родители решили, что я неизлечим, и спешат избавиться от меня. Наверное, пришли к выводу, что им достаточно одной Киры. Кирка – умница, с ней не бывает проблем. Хотя после того, что случилось в школе, у нее самой могут начаться проблемы. Все будут задаваться вопросами, какая шиза нашла на ее младшего брата и не надо ли ждать чего-то подобного и от Киры?

Наверное, родители обо всем этом тоже успели подумать. А вдруг я вообще наброшусь на сестру с ножом, когда мы останемся одни дома? Ведь Кира такая хрупкая, ростом пошла в мать, я давно уже перерос ее. Да, чтобы защитить любимую дочку, родители точно засунут меня в больницу на долгие годы.

С этими горькими мыслями я проворочался полночи на кровати, потом все-таки уснул. Проснулся, когда за окном было совсем светло. В школе, наверное, уже наступило время большой перемены. Но ко мне больше это не имеет никакого отношения.

Я прислушался: в доме кто-то был. Кажется, мать – я узнал ее осторожные шаги. Конечно, после случившегося никому в голову не придет оставлять меня одного дома. А вдруг квартиру подожгу?

Скоро мама заглянула ко мне в комнату и позвала завтракать. Но после всех этих ужасных ночных мыслей я не мог вообразить, как буду сидеть рядом с матерью. Наверняка еще и говорить с ней придется. Снова она будет врать, что меня кладут ненадолго, что я скоро поправлюсь. Нет, лучше уж поменьше общаться с родителями. Будет не так горько, когда они обо мне забудут. Как родители Иолы.

Я отказался. Позже мать принесла мне еду и чай на подносе. Но кусок не лез в горло. Я смотрел по сторонам и думал, что через неделю попрощаюсь со всем этим навсегда. Перебирал диски и прикидывал, что взять с собой в больницу. Или... ничего? Зачем травить душу, каждый раз вспоминая, что вот этот диск купил мне отец за пятерку по английскому, а этот мать подарила на день рождения?

В три часа мне на домашний телефон позвонил Иван.

– Здорово, Алёха! – сказал он с какой-то новой ноткой уважения в голосе. Я сразу понял, что мой товарищ уже знает о случившемся в школе. – Ты как там, Терминатор?

– Да нормально, – ответил я, не стараясь казаться оптимистом.

– Небось к кровати привязали? – спросил Ванька на полном серьезе.

– Не, пока не догадались. Даже в комнате не заперли.

– Классные у тебя родаки, – восхитился приятель. – Мои бы точно привязали. После такого-то...

– Вань, ты в школе сегодня был?

– А то...

– Ну, и чего там? Что говорят?

– Да ты вообще герой дня, – заверил меня Иван. – Все только о тебе и болтают! Кабинет химии, правда, уже восстановили, но все равно все бегает и в него заглядывают. Я первым делом туда сунулся. Еще до того, как доску заменили. Круть!

Я подавленно молчал. Да, такое не скоро забудется! Хотя мне-то теперь какая разница?

– Про эсэмэски ты знаешь? – не успокаивался Иван. – Их из твоего класса многие получили. Друг дружке весь день показывали. Слушай, таких слов даже я не знаю!

– Хорошо прикалываться, – вздохнул я. А потом спросил с ухающим сердцем: – Слушай, а ты никаких посланий с моего телефона не получал?

– Не, я – нет, – вроде как с сожалением ответил Ванька.

– А... Тася?

Мой друг захихикал в трубку.

– Да вроде тоже нет. А было бы здорово! Она и от обычных-то слов, даже не матных, вечно на меня обижается, дура. Зря ты ей не написал.

– Да никому я не писал, – вздохнул я.

– Да? – заинтересовался Иван. – А мои родители говорят, что писал, но вроде как не понимал, что творишь.

– Да все я понимал! Я в это время с тобой в нашем дворе разговаривал, в подъезде, забыл, что ли? А телефон оставил в классе.

Иван задумался. Я слышал, как он тяжело дышит в трубку, как будто у доски пытается вспомнить правило, которое и в глаза никогда не видел. Потом сказал удивленно:

– Слушай, а ведь правда. Когда ты ушел, я еще позвонил тебе, хотел сказать, чтобы ты в школе не трепался, что меня во дворе видел. А ты не ответил.

Я молчал, давая Ваньке возможность лучше осознать этот факт. Неужели хоть кто-то поверил мне тогда, когда я и сам себе перестал верить?

– Ты можешь сейчас выйти во двор? – спросил меня товарищ.

– Нет, не могу, мать специально на работу не пошла, чтобы меня сторожить. Хотя... погоди минутку.

Я вдруг осознал, что в квартире давно уже тихо. И на кухне не гремит посуда, и в комнате никаких шагов. Может, мама ушла в магазин?

Оставив телефон на столе, потихоньку выглянул из своей комнаты. В гостиной никого не было. Я на цыпочках пробежался по квартире, заглянул на кухню, проверил ванную и туалет. Пусто. В последнюю очередь сунул нос в спальню родителей – и увидел маму. Она лежала на краешке постели, одетая, только скинув тапочки. Лицом уткнулась в подушку, я даже испугался, что она плачет. Но нет, плечи поднимались равномерно, если мама сначала и плакала, то потом уснула. Наверняка ведь не спала всю ночь.

Я сам чуть не разрыдался от жалости к родителям. Хотя ночью едва не дошел до мысли, что ненавижу их. А теперь мне самому хотелось, чтобы они отдали меня в какую-нибудь клинику и зажили спокойно.

Все так же на цыпочках я вернулся в комнату и сказал в трубку:

– Ладно, сейчас спущусь.

– Подожду у подъезда, – бодро воскликнул Иван и отключился.

Я прокрался в коридор, сунул ноги в ботинки и набросил куртку прямо на домашнюю футболку. Семь бед – один ответ. Кто знает, может, у меня больше не будет возможности повидать единственного друга.

Ванька ждал меня на скамейке у дома. Он от всей души хлопнул меня по плечу – я чуть не улетел в кусты, – потом сказал:

– Слушай, давай ко мне, родители на работе.

– Пошли!

По пути к Ванькиному подъезду меня мучил вопрос: а что Тася? Ведь про нее Иван ничего не сказал. Но сестры его дома не оказалось. Наверное, это к лучшему, я ведь даже не в курсе, что она знает о вчерашнем и что теперь думает обо мне.

Когда мы оказались в квартире, Ванька загородил мне дорогу и произнес торжественным голосом:

– Слушай, если нужно меня заложить, то не стесняйся. Переживу, не впервой. Я все подтвержу. И про телефон скажу, что звонил тебе... Нет, лучше скажу, что попросил у тебя мобилу, а ты сказал, что в школе забыл. Сразу станет ясно, что не ты писал те ругачки. Хотя, конечно, странно, что уроды, которые это сделали, не стырили твою мобилу. Но, может, подставить хотели.

– Слушай, ты мне веришь или нет? – спросил я.

Ванька тяжело поднял и опустил мощные плечи.

– Сам не знаю, – честно признался он. – Странно как-то получается. Сначала квартира, потом класс, и никто никого не видел. Я тут подумал: а может, ты сам не помнишь, как это делал? Вот я, например, не всегда помню, чего было. Меня ведь сперва в гимназию отдали, где Тася учится. А там ко мне тип один начал лезть из параллельного. Один раз мой портфель из окна выбросил. Ну, ладно, это я ему спустил. Но когда он мне в столовке компот на штаны вылил, тут уж... Вскочил, в глазах потемнело – а потом хоть режь, ничего не помню! Очнулся уже дома. Родители спрашивают, зачем я его избил, а я говорю: да пальцем не трогал. А они: как же не бил, если он в больнице? Представляешь? Больше меня в эту школу даже не повели. Дождались конца года, а потом я в нашу пошел. Снова в первый класс.

– А у тебя еще когда-нибудь было, чтобы ты не помнил, что делал? – заинтересовался я.

Ванька задумчиво почесал голову огромной ладонью, развел руками:

– Не, больше не было. Я как раз в то лето расти начал, в новой школе меня уже никто не задирал. Может, тебя тоже так достали, что ты сорвался и – забыл?

Я подавленно молчал. Может, Ванька прав, только дело не в том, что меня достали, а просто я на самом деле болен?

– Чего твои-то станут делать? – сочувственно спросил меня Иван. – Тоже в другую школу переводить? В нашей такое точно не скоро забудется.

– В больницу меня будут класть, – сказал я.

– Опять в ту самую? Я тебя навещу.

От этих слов Ванькиных у меня комок перекрыл горло. Нет, там, куда меня засунут, он навестить меня уже не сможет.

– В другую, – едва выдавил я. – Это в Москву надо ехать. В общем, далеко и надолго.

Мне было приятно видеть, как огорчился мой товарищ. У него даже челюсть отвисла от этих слов. Он долго шевелил губами и, видно, обдумывал и никак не мог сформулировать свой вопрос. А потом проговорил, запинаясь на каждом слове:

– 3-зачем так д-далеко? Что у нас, это, больниц для психов не хватает? Зачем в Москву-то? Слушай, может, они вообще решили от тебя избавиться?

У меня просто ноги подкосились от его слов. Ванька озвучил самые ужасные мои мысли! Я смотрел на него и почему-то никак не мог отвести взгляд, хотя понимал, какой ужас видит он сейчас в моих глазах. Наконец с огромным трудом мне удалось заставить себя отвернуться. Мгновение спустя тяжелая рука снова опустилась мне на плечо.

– Слушай, да ты не переживай так! – горячо заговорил Иван. Голос у него был какой-то странный. Неужели он решил, что я плачу?

– Тебе не надо туда ехать! – с напором добавил он.

– Как это?

– Да просто! Не поедешь, и все дела! Я тебя спрячу!

– Спрячешь? – усмехнулся я. – Где это, интересно? В своей кладовке?

На секунду я даже вообразил, как живу в Ванькиной кладовке. Родители его, может, ничего и не заметили бы – Иван давно отучил их туда заглядывать. А Тася? Как бы она отнеслась к такому соседству?

– Да не, не там! – замахал на меня руками Иван. – Есть местечко получше. Дом моих бабки с дедом! Он за переездом, почти в лесу.

– А твои дед с бабушкой не будут против?

– Во прикол, а как они это сделают? – заржал Ванька. – Если давно уж померли. Дом батя продать хочет, да все не соберется. Так что живи там хоть до лета. Летом только нельзя, родители могут нагрять, у них там типа огород.

– Да зачем мне там жить, – отмахнулся я. – Лучше уж в больнице, чем в чужом доме от всех прятаться.

– Ну ты чего, не врубаешься?! Ты в том доме пересидишь с месячишко, пока твои не успокоятся. Они же думают, что ты опасен. А я буду к тебе ходить, еду носить, а потом подтверждаю, что ты нормально себя вел, дом не поджег. Ну, просек фишку?

В самом деле, в Ванькиных словах был смысл. Моих родителей испугало то, что странные случаи происходили один за другим. Они думают, что со мной все плохо, да я и сам почти думаю так же. А если действительно не я творил эти ужасные вещи? В Ванькином домике у меня будет время со всем разобраться.

– У тебя точно не будет проблем, если я там поселюсь? – спросил я.

Ванька расплылся в довольной улыбке.

Глава десятая. Нападение

Оставалось обсудить детали. Мой отъезд был назначен через неделю. Я планировал еще пару дней пожить дома, потихоньку собирая вещи. Ванька же хотел побывать в домике и закинуть туда немного еды. Мне брать что-либо из дома он запретил, сказав, что я сразу попадусь.

В тот день, когда Разин предложил свой план, мне вообще очень везло. Когда вернулся домой, мама еще спала. Я встал в дверях и долго смотрел на нее. Теперь мама не выглядела бесконечно усталой, ее лицо после долгого сна разгладилось и порозовело. Я смотрел и думал, что все еще можно исправить. Просто родители очень устали, измучились со мной. Если дать им время, они вспомнят, что любят меня.

Итак, решение было принято. Я жил дома еще несколько дней, стараясь вести себя как можно лучше. И ждал, когда родители скажут мне, что все в порядке и завтра я могу снова пойти в школу. Но этого не случилось. Мама была очень нежна со мной, отец заходил ко мне каждый вечер и подолгу сидел на тахте, время от времени задавая какие-то вопросы, которые ему удавалось придумать. Даже Кирка перестала рычать на меня. Но все это ничего не меняло: меня по-прежнему собирались сдать в больницу. И через три дня я решился.

В этот день мама с утра ушла на работу, а отцу что-то срочно понадобилось в гараже. И очень удачно, что именно в этот момент позвонил Иван.

– Черт, не могу до тебя дозвониться, – заворчал он в трубку. – У тебя что, мобилу навсегда отобрали?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответил я. Конечно же, после того скандала с сообщениями мне телефон так никто и не отдал. Мало ли кому еще я начну названивать или писать.

– Понял, не тупой, – сказал Ванька. – Жалко, в домике телефона нет, связь бы тебе понадобилась. Ты как, готов?

– Готов, – вздохнул я.

– Сегодня переберешься? Твои вроде как свалили, я в окно видел.

– Прямо сейчас? – растерялся я.

– А чего ждать? Пока тебя скрутят и засунут в специальную машину? Давай выходи!

– Ладно. Где встретимся?

– Давай подальше от дома, чтобы не было никаких подозрений. У переезда, пойдет?

– Пойдет. А что... что брать с собой?

– Теплое что-нибудь возьми, – вздохнул Иван. – А то там дубак. А лучше ничего не бери, а то сразу искать начнут.

– Они и так начнут.

– Не, все-таки лучше, если ты просто выйдешь из дома – бац! – и пропадешь, – развивал свою идею друг. – Тогда они задумаются: а вдруг тебя похитили те сволочи, что квартиру и класс разгромили? Сечешь? В общем, действуй, жду через полчаса, где договорились.

Иван отключился, а я заметался по квартире. Отец мог вернуться в любой момент. В душе мне нравилась идея Ваньки о внезапном исчезновении, и я решил ничего не брать из дома. В конце концов, у меня еще оставалось немного карманных денег, попрошу Ивана купить самое необходимое.

Я лишь достал из шкафа и надел под куртку самый теплый свитер. Потом встал посреди гостиной и огляделся. Тягостного ощущения, что навсегда ухожу из этого дома, у меня не было. Да ведь я и уходил, чтобы сюда вернуться! Так что никаких особых мучений в тот момент я не испытывал. Жаль было только родителей, которым я не мог даже оставить записку.

Через полчаса я уже был на месте и сразу увидел своего друга, который с видом заговорщика выглядывал из-за железнодорожной будки. Мы пересекли рельсы – и попали словно в другой мир. Город здесь заканчивался, и начиналась странная местность под названием Загвоздка. Вдоль размытых дождями улочек тянулись вереницы частных домов. Некоторые выглядели очень даже неплохо, другие были давно заброшены и медленно умирали. Я удивился, когда мы прошли насквозь весь поселок, так и не остановившись.

– А где же дом?

– Через лесок надо переться, – деловито ответил Иван. Он тащил на плече подозрительно раздутый школьный рюкзак. – Там как бы вторая часть поселка начнется. Только все дома давно порушились, один дедов и остался.

Шли мы примерно минут десять. Лес здесь, конечно, был не густой, так, рощица, но в такую мрачную и сырую погоду производил тягостное впечатление. Мне вдруг захотелось вернуться домой, к родителям... но Иван решительно шагнул вперед.

Наконец впереди показались домики, еще более жалкие, чем сразу за переездом. Дороги здесь не было вообще, сплошь мокрая трава. Оскальзываясь на ней, мы прошли к одному из домов, и Ванька по-хозяйски начал ковыряться в замке – настоящем, амбарном. Через минуту он уже распахнул дверь. Повеяло каким-то странным запахом: такой, наверно, бывает в пещере, куда лет двести никто не заходил.

Мне никогда не приходилось бывать в частныхдомишках. Бабушки и дедушки жили в нормальной квартире, дачу родители никогда не снимали. Теперь я с удивлением рассматривал печь на половину комнаты, ветхую мебель, доисторические ставни на окнах. Высокая кровать была занавешена пестренькой тканью.

– Проходи, чего встал, – подтолкнул меня в спину Иван. Он зашел следом за мной и тут же начал разгружать свою поклажу. Там оказались пачка сахара, пакетики чая, пара бутербродов, кипятильник.

– Электричество тут есть, – сказал он. – Правда, часто вырубается. Ты с кипятильником не особо... Если только совсем задубеешь.

Я кивнул и почувствовал, что мне уже до дрожи холодно. Домик был выстужен изнутри. Снова захотелось вернуться, и пусть уж лучше везут в больницу. Но я не мог сказать это Ивану – ведь он так старался ради меня.

– Ну, я пойду, – почти сразу объявил мой друг. – Нужно, чтобы, когда тебя хватятся, я был у всех на виду. Загляну завтра, после школы.

Мое сердце заныло от предчувствия полного одиночества. Но я мужественно кивнул. Иван покосился на меня удивленно:

– Ты какой-то бледный, Алёха. Заболел?

– Да нет...

– Ну, если температура, то лучше забирайся под дедово одеяло да спи себе хоть до завтра. Все равно тут заняться больше нечем...

Это я и без него прекрасно видел.

Иван убежал, но сначала навесил на входную дверь амбарный замок: пусть думают, что дом пустует. А я и в самом деле полез под одеяло, чтобы хоть как-то согреться. Мне казалось, если пройдет озноб, то и сердце перестанет биться как сумасшедшее. Я представлял, что сейчас творится дома. Отец, конечно, уже вернулся из гаража, не нашел меня и позвонил матери. Она примчалась с работы, и теперь они вместе стараются понять, что еще со мной произошло.

Конечно, пока надеются, что мне просто наскучило сидеть взаперти и я снова удрал. Звонят Ивану, хорошо бы он уже вернулся домой. Может, он как раз в это мгновение врет моим родителям, что давно меня не видел. Еще несколько часов они будут ждать и надеяться на мое возвращение, но с наступлением ночи надежда превратится в отчаяние...

А может, они и не станут так уж сильно переживать, – вдруг сменили направление мои мысли. Может, они легко перенесут мое исчезновение. Ну, конечно, заявят в полицию, будут искать, но все это так, для очистки совести...

Я почувствовал, как зашипало глаза. Неужели плачу, как девчонка? Я с отвращением саданул себя кулаком в грудь. Стало больно, но слезы вроде бы отступили. Зато холод и под одеялом не отставал. Он словно шел изнутри меня. Устав трястись, я вскочил и начал бегать по комнате. Бегал, наверно, несколько часов. Пока не свалился без сил и не отключился до утра.

Вот так и началась моя жизнь на новом месте. Если, конечно, это можно было назвать жизнью. Я старался спать как можно дольше, до обеда, чтобы ни о чем не думать и не беситься от тоски. Правда, на другой день Ванька принес мне какие-то книжки и шахматную доску. Но сам он играть не умел, а в одиночестве переставлять фигуры было скучно, к тому же очень стыли руки.

Ванька теперь каждый день ходил в школу, как он говорил, для конспирации. Поэтому забегал ко мне только на час, и этот час был единственным сносным временем за все бесконечные сутки.

Я был бы рад, если б Иван, как обычно, наплевал на школьные занятия и больше времени проводил в дедовском доме. Но, наверно, он поступал правильно. От Ваньки я узнал, что мои родители уже подали заявление в полицию, и участковый заходил к Разиным домой, общался с Иваном, с родителями, даже с Тасей. Ванька заявил ему, что с психами не тусит, и участковый ушел ни с чем. А Тася почему-то после этого долго не разговаривала с братом.

Наверное, дней через пять после моего побега я лежал под одеялом и думал о том, сколько времени еще осталось до Ванькиного прихода. За окном вроде уже день, но из-за густых туч ничего невозможно понять. За часами же было холодно протянуть руку. К тому же я боялся разочарования: а вдруг еще раннее утро?

И тут я услышал, как потихоньку открывается дверь в мое жилище. И сразу понял: это не Ванька. Тот всегда сначала громко возился с замком, а потом распахивал дверь одним могучим ударом ноги. Я в ужасе вылетел из-под одеяла и отпрыгнул в тот угол, который не проглядывался от порога. Как будто это имело значение.

Кто-то топтался у порога. Но кто это был? Полиция? Ванькины родители? Или какие-нибудь бандиты, решившие ограбить заброшенный домик в лесу? Шаги начали приближаться...

И в комнату вошла Тася. В руках она держала свою школьную сумку, и вид у девочки был такой, будто она шла в школу, а совершенно случайно оказалась в другом месте. Я шагнул из угла со словами:

– Тась, только не пугайся, это я.

Она обернулась на мой голос – и вдруг широко улыбнулась.

– Да я и так знала, что ты здесь! Подумаешь, напугал!

– Откуда ты это знала?

– Я вас вычислила! – весело воскликнула девочка. – Достаточно было понаблюдать за моим дурацким братцем. Ходит каждый день в школу, к первому уроку, по вечерам парится с уроками. И все время требует бутербродов, говорит, без них у него от книжек мозги сохнут. Когда я прикинула, что такое количество еды даже в него не влезет – сразу догадалась, где он тебя прячет. И отыскала запасные ключи.

Пока Тася это говорила, она распахнула свою сумку, достала два маленьких термоса, несколько пластиковых контейнеров. Расставила все это на столе и начала поочередно снимать крышки. Я чуть не сошел с ума от запаха нормальной человеческой пищи. Все эти дни Ванька таскал только бутерброды и ледяные напитки в банках. Тася протянула мне термос.

– Выпей бульон, я сама с утра сварила, – приказала она. – Ты какой-то зеленый, замерз, наверно?

– Нет, что ты! – ответил я как можно бодрее.

Бульон я выпил в два глотка – и сразу согрелся. А может, меня кинуло в жар от присутствия Таси, не знаю.

– Ну и долго ты собираешься тут жить? – спросила она и поежилась. – Учти, тут без печки с середины ноября уже никак, а дров нет.

– Не знаю, – вздохнул я. – Понимаешь, я хочу доказать родителям, что не я разнес нашу квартиру и класс химии. Что меня кто-то подставил. А иначе меня засунут в больницу для идиотов.

– И как ты им это докажешь? – уточнила Тася.

– Ну, проживу тут еще немножко. Может, смогу их убедить, что я больше ничего не разрушил и ни на кого не напал.

Я не сказал Тасе главного: мне самому было необходимо убедиться, что не я сотворил те ужасные вещи. Как ни плохо мне жилось в домике, но, по крайней мере, ничего подобного тут не происходило. Я вполне владел собой – Ванька был тому свидетель.

Тася с хитрым видом покрутила головой и сказала:

– Да, вроде ничего не разбито и не опрокинуто.

Я, кажется, покраснел.

– Нет, ты правильно сделал, что сбежал, – вдруг продолжила она уже без тени насмешки. – Надо бороться за себя, особенно если знаешь, что не виноват. Думаю, еще недельку ты здесь протянешь. А потом, когда ты вернешься, мы с Ванькой пойдем к твоим родителям и подтвердим, что ты вел себя нормально. Думаю, они так обрадуются, когда тебя увидят, что не станут отправлять в больницу. В общем, все как-нибудь уладится.

Я просто расцвел от этих слов: Тася будто озвучивала мои самые заветные мысли. И вообще рядом с ней я даже не впадал в тихую панику, как в обществе других девчонок.

– Значит, ты считаешь, что я... не... опасен? – спросил я, запинаясь на каждом слове.

Тася прыснула и уставилась на меня веселым взглядом:

– Ты? Опасен? Да ты на себя в зеркало давно смотрел?

Мне стало немного обидно. Что вообще она имела в виду?

– Я не знаю, кто это на самом деле сделал, – уже совсем другим, серьезным голосом заговорила Тася. Удивительно, как быстро она умела переходить от насмешки к серьезности. – Но точно знаю, что ты на такое не способен. И вообще, ты ведь мой друг, я должна тебе верить, что бы ни случилось. Я вот и верю.

Тут меня точно бросило в жар. Даже отвернуться не успел. Тася снова засмеялась, помачала ладошкой, словно стараясь охладить мое пылающее лицо.

– А что, разве мы не друзья?

– Конечно друзья, – пробормотал я. – И спасибо тебе... за еду... за все.

Я ужасно огорчился, когда она стала собираться.

– Нужно успеть на сольфеджио, а то учительница – просто зверюга какая-то, – объяснила мне она. – Сразу помчится родителям звонить.

Я кивнул. Тася уже собрала опорожненные термосы в сумку – баночки с едой оставались мне на вечер, – и теперь стояла на пороге и смотрела мимо меня, словно ждала чего-то. А потом вдруг хмыкнула и спросила:

– Что, не понравилась моя еда?

– Ты что, конечно понравилась!

– А почему тогда не спрашиваешь, приду я еще или нет?

Я пожал плечами. На самом деле я только об этом и думал, вот только спросить ни за что бы не посмел. Но теперь, конечно, отступать было некуда.

– А ты придешь? – спросил я.

– Конечно приду! – воскликнула Тася. – Ты же тут долго не протянешь, на Ванькиных-то бутербродах. Только завтра не смогу – важная контрольная. И родители с утра дома, ничего не приготовить. А вот в пятницу – точно. Приду в полдень, как сегодня. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул я.

Тася крутанулась на небольших каблучках и исчезла. Впервые за все время мне было не холодно. Даже наоборот – щеки все еще полыхали огнем. До Ванькиного прихода я бесцельно кружил по дому. И думал о следующем приходе Таси. Я даже сосчитал, что до этого прихода осталось всего-то сорок семь часов.

Ванька явился раньше обычного, наверно, все-таки не вынес постоянного нахождения в школе. Я не собирался рассказывать ему о визите Таси, но он еще на пороге сморщил нос, долго с шумом втягивал в себя воздух, а потом спросил:

– Что, Таська приходила?

Я кивнул.

– Блин! – схватился за голову Иван. – Да как она догадалась?!

– Сказала, что ты необычно вел себя в последнее время.

– Ну она у меня получит сегодня!

– Ванька! – заорал я. – Только попробуй! Если узнаю, что ты ее как-то обидел, честное слово, больше я тебе не друг! Да и что она плохого сделала? Вот, еду мне принесла.

– Я не приносил, что ли? – горячился Иван. – Какое она право имела сюда лезть? Сначала еду приносит, а потом проболтается где-нибудь, родителям настучит. Она же дура, и мелкая вдобавок.

– Почему мелкая? – оскорбился я. – Она моя ровесница, забыл? И никакая не дура.

Ванька только рукой махнул. Я видел, что он очень огорчен. Наверное, ему хотелось, чтобы мое исчезновение было только его тайной. Но тут уж я ничем не мог ему помочь.

Мы немного поболтали о школе и о том, как проходят мои поиски. Ванька рассказал, что теперь мою сестру родители каждое утро отвозят в школу, а потом забирают. А еще сообщил, что выглядят они очень несчастными и, похоже, скоро окончательно созреют для моего возвращения.

Потом он убежал. Напоследок я еще раз очень серьезно предупредил его насчет Таси. И стал заново считать часы до ее прихода.

Следующий день пролетел почти незамеченным. Кажется, я его полностью проспал – так было легче скоротать время. А потом наступило утро пятницы.

Я проснулся, посмотрел на часы: без четверти десять. Значит, до прихода Таси оставалось всего два часа с копейками. Я вскочил и бросился проверять, высох ли свитер, который я вчера собственноручно постирал в холодной воде. Он у меня был единственный, и я боялся, что от него уже здорово пованивает.

Кажется, свитер был даже мокрее, чем вчера, когда я достал его из таза. Я едва не орал, пока натягивал его на себя. Но ничего, на теле должен высохнуть. Потом я немного прибрался в комнате, тщательно застелил постель и накрыл стол свежей газетой.

В половине двенадцатого все уже было готово. А я не знал, куда себя деть. И стал представлять, как Тася идет к переезду. Проходит через поселок и сворачивает в лес. Тут я догадался выглянуть на улицу – и взвыл от досады и горя.

На улице лил дождь. Нет, не лил – он стоял сплошной стеной. Огород перед домом превратился в сплошное озеро.

Стало ясно, что ждать Тасю не имеет смысла. По крайней мере, к полудню. Наверняка где-то пережидает, пока закончится ливень. Или хоть немного утихнет. Если этого не слу-

чится в ближайший час, она сюда уже не сунется – не захочет нарваться на своего агрессивного брата. Впрочем, по такому дождю Ванька тоже не пойдет, да он и не обещал навещать меня каждый день.

Невозможно передать словами, как мне стало тоскливо. Я глянул на часы, которые продолжал машинально сжимать в кулаке, – без десяти двенадцать. Теперь, конечно, это не имело никакого значения, и я швырнул часы на пол, как ненужный мусор.

И в этот миг я услышал голос. Я был бы счастлив, услышь его за дверью или в прихожей. Но этот голос звучал у меня в голове.

«Скорее! Беги ей навстречу! Они сделают что-нибудь ужасное!»

Конечно, я узнал этот голос. Еще бы, в последний раз я чуть не выбросился из окна, когда услышал его. Но ведь с тех пор я прошел курс лечения. И почти поверил, что девочка по имени Иола не существует нигде, кроме как в моем воображении. Почему же я снова слышу ее?

«Ты что, не понял, что ли?! Что застыл?! Тебе нужно бежать!»

Я попробовал заткнуть уши руками. Очень глупо получилось.

– Отстань от меня, – пробормотал я. – Тебя не существует.

«Вообще псих? – озадаченно спросил голос. – Ты прекрасно знаешь, что я существую, так же, как ты! Нашел время придуливаться».

– Что тебе нужно от меня?

Мгновение девочка молчала. А потом просто взмолилась, и в голосе ее было столько ужаса, что у меня, кажется, волосы стали дыбом.

«Пожалуйста, Алеша, беги по тропе к поселку! Если с ней что-нибудь случится, тебя навсегда запрут в психушке, а я...»

Тут голос сорвался, как будто Иола заплакала. И я не стал больше раздумывать. Распахнул окно, перескочил подоконник и понесся через лес в сторону поселка.

Хотя это мне только хотелось – нестись как ветер. На самом деле ноги мои тут же провалились в такую густую грязь, словно здесь за ночь образовалось болото. Я упал, с трудом вытаскивая правую ногу, оперся на нее, попробовал рвануть вперед – и снова упал. Полянка, отделявшая дом от леса, была непроходима. В конце концов я встал на четвереньки и пополз по ней.

Когда дополз до тропы, ведущей через лес, у меня появилась возможность подняться на ноги. Тропа была засыпана гравием, поэтому не разбухла от ливня. Зато по обе стороны от нее теперь протекали настоящие реки. Я побежал по тропе с такой скоростью, как не бегал никогда в жизни.

А потом я услышал крик. Далекий и ужасный, и я сразу узнал голос Таси. И закричал в ответ что-то, сам не понимая что – лишь бы дать знать: я рядом, спешу на помощь. Еще через полминуты я увидел ее саму. Тася неслась по тропе мне навстречу, а за ней по пятам мчались два типа явно не школьного возраста.

Конечно, я сразу понял, что с этими бугаями мне не справиться. Но понял и другое: ночной ливень, который я недавно так проклинал, на самом деле был нашим спасением. Ведь бежать можно было только по узенькой тропке.

Еще несколько мгновений мы с Тасей мчались навстречу друг другу. Когда поравнялись, я чуть отступил в сторону, пропуская ее. Но скорость при этом постарался не снижать. Она вроде даже не заметила меня – так была напугана. Но, кажется, цела. Я продолжал нестись вперед. И через пару мгновений врезался торпедой в первого из парней.

Конечно, он был выше и шире меня, но на скользкой тропинке все-таки не удержал равновесие и начал заваливаться назад, на второго. А сам таращил на меня глаза, наверное, не мог понять, откуда я взялся. Лицо у него было какое-то странное. Вторым не упал, а перескочил через канаву на поляну и тут же рухнул на четвереньки, запутавшись в мокрой траве. Я, лежа на первом, тряс его за плечи так, что голова парня стучалась о гравий.

Я хорошо знал, что в драках я – полный ноль, и, когда он сообразит, что к чему, мне с ним уже не справиться. Поэтому и тряс парня, как ковер. Главное, чтобы Тася успела добежать до дома и запереться там.

И вдруг этот тип заплакал. Я просто не поверил своим глазам. Не так уж и больно я его тряс. А он, вместо того чтобы задавить меня своей массой, распустил губы и странно, на одной ноте заныл. Второй тоже не стремился добраться до меня. Стоя по щиколотку в воде, он нудил жалобным голосом:

– Пусти его! Ну, пусти его!

Я слез с поверженного бугая. Тот еще долго ползал по тропинке и испуганно косился на меня, прежде чем встать на ноги. Потом все-таки поднялся и попятился прочь. Второй побежал за ним по полянке, утопая в мокрой траве. Я наблюдал за ними, пока они не скрылись за деревьями. Потом помчался к дому.

Тася была там. Услышав мой голос, она тут же отперла дверь: наверное, дежурила под ней в надежде, что мне удастся спастись. Выглядела она уже не такой испуганной, но ее светлая куртка и джинсы были насквозь мокрыми. Даже в собранных в хвост волосах застряли грязь и листья. Девочка мелко тряслась.

– Слава богу, ты смог от них убежать! – стуча зубами, проговорила она.

– Они сами от меня убежали, – уточнил я. – Наверно, привыкли на девчонок охотиться.

– Это маньяки, да? – спросила Тася и задрожала сильнее. – Я слышала, что кто-то в нашем районе нападает на детей и подростков. Это они?

– Не знаю, – сказал я. – Маньяки вроде как по одному выходят на охоту.

– Я так испугалась, – продолжала говорить девочка, забыв отступить с порога, поэтому я все еще оставался на улице. – Они словно специально ждали меня в лесу. Сначала один загородил дорогу. Я хотела бежать обратно к поселку, оглянулась – а там уже второй. Я думала, все, конец. Они что-то стали говорить, но так странно, я даже ничего толком не понимала. Мне кажется, они психи, один уж наверняка...

«Точно психи», – подумал я, вспоминая странное лицо и безумные, по-животному испуганные глаза.

– Мне показалось, они говорили что-то про тебя, – вдруг произнесла Тася, и глаза ее расширились. – Странно, Алеша, откуда они могут тебя знать? Они даже сказали, что это ты им велел на меня напасть.

Я пошатнулся. Тася схватила меня за плечо и втянула в дом. Захлопнула дверь и заперла ее на щеколду.

– Нет, ты не думай, я не поверила ни единому слову. Может, это те, кто забрался в вашу квартиру? Ты же их видел в лесу – знаешь, кто они такие?

Я замотал головой. Язык мой словно превратился в кусок дерева.

– Я решила пробежать мимо того, кто выглядел, как псих. Подумала, что у больного не может быть хорошей реакции. Прыгнула сперва через канаву на полянку, потом снова на тропу. Но он успел схватить меня сзади за сумку. Я бросила ее и понеслась вперед, они – за мной. Такие ужасные слова кричали. Я несколько раз упала, думала, все, не убежать. А потом услышала твой голос. Как ты там вообще оказался?

– Я просто вышел прогуляться, а потом услышал твой крик, – пробормотал я, понимая, как легко разоблачить мою ложь. Кто же выходит на прогулку под ливень в одном свитере? К счастью, Тася была слишком возбуждена, чтобы замечать такие явные противоречия. Но я знал: позднее она придет в себя, все сопоставит – и испугается еще больше.

– Тебе нужно одежду просушить, – пробормотал я.

Тася опустила глаза, осмотрела себя – и лицо ее задрожало.

– Ой, что же я родителям скажу? – прошептала она. – И сумка пропала.

– Хочешь, поищу ее в лесу? – Я сделал шаг в сторону двери.

– Нет, не нужно! – Тася вцепилась в мою руку. – Вдруг они еще там? Ладно, совру родителям, что меня чуть не сбил грузовик, я была в шоке и забыла подобрать сумку.

Она наконец прошла в комнату, откинула крышку старого комода, достала ветхий старушечий халат и набросила себе на плечи.

– Так не согреешься, – заметил я.

Она пожала плечами, все еще продолжая трястись крупной дрожью. Но, кажется, уже не от страха, а от холода.

– Ну, сушить одежду здесь все равно негде, не в бабушкином же халате мне домой идти. Не хочу, чтобы Ванька меня застал тут. Сейчас, выждем немного, чтобы они точно ушли... А потом ты проводишь меня до поселка?

Я кивнул.

– Слушай, а может, ты с этими типами лежал в больнице? – вдруг спросила Тася. Конечно, она ни на секунду не забывала странные слова нападавших. – Ну, в той больнице... там же были, наверно, и настоящие психи? Может, они за что-то возненавидели тебя?

Я понял, что такой вариант может меня спасти. Хотя бы на первых порах, пока не разберусь, что на самом деле происходит.

– Возможно, – ответил я, делая вид, что изо всех сил припоминаю. – Кажется, я в самом деле их там видел. Морды больно знакомые.

– Может, они позавидовали, что к тебе посетители все время ходят, и вообще – ты же не такой, как они, правда?

– Да, точно.

Может, я даже хуже, чем они. Откуда мне теперь знать?

Глава одиннадцатая. Неудачная попытка

Тася глянула в окно и заторопилась.

– Дождь кончается. Скоро Ванька придет. Только ты ему ничего не говори. А то еще сложнее будет врать родителям.

Она скинула халат – и снова затряслась. Но решительно направилась к дверям. Я поплелся следом. Дождь почти прекратился, но стало еще холодней. Сам я уже не замечал ни ветра, ни холода, только жаль было Тасю, которая даже двигалась с трудом, так дрожала. Чтобы немного согреться, мы почти бежали. Иногда я застывал на месте, чтобы прислушаться. Нет, кажется, все было тихо. Вдруг Тася замедлила шаги и взяла меня за руку. Ладонь у нее оказалась неожиданно горячая.

– Вот здесь они меня подстерегали.

Я в ответ сжал ее ладонь крепче и повел дальше. Через несколько метров мы увидели на ветке сумку, выпотрошенную и почти разорванную по шву. Я молча снял и протянул ее Тасе, но девочка отшатнулась, спрятала руки за спину.

– Брось, все равно ее не починить. Не хочу брать в руки после этих уродов.

Я размахнулся и зашвырнул несчастную сумку подальше в кусты, чтобы не была видна с дороги. Через минуту впереди показались домики поселка. Тася резко затормозила.

– Дальше я сама пойду, – сказала она. – Дойду до следующего переезда, чтобы не столкнуться с братом. А ты возвращайся в дом и обязательно переоденься.

Я кивнул, но остался стоять на месте. Меня мучил вопрос, который я никогда бы не посмел озвучить. Но уйти, не зная ответа, было просто невыносимо. И кажется, Тася поняла, что меня волнует.

– Ты не думай, что я больше не приду, – сказала она и немного покраснела. – Приду, но постараюсь одна не ходить через лесок.

– Ладно, – выдохнул я.

Тася махнула в воздухе ладошкой и побежала вглубь поселка. Но через пару шагов остановилась, посмотрела на меня через плечо с почти веселой улыбкой и кивнула:

– Не бойся. Я знаю, что ты ни в чем не виноват.

И понеслась дальше.

А я вернулся в лесной домик все в таком же оцепеневшем состоянии. Когда часов в девять вечера стало ясно, что Ванька сегодня не появится, я, хоть и мучился от голода, был этому рад.

Промаявшись до полуночи от тревожных мыслей и голода, я все-таки заснул. И увидел Иолу.

Она здорово изменилась с тех пор, как я перестал ее видеть. Похудела, лицо стало еще более мрачным. Темные волосы, давно не чесанные, со сна стояли дыбом. И она по-прежнему была в больнице, все в той же палате. Я увидел, как она садится на кровати, стремительным движением набрасывает на плечи халат и идет к двери, шаркая ногами, низко опустив голову.

Вот так, глядя себе под ноги, Иола прошла мимо спящей на посту медсестры, свернула в закуток за столовой и замерла там. Губы сжаты так плотно, будто вовсе нет. Потом вдруг девочка разлепила их и произнесла, усмехаясь:

– А ты быстро бегаешь!

Почему-то эти слова меня ужасно разозлили, и я сказал:

– Хорош издеваться!

Она снова поджала губы. А я задал вопрос, который меня ужасно интересовал:

– Слушай, а откуда ты знаешь, что я сейчас тебя вижу?

– Очень просто, – хмыкнула Иола. – Раз ты сегодня смог услышать мой голос, значит, действие таблеток закончилось. Ужасные таблетки в этих больницах, после них неделями ничего нельзя видеть.

– А нам обязательно друг на друга любоваться? – спросил я. – Ты что, все это время наблюдала за мной?

– Ну, меня тоже одно время накачивали всякой гадостью. Через капельницу. А сейчас таблетки дают, но я давно научилась эту дрянь потихоньку выплевывать. Хотя, конечно, любоваться на тебя целый день – еще тот кошмар!

– Мне это не нравится, – пробормотал я. – Надо что-то с этим сделать.

– Что, например?

Я промолчал. Что я мог предложить? А Иола вдруг заговорила так громко и горячо, что я перепугался – не примчалась бы медсестра.

– Ты думаешь, я не старалась понять, почему это с нами происходит? Книжки доставала, у врачей выпрашивала! Нигде, нигде не описан такой случай, как у нас! Знаешь, что самое близкое?

– Что?

– Сросшиеся близнецы. Слышал о таких? Так даже их научились разделять.

– Но мы же с тобой не близнецы!

– Конечно нет, – поспешно согласилась Иола. – Мы вообще не родственники, я проверяла. Мы родились в один год, но я – на два месяца раньше.

Голос ее задрожал на этих словах. Я догадался, о чем Иола подумала: эти первые два месяца жизни она могла засыпать и просыпаться по собственному желанию. Да, нельзя не признать: ей приходилось куда хуже, чем мне.

– Слушай, это ты все подстроила? – спросил я. – Ну, в школе, в моей квартире, и... с Тасей?

– Конечно я! – с вызовом произнесла Иола и вскинула голову. – Я же обещала, что отомщу тебе. Мне хотелось, чтобы ты понял, каково это, когда тебя засунули в больницу для хроников и забыли о твоём существовании навсегда!

– Но я тоже лежал в больнице!

– Ага, а родители тебя каждый день навещали! И друзья. А я хотела, чтобы они начали видеть в тебе чудовище, бояться тебя.

– И как ты все это провернула? – спросил я. Никакой злости на Иолу я почему-то больше не чувствовал.

– Да уж провернула! – огрызнулась девочка. – Зря, что ли, в этой поганой больнице столько времени парюсь? Я тут каждую щель изучила. Научилась выбираться из отделения. Однажды ночью в общем холле познакомилась с двумя парнями. Один – конченный псих, а другой вроде ничего, соображает. Ну, ты их видел. Они давно уже нашли способ сбегать из этой больницы в любое время. Я им давала деньги и продукты – родители иногда передают через знакомых. А взамен попросила кое-что для меня сделать. Они местные, легко было их отправить, куда нужно.

– Да уж. Что же в конце испугалась?

– Девчонку стало жалко, – со вздохом, похожим на сожаление, ответила Иола. – Эти типы что угодно могли с ней сделать. Они вообще-то не очень опасные, но звереют, если их боишься. Я и сама ужасно перепугалась, что ты меня не услышишь.

– Ладно, проехали, – сказал я, хотя Иола и не просила у меня прощения. – Лучше подумаем, что делать. Может, я все-таки приду к тебе в больницу?

– И что это даст? Тебя никто не пропустит. Скажут, чего ради навещать спящую? А по-другому ведь не получится.

– Так что же тогда?!

Иола вдруг как-то подобралась, глаза загорелись, и на щеках даже выступил румянец.

– Вообще-то я кое-что придумала, – сказала она. – Я сама к вам приду.

– Куда?!

– Ну, к тебе домой, когда ты туда вернешься. Ты же не будешь всю зиму сидеть в этой развалине.

– Иола, да как это возможно?! – воскликнул я. – И зачем?

– Ты ничего не понимаешь! – привычно разозлилась на меня Иоланта. – Это единственный выход. Я приду, когда ты будешь спать, и все объясню твоим родителям. Они не могут не поверить – я ведь столько про тебя знаю. И про то, как я этих психов наняла, расскажу, и тогда тебя в больницу не отправят. А потом ты проснешься, а я немедленно засну. Такое разыграть нельзя. Тогда они точно начнут шевелиться. Ну, может, свяжутся с моими родителями, обратятся к ученым. Может, и есть какой-то способ, чтобы нас... разделить.

– А как ты до моего дома доберешься? – спросил я. – Я ведь могу проснуться в любой момент, сама знаешь. А уж если ты начнешь среди ночи в нашу дверь ломиться – точно проснусь.

Иола с трудом дослушала мои доводы до конца.

– Это я продумала. Выпьешь снотворное, которое у твоей мамы в шкафчике стоит. И даже не будешь видеть, что там я делаю. А я тут как-то ночью поболтала с одной соседкой и узнала, что она училась в той же школе, что и ты. Она рассказала, как до нее добраться. А как ты от школы домой идешь – это я сотню раз видела.

Я задумался: в этой задумке был смысл. Вернусь домой. Потом явится Иола. И родители нас выслушают – поочередно, разумеется, – у них же просто не будет выбора.

– Когда это дело провернем? – спросил я.

– Завтра, – тут же ответила Иола. – Днем ты вернешься домой. А я ночью попрошу ребят вывести меня на свободу. Медлить нельзя: послезавтра их переводят в другую больницу, а у меня нет ключей от входной двери.

– Ладно, – сказал я.

Мы еще некоторое время обсуждали детали. А потом я проснулся.

Ванька примчался ко мне прямо с утра. От образа положительного ученика в нем мало что осталось. Под левым глазом красовался огромный фингал, а сплюснутый пакет с бутербродами друг вытащил из-под свитера.

– Что вчера было? – спросил я.

Иван только рукой махнул:

– А, понимаешь, пошел в школу, и на лестнице столкнулся с двумя уродами из одиннадцатого. Они начали прикалываться насчет того, что я типа в отличники лезу. Пришлось с ними разобраться. Слабачками оказались: один еще сумел уползти, а второй под школьной лестницей минут пять в отключке отдыхал. Ну, вызвали родителей, и понеслось. В общем, до самой ночи. Вот и не смог к тебе смыться.

Я подумал, что все сложилось совсем неплохо. Если Разины вчера полдня проторчали в школе, значит, Тася имела возможность привести в порядок одежду и вообще прийти в себя.

– Ты герой, – сказал я. – А я сегодня домой возвращаюсь.

Ванька заметно приуныл. Странно, неужели ему так нравится сюда таскаться? Огромной ладонью он потер ухо и со вздохом произнес:

– Опять, значит, с полицией общаться? Для моих уже многовато будет.

– Никакой полиции, – заверил я. – Просто явлюсь домой и скажу, что прятался в заброшенном доме за городом. Про тебя разговора не будет.

– Нет, так не пойдет! – мужественно запротестовал мой друг. – Я же обещал, что пойду к твоим предкам и подтвержу, что ты ничего не сломал и не порушил.

Я покачал головой:

– Не нужно. План несколько поменялся. Я пока не могу тебе рассказать, но потом – обязательно.

На этом и порешили. Вместе дошли до переезда, а потом до дома шли разными улицами, чтобы не вызывать подозрений.

Дверь открыла Кира. Она застыла на пороге, глаза широко распахнуты, рот приоткрыт. Потом обеими руками схватила меня за плечи и втянула в квартиру. И сразу унеслась куда-то, как оказалось – к телефону. Через пару секунд я услышал ее задыхающийся голос:

– Мама, Алешка вернулся!

Отец с матерью примчались домой вместе. Сначала дружно ощупывали меня и старались уяснить степень моей сохранности, потом, конечно, начали чередовать выговор с допросом. Не помню, что я отвечал: голова была занята мыслями о предстоящей ночи.

Я с трудом продержался до вечера. Мать и отец с меня глаз не сводили, даже в комнате одного не оставляли. Да я туда и не стремился – целый день отъедался на кухне и никак не мог отойти от холодильника. Едва стемнело, я сказал родителям, что ужасно хочу спать, а завтра расскажу им все в подробностях. И меня отпустили с миром.

Но нужно было еще раздобыть таблетки. Я зашел в ванную, нашел баночку, про которую говорила Иола. Всю взять побоялся – вдруг мать хватится, – просто отсыпал в нагрудный карман горсть. На всякий случай, хотя Иола несколько раз повторила, что достаточно будет и двух таблеток.

Когда я уже лег в постель, в комнату на цыпочках вошла мама. Она присела у меня в ногах и взяла за руку, как раньше, когда я был совсем маленьким. Даже в полутьме я заметил на ее щеках полосы слез. И сам едва не разрыдался.

– Мам, да все со мной нормально, – сквозь спазмы в горле прохрипел я. – Ты скоро сама поймешь, что все хорошо.

– Ладно, Алеша, договорились, – ласково проговорила мама и погладила меня по руке. – Главное, ты вернулся.

– Только не отправляйте меня в больницу, ладно? – против своей воли ляпнул я. Почему-то мне казалось, мать непременно ответит, что все в порядке, не отправят. Но она сказала совсем другое:

– Нужно немного подлечиться, сынок. А потом все наладится. Ты ведь уже лежал в больнице, знаешь, что бояться там нечего.

Я промолчал. Ничего, после сегодняшней ночи они живо передумают.

– Я пойду, – вздохнула мама. – Знаешь, мы ведь с отцом, кажется, вообще не спали с того дня, как ты пропал. Нужно хоть немного отдохнуть.

Тут я сильно огорчился. Жалко, что у нас с Иолой не было времени в запасе. И сегодня ночью моих родителей ждала та еще побудка.

Когда мать вышла из комнаты, я быстро бросил в рот две таблетки. И пожалел, что забыл про воду. Таблетки были не горькие, в оболочке, но почему-то никак не желали проскальзывать в горло.

Прошло, наверно, больше часа. Похоже, таблетки не действовали – сна не было ни в одном глазу. Может, просрочены? Я отчаянно крутился с бока на бок и с каждым мгновением все больше впадал в отчаяние. Потом вскочил с кровати, зажег настольную лампу, посмотрел на часы и ужаснулся: уже час! А ведь Иоле так далеко идти, и парни с ключами, возможно, будут ждать ее до определенного срока. Как же она сейчас ненавидит и презирает меня!

– Я сейчас, сейчас, – пробормотал я в пространство. Потом схватил рубашку, вытащил из кармана оставшиеся таблетки и закинул в рот.

Очнулся я в очень странном месте. Потолок над моей головой был явно не тот, что в моей комнате, – слишком белый и высокий. Я попытался повернуть голову и осмотреться, но почему-то не смог этого сделать. Зато отчаянно запершило в горле. Попытался откашляться, но тут горлу сделалось так больно, что я громко застонал. И немедленно надо мной склонилась какая-то женщина.

Судя по белому халату, медсестра.

– Тише, не разговаривай, – предупредила она. И приложила палец к губам.

Мне стало страшно. Почему я не помню, как оказался в больнице? А главное, что это за больница? Неужели та, в которую меня собирались отправить до моего побега из дома? Но как, когда меня сюда доставили?!

Я попытался сесть. Немедленно подступила едкая тошнота, перед глазами все распалось на точки. Медсестра подхватила меня за плечи и сердито зашипела:

– Да лежи ты, прыткий! Капельницу вырвешь!

Оказавшись снова в лежачем положении, я несколько раз судорожно сглотнул, прогоняя тошноту. Где я? А главное – где Иола?!

Я пытался сообразить, куда она могла подеваться. Допустим, я все-таки спал хотя бы пару часов, и ей удалось выскользнуть из больницы. Сколько она успела пройти? От поселка, где расположена больница, до нашего города идти вдоль железной дороги примерно полчаса. Потом я проснулся, а она, возможно, в этот миг где-нибудь упала и сейчас совершенно беспомощна. А вдруг ее переедет поезд? Может, мне стоит заснуть, чтобы у нее появился хоть какой-то шанс? Я постарался расслабиться – и действительно отключился.

Проснулся, когда в палате уже было светло. Медсестра куда-то исчезла. А потом я услышал, как кто-то вошел в палату.

Я лишь чуточку приоткрыл глаза и увидел рядом с собой какого-то пожилого врача в окружении двух других, помоложе. Понятно, утренний обход. Я специально не стал показывать, что проснулся: такие никогда ничего не объясняют. Но может, он скажет что-то тем, другим?

Сработало. Врач осмотрел капельницу, проверил мой пульс, потом коротко сказал сопровождающим:

– Попытка суицида. Наглотался таблеток. Четырнадцать лет.

– Когда его привезли? – спросил кто-то.

– В половине третьего. Родители до сих пор ждут в приемном покое.

Шаги и голоса стали удаляться. Ну, теперь я хотя бы знал, что со мной произошло. И это было ужасно.

Теперь я не только неуправляемый псих, маньяк-разрушитель – я еще и самоубийца. Значит, психбольница мне обеспечена на всю оставшуюся жизнь. Родители, наверное, с ума сходят. Интересно, кто меня нашел в середине ночи? Ведь до того времени Иола никак не могла до нас добраться.

Вдруг страшное подозрение заставило меня похолодеть. А если это – очередная пакость Иолы? Может, она вовсе не раскаивалась, когда рассказывала о том, каким образом превратила мою жизнь в кошмар? А спокойно просчитывала, как доконать меня окончательно? Что ж, ее план сработал.

Да, но Иола четко сказала мне, что нужно выпить только две таблетки. А с двух таблеток я бы тут не оказался. Я сам виноват, так накрутил себя перед сном, что не смог уснуть, и с отчаяния сожрал еще кучу таблеток. Нет, Иола ни в чем не виновата. А вот я наверняка все испортил.

Так, допустим, меня привезли сюда в половине третьего утра. Наверняка сразу стали будить – это я в книжках читал. Правда, я этого не помню, но, пока мне не промыли желудок,

уснуть точно не давали. Где в это время была Иола? Потом я все-таки уснул, и она, возможно, сумела добежать до нашего дома. Но родителей дома не было. А сестра? Она наверняка не открыла бы какой-то девчонке, которая трезвонит среди ночи. И я не узнаю, что случилось с Иолой, пока мой организм не очистится от лекарств. А это, похоже, случится очень не скоро.

Через пару часов меня перевели в обычную палату и пустили ко мне маму. Было невыносимо видеть, какая она бледная, как измучена бессонной ночью и новой бедой.

– Мама! – заговорил я прежде, чем она задала вопрос. – Только не думай, что я в самом деле хотел... ну, ты понимаешь. Да я о таком даже не думал никогда! Я просто не мог уснуть и вспомнил про твое лекарство в ванной. Ну, я же не знал, что оно такое сильное.

Мать молча погладила меня по голове. Я понял, что она мне не верит. Слишком много всего произошло за последнее время.

– Мама, а больше этой ночью ничего не случилось? – спросил я.

Она так и дернулась от моих слов:

– Господи, да что еще могло случиться?!

– Ну, я не знаю... Кто меня нашел?

– Я, – сказала мама и снова вздрогнула, наверное, от воспоминаний. – Мне не спалось, я сходила за таблетками и увидела, что их осталось как-то слишком мало. Пошла в твою комнату, зажгла ночник... И поняла, что с тобой что-то не так.

– Вызвала скорую?

– Нет, сначала мы с отцом сами пытались тебя разбудить, потом перенесли в машину и отвезли в больницу. Решили, так будет быстрее.

– А Кира – она осталась дома?

Мама глянула на меня удивленно:

– Кира? Она-то здесь при чем?

– Да ни при чем, – заверил я. – Просто спрашиваю.

– Я позвонила приятельнице, ты ее знаешь, тетя Маша из соседнего дома, – рассеянно произнесла мать. – Она прибежала и забрала Киру к себе.

Значит, дома никого не было. Может, Иола догадалась вернуться в больницу? Вот только у нее для этого уже не оставалось времени.

Глава двенадцатая. Ванькина тайна

Долго держать меня в больнице не стали. Выписали через два дня, причем перед выпиской врач в моем присутствии напомнил матери, что необходимо как можно скорее показать меня хорошему психиатру. Мама тяжело вздохнула в ответ.

Дома меня сразу загнали в постель, хотя чувствовал я себя нормально. Только горло все еще саднило. Препираться я не стал, просто подумал, что так даже лучше: никто не отправит меня в больницу, пока я вроде бы как на лежачем режиме.

Конечно же, отец и мать следили за мной в четыре глаза, не оставляли одного. На второй день ко мне пустили Ваньку.

Мне сразу показалось, что выглядит мой друг как-то необычно. Вроде и боевых отметин на лице не прибавилось, но что-то определенно изменилось. Подумалось: просто не рад меня видеть...

– Ну как ты, друг? – спросил Иван, усаживаясь чинно на стул рядом с моей кроватью.

Я пожал плечами:

– Да нормально.

– Мои родаки говорят, ты траванулся?

– Нет! – замотал я головой. – Не травился. Просто случайно выпил не те таблетки.

– Да не дергайся, большое дело, – снисходительно отмахнулся Разин. – Я тоже в начальной школе хотел травиться, так достали. Выпил все таблетки, которые в доме нашел. Только не взяло меня. Проспал сутки и проснулся как огурчик, предки даже ничего не поняли.

– Да не хотел я травиться, ну честно! – тоскливо повторил я.

В этот момент в комнату заглянула мама и зачем-то позвала Ваню в гостиную. Вернулся он почти тут же, с довольным видом.

– Мамка твоя в магазин на полчаса пошла, попросила за тобой приглядеть, – доложил он. – Типа доверяет.

Однако затем Ванька снова сник, почти перестал обращать на меня внимание, и я даже заметил, как он украдкой несколько раз покосился на будильник на моем столе.

– Если торопишься, то можешь идти, – сказал я, стараясь изо всех сил, чтобы голос не выдал обиду и разочарование. – Нечего за мной приглядывать.

– А? – встрепенулся Иван. – Не, я просто не выспался чего-то...

Вид у него и в самом деле был такой, словно он не спал пару суток. И все-таки – я видел – дело не в этом. Возможно, иметь друга-самоубийцу было для него уже слишком. Или родители основательно промывали Ваньке мозги насчет меня. А уж о Тасе страшно было даже спрашивать.

– Слушай, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал убедительно. – Я вовсе не собирался травиться. И школу с квартирой тоже не я громил. Я могу тебе все рассказать, но ты стопудово не поверишь.

– Почему не поверю? – встрепенулся Разин. – Я не тупой какой-нибудь. Ты попробуй.

И я решился. В конце концов, ну что я терял? Ванька и так считает меня сумасшедшим. Трепаться он не станет, в этом я был уверен. А я хоть кому-то расскажу об Иоле и, может, немного отвлекусь от черных мыслей о ее судьбе.

Ванька выслушал меня, ни разу не перебив. И даже не пошевелился – словно окаменел на стуле. К концу моего повествования сонное выражение исчезло с разинской физиономии, и мне показалось, что он наконец-то снова стал прежним Ванькой, моим лучшим другом.

– Круто! – выдохнул Иван, когда я закончил. – Вот это приколы! Хоть кино снимай!

– О таком, по-моему, вообще никто никогда не слышал, – подытожил я.

– И что вы собираетесь делать? Это ж фигня получается: жить вот так!

Иван начал от волнения подпрыгивать на стуле. Я мысленно попрощался с этим предметом обстановки и сказал:

– Не знаю я, что делать! У Иолы был план – она хотела, чтобы наши родители узнали, что с нами происходит, и обратились к специалистам, к ученым! Но я все испортил. А теперь она пропала, и я не знаю, что с ней произошло!

Я с трудом перевел дыхание. От одной мысли, что могло случиться с Иолой на ночной улице, у меня грудь словно кирпичом придавило. Ванька пересел ко мне на кровать, дружески саданул кулаком в живот:

– Да не кипешишь, может, все с девчонкой обошлось. Слушай, я не догоняю, почему сейчас не можешь ее видеть?

– Потому что меня пару дней на капельнице держали, вот почему! – воскликнул я со злостью на собственную беспомощность. – И сейчас каждый день дают таблетки, еще те, что в прошлой больнице выписали. Мать в оба глаза следит, чтобы я их глотал. Она думает, все случилось из-за того, что я не пил эти чертовы таблетки. И даже если я найду способ их не пить, придется ждать несколько дней, пока организм не очистится. Только после этого я смогу увидеть Иолу. Если... если она еще жива.

– А увидишь? – продолжал пытаться меня Ванька. – И вы все-таки встретитесь. Будете действовать по ее плану?

– Ну, наверное, – ответил я. – Другого-то нет.

– Бредятина, нельзя так делать! – горячо вскричал Разин.

Я даже подскочил от изумления.

– Почему нельзя, Вань? Кроме всяких профессоров нам точно никто не поможет.

– Чушь! Ты сам сказал, что такого никогда в мире не было, так? Конечно, я всякие там научные книжки не читаю, но и не дурак, понимаю: если бы такое хоть разок случилось, то все бы знали, а американцы фильм бы сняли. В общем, эти профессора только запрут вас в какой-нибудь тайной больнице и будут всякие опыты делать. А потом еще сообщат вашим родителям, что вы на фиг померли, и будете вы там до старости... во сне общаться. Как тебе это?

Да, надо признать, Ванькины слова мне не понравились. Уж очень смахивали на правду. Удивительно, что такая мысль пришла в голову моему другу, а не всезнайке Иоле. Интересно, что бы она сказала, услышав эту пламенную речь? Наверняка обозвала бы Ваньку идиотом и послала куда подальше.

Разин смотрел на меня так требовательно, словно ждал, что я прямо сейчас решительно откажусь от планов обратиться за помощью к ученым. Странно, с чего бы его так разобрало? Я хотел спросить об этом, но в этот момент в комнату заглянула вернувшаяся из магазина мать и спросила:

– Мальчики, вы что так раскричались?

Ванька здорово смутился, съежился и ответил почти шепотом:

– Да это я так... про школу рассказываю.

Вскочил и попятился к двери со словами:

– Я, это, пойду, наверное. Меня типа ждут. Давай, Алёха, поправляйся, я на днях еще забегу.

Через пару дней я категорически отказался валяться в кровати. Пусть лучше меня отправят в больницу, чем таращиться весь день в потолок и сходить с ума от тревоги. Все мои попытки потихоньку выплевывать лекарство с треском провалились под пристальным материнским взором. Я по-прежнему не знал, что произошло с Иолой. Ванька больше ко мне не приходил, и вообще никто не навещал. Ясно, что в глазах всех я был распоследним психом, к которому и приближаться опасно. Раз я спросил у матери, когда мне можно будет выходить на улицу, а она посмотрела на меня страдальческим взглядом и сказала:

– Если хочешь, я сейчас доварю суп, и мы куда-нибудь ходим.

Стало ясно, что на улицу одного меня ни за что теперь не пустят. Я молча поплелся в свою комнату. Но еще через несколько дней мне так захотелось на улицу, что я был готов согласиться на материнские условия.

– Мам, может, пройдемся? – предложил я, краснея. Как младенец какой-то, честное слово!

Мама тут же прекратила разделять курицу, засунула тушку в холодильник и сказала, тщательно притворяясь веселой:

– Я буду готова через десять минут. Куда хочешь сходить?

– Да мне все равно...

Только бы подальше от опостылевшей комнаты, ставшей тюрьмой.

– Тогда, если не возражаешь, дойдем до магазинов в центре, поищем Кире подарок на день рождения.

Я сначала скривился, но подумал, что так даже лучше – хоть какая-то цель, и мама отвлечется.

Мы уже выходили из квартиры, когда я почти лоб в лоб столкнулся с Тасей – она стояла на площадке и тянулась к нашему звонку. Я покраснел и попятился.

– Тася! – воскликнула мама, как мне показалось, удивленно. – Пришла навестить? А мы собирались за подарком для Киры, но...

Она обернулась и посмотрела на меня. Очень пристально, будто спрашивала, может ли она хоть чуточку доверять мне.

– Да, пожалуй, останусь, поболтаю с Тасей, – кивнул я.

Мама все еще медлила. Ей не хотелось откладывать поход за подарком, и еще меньше хотелось показать Тасе, что она боится оставить меня без присмотра. Она ведь не могла попрощать ее, как Ваньку, побыть со мной до ее возвращения. Хоть такие-то вещи мать понимала! Поэтому и психовала, но в конце концов все-таки решилась:

– Ладно, я скоро вернусь.

И почти бегом бросилась к лифту. А я жестом пригласил Тасю в квартиру. Мне показалось, что вид у нее какой-то возмущенный. На обычно бледных щеках горели багровые пятна румянца.

– Представляешь, мне никто не сказал, что с тобой случилось! – выпалила она, едва вошла в прихожую.

Ох, лучше бы ей и дальше никто ничего не говорил! Если она узнала от родителей, то я представляю, в каких красках ей расписали мое «самоубийство».

– Я целую неделю жила у тети, – продолжала Тася. – Она повредила ногу, нельзя было оставлять ее совсем без помощи. Только два дня назад вернулась домой. И ничего про тебя не знала. Только сегодня взяла братца за горло.

Я вздохнул, вспомнив о том, что Ванька больше ко мне не ходит и не звонит.

– Вообще-то я думала, что ты опять прячешься в дедушкином доме, – продолжала Тася. – Я же сразу просекла, куда Ванька таскается и еду прячет, как в тот раз. Уже хотела завтра туда сбегать. Хорошо, что все-таки спросила. Брат очень злился, но сказал, что ты дома, болеешь...

– Тася, ты только не думай... – начал я.

Но девочка замахала на меня руками:

– Да-да, я знаю, ты вовсе не травился, просто таблетки перепутал. Мне Ванька сказал. Хотя, по правде, это не имеет значения. За последнее время с тобой столько всего случилось, что у любого могли нервы сдаться. Но я не считаю тебя самоубийцей! – поспешила добавить она.

Я молчал. Что я мог ответить? Я и благодарен был Тасе, и сквозь пол желал провалиться от ее слов. Хорошо хоть, у нее в этот момент мобильник зазвонил.

Девочка поднесла телефон к уху, ответила кислым голосом:

– Да, мама, я уже иду. Нет, хлеб еще не купила, но я о нем помню... До обеда управлюсь. Все, пока.

– Твои не знают, что ты ко мне пошла? – спросил я, когда она сунула телефон в карман и посмотрела на меня виноватыми глазами.

– Вообще-то знают, – вздохнула Тася. – Но отпустили только на пять минут.

– Я понимаю. Спасибо, что зашла навестить.

– Я еще приду, – заверила меня Тася. – Может, завтра, после уроков? Или ты Ваньку ждешь? Не хочу с ним столкнуться.

Как же не хотелось мне краснеть! Но, кажется, пришлось.

– Не знаю, – сказал я. – Вообще-то мы уже несколько дней не виделись и не разговаривали.

Тася посмотрела на меня удивленно, но ничего не сказала, пожала плечами и пошла к выходу. Я так и не понял, собирается она прийти завтра или нет.

– погоди! – окликнул я девочку, когда она уже была на полпути к лифту.

– Что?

– Тась, я так и не понял, кого Ванька на этот раз прячет в домике в лесу. Ты спросила об этом?

Девочка без особого интереса пожала плечами.

– Не знаю, я и про тебя-то с трудом допытывалась. А там, наверно, какой-нибудь его дружок из дома сбежал. Думаешь, ты первый там прятался?

Она махнула мне рукой и шагнула в лифт.

Я впервые за последнюю неделю остался один в квартире. Даже непривычно как-то стало, тревожно. Пошел на кухню, сделал себе бутерброд и с удовольствием уплет его всухомятку. Потом подумал немного и решил порадовать мать – пропылесосить гостиную и свою комнату. Я даже достал из кладовки пылесос и собрал его. Но какая-то мысль все время не давала мне покоя. Через каждые две секунды я застывал и пытался поймать эту надоедливую мыслишку за хвост.

Потом я понял: меня беспокоит то, что Тася сказала о своем братце. Конечно, он может прятать в домике кого угодно, и меня это совершенно не касается. И он вовсе не обязан меня каждый день навещать, если появились дела поважнее. Но все-таки что-то здесь не так. И я должен в этом разобраться, пока не загремел в больницу.

Посмотрел на часы: мамы не было уже полчаса. Но подарок для моей сестры она может проискать и до вечера, Кирке трудно угодить. Я вполне успею добежать до домика в лесу. Потому что не успокоюсь, пока не пойму, кого Ванька там прячет.

Я бросил пылесос и схватил куртку. Через наш двор пронесся на одном дыхании – боялся, как бы не засекли знакомые и не начали задавать вопросы. И через пятнадцать минут уже был у переезда.

Дорога через поселок превратилась в сплошное болото: дожди шли почти каждый день. Стало ясно, что скрыть от родителей мой очередной побег не удастся, даже если повезет вернуться раньше них. Мои ботинки сразу утонули в грязи, ноги промокли.

Вот и знакомый дом. Огонь в окнах не горел, и я сначала подумал, что просто Ванька в другом месте. Но потом сообразил: а как же тот, кого он прячет? В темноте сидит, что ли? А может, и нет там никого, Тася просто ошиблась. Мало ли какие у Ивана могут быть дела.

Я подошел к двери и осмотрел ее. Замка не было. Ладонью толкнул, и она легко поддавалась, словно узнала меня. Я ступил в темноту и закричал:

– Вань, ты где, отзовись!

Никто мне не ответил. Ясно, Ваньки нет, но если кто-то есть, то должен понять, что я знаком с хозяином и не просто так лезу в дом. Успокаивая себя такими мыслями, я нащупал выключатель.

При ярком свете даже дышать стало легче, и сердце перестало прыгать как сумасшедшее. В единственной комнате ничего не изменилось. Она выглядела пустой. Но кто-то все-таки здесь бывал: я сразу заметил две тарелки на столе – одну с печеньем, другую с орешками. Занавеска над кроватью была задернута. Я подошел и заглянул за нее. И едва не рухнул на пол от потрясения.

Там была Иола.

Она спала на кровати, свернувшись калачиком и засунув ладонь под щеку. Было так странно видеть ее не во сне, что мне показалось, будто я точно сошел с ума. Даже пришлось вернуться к столу и немного посидеть на табуретке. Через пять минут я собрался с духом и снова отправился к кровати.

Я никогда не видел Иолу спящей. Хотя много раз видел, как она притворяется, будто спит. Но сейчас лицо у нее было совсем другое – спокойное, что ли. Она даже показалась мне очень красивой. Наверное, потому, что раньше я всегда видел ее злой, или раздраженной, или плачущей. А сейчас она не злилась и не страдала, просто спала.

Стоп, а ведь она сейчас тоже видит меня! Я нерешительно застыл над спящей девочкой, не зная, что делать. Заговорить – глупо, я все равно ее не услышу.

Вдруг занавеска рывком ушла в сторону, а я чуть не вылетел в окно от мощнейшего удара по шее. Перед глазами замелькали разноцветные звезды, в рот словно жидкое железо влили. Странно, что я не отключился, а сумел почти сразу сесть и открыть глаза. Надо мной возвышался взбешенный Иван.

Никогда я не видел его таким. Мой друг как будто меня не узнавал. К счастью, это продолжалось недолго, всего-то пару секунд. Потом Разин вроде как пришел в себя, шагнул вперед и протянул мне руку. Но я встал и без его помощи. Только на всякий случай прислонился к стенке – вдруг после такого удара сознание потеряю.

– Ты что творишь? – спросил я Ивана и заодно проверил языком зубы – все ли на месте.

– Слушай, брат, извини, – сказал Ванька без особого сожаления в голосе. – Я, это, не узнал, думал, чужой кто залез. Дверь-то не закрыл, в поселок за хлебом гонял. Не очень я тебя?

Я пожал плечами:

– Наверно, выживу. Ванька, объясни мне, откуда здесь взялась Иола? И почему ты ничего не сказал мне об этом?!

Иван насупился, сунул руки в карманы джинсов.

– Ну, откуда взялась... Ясное дело, я ее сюда притащил. А что мне оставалось делать?

– Да где ж ты ее нашел?

Ванька повздыхал и сел на табуретку, свесив руки едва ли не до пола.

– Ну, это было в ту ночь, когда ты загремел в больницу. Я пожрать захотел, поперся на кухню. А свет включать не стал, а то б родители хай подняли. Слышу, машина взревела, увидел в окно, как кто-то ломанулся в ваш подъезд. Ну, стал наблюдать. Через пару минут выскакивает твой отец, тащит тебя на руках. Я сразу понял, что дело плохо. Хотел сразу нестись к вам, да родаки в своей комнате зашевелились. Я переждал маленько, потом выбрался из квартиры и побежал в ваш подъезд. Ну, подымаюсь по лестнице и вижу такой прикол: на вашем коврике сидит какая-то девчонка. Одежда вся грязная, руки вообще черные, волосы дыбом. И смотрит так странно, будто вот-вот отключится.

Ну, я сразу усек, что она обдолбанная. Обошел и стал звонить в вашу дверь. Звонил, пока у меня палец не начал отваливаться. И вдруг, прикинь, девка поднимает голову и говорит:

«Там никого нет. Я тоже долго звонила».

Ну, делать нечего, пошел назад. И вдруг эта девчонка мне в спину говорит:

«Ваня, пожалуйста, помоги мне!»

Тут я просто офигел. Вернулся назад и спрашиваю:

«Эй, откуда меня знаешь?»

А она типа в ответ:

«Мне про тебя рассказывал Алеша. Он мой друг. Я пришла к нему, но в квартире никого нет. И теперь не знаю, что мне делать».

«Назад пойти не судьба?» – спрашиваю. Во, думаю, нормально, в гости она пришла посреди ночи!

«Не судьба, – говорит. – Откуда я ушла – туда ни за что не вернусь. Алеша обещал мне помочь, но куда-то пропал. А мне нельзя тут оставаться».

«Ну, и чего?» – спрашиваю в натуре.

И вдруг она мне выдает:

«Пожалуйста, отведи меня в тот дом, где прятался Алеша. Это всего на несколько дней, не бойся».

Я снова офигел. Стою и понять не могу, зачем ты какой-то девчонке все рассказывал и почему я о ней даже не слышал. Но бросить ее на коврик вроде запахло. Спросил на всякий случай:

«Что ты приняла? Может, скорую вызвать, и все дела? А то помрешь, а потом отвечай за тебя».

Тут она прямо заорала на меня:

«Да ничего я не принимала! Слушай, или помоги мне, или вали отсюда!»

«Ладно, – говорю, – так бы сразу и сказала, только не ори на весь дом. Вставай и шуруй за мной».

Спускаемся, а она типа говорит:

«Слушай, Иван, я могу в любой момент отключиться. Если я вдруг упаду, не пытайся меня приводить в чувство и не звони в скорую. Просто отнеси в дом своего дедушки. Силы ведь у тебя хватит? А потом я все тебе объясню».

Ну, пошли мы в сторону переезда. Сначала она нормально шла, только все тарасилась по сторонам. А когда уже к домику подходили, вдруг упала, ну, как в кино, будто ее подстрелили. Я, понятно, бросился к ней, стал трясти, потом вспомнил, чего она говорила. Взял на плечо и принес в дом. Свалил на кровать, сам сижу и думаю, что теперь делать. Понял уже, что поступил, как идиот. А если она умрет в дедовом доме, мне что ее, в лесу прятать? Так просидел до утра. А потом она проснулась.

Ванька замолчал, покосился в сторону кровати. И вдруг спросил:

– Слушай, а она нас видит, верно?

– Видит, ага, – кивнул я торопливо. – Что дальше-то было?

– Ну, дальше она мне все рассказала, – сказал Разин.

– И ты поверил?!

– Сначала решил, что ей вообще крышу сорвало. Но, прикинь, она такие вещи о нас знает! Зачем бы ты стал какой-то девчонке об этом рассказывать, даже если запал на нее? Но я все равно малость сомневался. А потом ты мне тютелька в тютельку ту же историю рассказал. А когда Иолка проснулась вечером, она мне расписала, как я тебя навещал. Попробуй тут не поверить!

– Слушай, Вань, – медленно проговорил я. – Почему же ты мне не сказал, что Иола в этом доме?

Иван заметно поскурился:

– Ну, чего говорить? Тебя все равно из квартиры не выпускали. А потом, этот ваш дурацкий план... я ведь сказал, что он мне не нравится! Только пропадете оба зря.

– А что ты вообще думал с ней делать? Всю оставшуюся жизнь в этом домике держать?

– Не, всю жизнь не выйдет, – вздохнул Иван. – Сеструха уже что-то заподозрила, вот-вот стукнет родителям. Или сама припрется. Конечно, я собирался тебе сказать...

– И что тебе помешало?

– Ничего ты не понимаешь! – вдруг накинулся на меня Иван. – Она тут впервые гулять начала, по лесу, ясно? Хоть и ночью, но все равно... «Сидишник» я ей притащил, у соседа взял, она теперь по ночам фильмы смотрит. А так она снова в больницу загремит, и все дела!

Тут я просто дар речи потерял! И это говорит мой друг Ванька, который девчонок на дух не переносит? Уж не запал ли он сам на Иолу?

– Чего тарачишься? – разозлился еще больше и слегка покраснел под моим взглядом Иван. – Хочешь чего сказать – говори, а за гляделки, сам знаешь...

– Просто понять не могу, – ответил я скромно. – Обычно ты с девчонками не церемонишься...

– Ну и чего! – так и взвился Разин. – Между прочим, Иолка вообще ни на каких девчонок не похожа. Ты хоть сечешь, каково ей было идти впервые в жизни по улице, когда ты мог в любой момент проснуться? А потом, когда твои предки тебя обнаружили и начали будить, она несколько раз отключалась прямо на дороге. Просто повезло, что какой-нибудь сволочи не попала на глаза. Потом пришла к вам... А там никого. Врубаешься?

– Врубаюсь, – вздохнул я и поежился.

– Во, а ты говоришь – девчонка! Да разве ее можно сравнить, ну хоть с Таськой?

– А кстати, ты в курсе, что она пыталась натравить на твою сестру двух конченных психов? – не удержался я от ехидного вопроса.

– Да в курсе, – отмахнулся Иван. – Но передумала же, верно? Знаешь, если бы у меня такая житуха была, как у нее, я бы вообще давно в зверя превратился. А Иолка ничего, добрая. Она и за тебя переживает.

– Серьезно? – удивился я. – По-моему, она меня ненавидит.

Мне показалось, эта мысль Ивану понравилась: он даже скривил рот в подобии улыбки. Потом вздохнул и сказал:

– Да не, переживает, это точно. Говорит, нужно обязательно все рассказать твоим родителям, чтобы ты не загремел в больницу. А я ей говорю, что взрослые никогда в эту тему не введут, точняк. Нечего и напрягаться. Слушай, я вот тут подумал: а если снять отдельную хату у каких-нибудь хануриков? Паспорт у меня есть.

– А деньги у тебя тоже есть? – спросил я.

– Ну, соображу чего-нибудь, не впервой.

Глава тринадцатая. Роковая встреча

Но тут я глянул на часы – и спина взмокла. Мать ушла за подарком два часа назад и, скорее всего, уже дома, организует мои поиски. Я попятился к двери.

– Слушай, Ванька, мне надо бежать, а то мои опять в полицию метнутся. Потом все обмозгуем. Тем более она ведь все слышала, наверняка свое мнение имеет. Давай с тобой завтра состыкуемся.

– Ладно, давай, – заторможенно произнес Разин. Я уже почти выскочил за дверь, когда он меня окликнул: – Эй, Алёха!

– Ну? – Я сунул голову обратно в сени.

– Ты во сколько сегодня спать ложишься?

– Твое какое дело? – изумился я.

– Ну, понимаешь... мне ведь надо до утра домой вернуться. А с Иолкой много чего нужно перетереть. Ты не затягивай с этим, ладно?

– Ну ты даешь! – восхитился я беспардонности друга. – Теперь будешь мне указывать, во сколько спать идти?

– Ну, сам понимаешь, такие дела, – вздохнул Иван. – Да, и это, ты таблетки свои пьешь еще?

– Приходится.

– Хорошо, – повеселел Разин. – То есть ничего не поделаешь. Я тебе завтра расскажу, о чем мы с ней толковали, ты не переживай.

– Да я и не переживаю, – ответил я, борясь с раздражением. И зачем Иван во все это лезет? Хотя, конечно, здорово, что именно он нашел Иолу, приютил ее, и я могу какое-то время не волноваться. Но теперь главное – как можно скорее добраться до дома.

Я мчался по тропинке, как лось, и через пять минут уже был почти в поселке. Оставалось только перейти раскисший, больше похожий на болото пустырь.

И тут появились они – вся чертова троица с Карловым во главе. Я даже не понял толком, откуда они взялись. Словно специально поджидали. А может, так и было: видели, как я вошел в лесок, и просчитали, что назад вернусь тем же путем.

Паша моментально заградил мне дорогу, двое его приспешников молча и профессионально заняли позиции сбоку и немного сзади. Теперь я был в тисках. И, судя по пустынному пейзажу, ждать помощи не приходилось.

– Что, нашему мальчику не удалось наложить на себя ручки? – тихим жутковатым голосом произнес Карлов. – Ну так мы поможем, нам не трудно. Мы не любим тех, кто разносит нашу любимую школу и обижает дорогих учителей.

Двое по бокам радостно заржали. Но Паша даже не улыбнулся.

– Давно я хотел пообщаться с тобой вот так, без свидетелей, – еще тише произнес он. – Повезло мне сегодня, а?

Я молча прикидывал свои шансы. На самом деле их у меня не было вовсе. Но хотелось бы знать, как далеко они готовы зайти. Впрочем, наверняка они и сами об этом пока не догадываются. Если чересчур разойдутся, то в какой-то момент, возможно, поймут, что им остается только добить меня. Тогда уж лучше пусть это случится раньше, чтобы не пришлось долго мучиться. Поверить не могу, что я так спокойно рассуждаю о возможном окончании своей жизни.

Паша не спеша послал огромный кулак мне в голову. Я интуитивно отпрянул и успел перехватить его обеими руками. В следующий миг произошло нечто невероятное.

Тело Карлова порхнуло над моей головой, я едва успел пригнуться. А затем раздался дикий вой. Паша рухнул на своего приятеля, и оба распластались в грязи. Третий отскочил на пару шагов и смотрел на все такими же сумасшедшими глазами, как и я. Через пару мгновений Паша поднял голову и проскулил:

– Руку... пусти...

Только тут я понял, что все еще сжимаю ладонями его кулачище. Я разжал их, и рука под неестественным углом упала на траву. Карлов снова завыл. Его приятель стоял, опустив руки, и таращил глаза.

– Что стоишь, дубина? – сказал я ему. – Скорую вызывай.

Не уверен, что он меня понял: у меня зуб на зуб не попадал и губы были словно в заморозке. Но, кажется, полез за телефоном. А я решил, что мне больше незачем здесь оставаться. Кому надо – найдут, и очень скоро.

В квартире я все-таки оказался раньше матери. И сразу схватился за наконец возвращенный мне телефон.

Ванька ответил почти сразу.

– Ты где? – спросил я. Если он ушел из дедова дома, то по пути вполне мог видеть кое-что интересное.

– Все там же торчу, – сонным голосом отозвался мой друг. – А что случилось-то?

– Когда я возвращался, то на пустыре перед поселком встретил Пашу Карлова и компанию, – сказал я.

– Ну, и чего?

– Я его взгрел, – сказал я, словно со стороны вслушиваясь в собственные слова. – Кажется, сломал ему руку.

Ванька хмыкнул в трубку:

– И чего? Я бы тоже его взгрел. Давно парнюга нарываемся...

И тут до него дошло. И он заорал так, что я едва не выронил трубку:

– Ты сломал Пашке руку?! А братва?! Что они делали?!

– Ничего.

– Как ничего?! Ты прикалываешься, что ли? Они же вечно, сявки, всей кодлой набрасываются!

– Они не успели, – скромно прояснил я ситуацию. – А потом уже не до того было. Ну, в «скорую» звонить, туда-сюда.

Иван сосредоточенно дышал в трубку, потом спросил:

– А ты не гонишь?

– Вань, да я и сам ничего не понимаю! Я ведь только за руку его схватил, ну, может, дернул чуточку на себя, а он...

– Что?!

– Ну, он пролетел над моей головой.

– Блин! – потрясенно выдохнул Разин. – Слушай, что тебе там за таблетки дают? Спиши названия.

Мама появилась через пять минут после моего прихода, веселая, с двумя раздутыми пакетами в руках. Заглянула в мою комнату и удивилась:

– Что, Тася ушла?

Я хмыкнул: неужели мать думала, что та станет сидеть со мной два часа. Делать Тасе больше нечего...

Мама так повеселела и развеялась в городе, что не заметила мои размокшие ботинки, которые я и прятать особо не стал. Она сразу убежала на кухню заканчивать готовку.

Потом пришли Кирка, отец, и мы все сели за стол. Я считал мгновения спокойной жизни, которые нам еще оставались. Ровно в половине восьмого в дверь позвонили.

Мама бодрым шагом вышла в прихожую, и скоро я услышал ее взволнованный голос:

– Нет, что вы, это какая-то ошибка. Наш сын весь день был дома, понимаете, он только на днях вышел из больницы...

Отец отложил куриную ногу и тоже рванул в коридор. Кирка закатила глаза:

– Даже боязно спрашивать: младший братик опять что-то натворил?

– Да, чуть не оторвал руку Пашуне Карлову, – ответил я. – Знаешь такого?

– Малолетнего бандита из твоего класса? – выкатила на меня глаза Кира. – Уточни, пожалуйста, что ты с ним сделал?

Но я отмахнулся и сам пошел в прихожую. Все равно, как говорит отец, перед смертью не надышишься.

Там стоял пожилой полицейский, а рядом с ним – молодая женщина с блокнотом в руках. Напротив них плечом к плечу выстроились мать с отцом. Услышав мои шаги, мама обернулась и спросила напряженным голосом:

– Алеша, скажи, пожалуйста, ты выходил сегодня из дома?

– Да, мам, – вздохнул я. – Я совсем ненадолго. Просто у меня были дела в поселке за переездом...

Но мама уже меня не слушала. Она повернулась к полицейским и горячо заговорила:

– Хорошо, но это ничего не значит! Как вы описываете травмы этого мальчика, то, скорее, он попал под электричку, чем подрался с моим сыном. Алеша – абсолютно домашний мальчик...

– Мама! – заорал я. – Я действительно дрался с Карловым, все правильно!

Тут уж родителям ничего не оставалось, как посторониться и предложить «гостям» пройти в гостиную. Я долго разговаривал сначала с полицейским, потом с женщиной, которая мои ответы записывала в блокнот. Не очень хорошо помню, о чем меня спрашивали и что я отвечал, потому что все время думал о том, заберут меня в тюрьму сразу или нет. Не забрали, но попросили родителей подписать какие-то бумаги.

После их ухода я думал, что отец с мамой сразу накинутся на меня. Но мне лишь предложили побыть в своей комнате. Я сел к столу, взял какую-то книжку, а сам все прислушивался к происходящему в квартире. Слышал, как мама кому-то звонила. Сначала ее голос звучал мягко и виновато, потом она заговорила резче, а в конце уже просто чеканила слова. Я догадался, что она говорила с Пашиными родителями. Затем отец с матерью что-то обсуждали между собой, кажется вполне мирно. А потом кто-то осторожно приоткрыл дверь моей комнаты.

Я оглянулся: в дверях стоял отец, смотрел на меня внимательно и как будто удивленно. Затем спросил:

– Поговорим?

– Конечно, – вздохнул я.

Отец присел на мою кровать, а я развернулся на стуле. Странно, но лицо отца не предвещало головомойку. Он рассматривал меня... с любопытством, что ли. Потом задал вопрос:

– Сам-то понял, что произошло?

– Нет, – ответил я как на духу. – Понимаешь, пап, когда я их увидел, то подумал: все, конец. Они же знаешь какие... в общем, законченные бандиты. Даже сопротивляться не собирався. Я просто схватил Пашу за руку, чтобы он не разбил мне лицо, и немного подался назад. А он вдруг... ну, вроде как взлетел в воздух.

– Интересно, – медленно проговорил отец. – Скажи, сынок, может, я что-то упустил: ты не ходил в последнее время куда-нибудь... ну, карате, самбо, борьба?

– Полицейский тоже об этом спрашивал, – припомнил я. – Нет, сам знаешь, мне в последнее время было не до секций.

– Ну да, точно, – легко согласился отец. – А вот этот твой большой друг...

– Иван?

– Ну да. Не показывал тебе какие-нибудь приемчики?

– Нет, – сказал я. – Ванька и сам хочет знать, как я справился с Карловым. Думает даже, что это из-за таблеток.

Отец нетерпеливо махнул рукой:

– Да чушь! А сам что думаешь?

– Не знаю. Наверно, я очень сильно испугался.

– Выброс адреналина? – уточнил отец. – Интересно... Вообще-то я читал, как в таком состоянии через стены перепрыгивают и машины поднимают. Похоже, в данном случае это единственная удобоваримая теория.

Тут я собрался с духом и спросил:

– Папа, как ты думаешь: меня посадят в тюрьму?

Отец похлопал меня по плечу:

– Да брось, никто тебя не посадит. Конечно, придется оплатить все расходы, операцию, лечение и прочее. Там очень сложный перелом, в трех местах. Руку как будто пару раз пере-крутили, знаешь, как белье выжимают? Все связки порваны. Хорошо хоть, эти уроды не отрицают, что собирались наброситься на тебя всем скопом. А значит, это была самооборона.

Я только вздохнул. Отец встал и опустил руки мне на плечо. И сказал:

– Знаешь, хорошо, что ты смог за себя постоять. По мне лучше любые деньги потратить на лечение этого бандита, чем... инвалидом стал бы ты.

И пошел к двери.

Я вдруг почувствовал себя совершенно довольным и обессиленным. И решил сделать Ваньке приятное – лечь пораньше спать.

Иван примчался ко мне на следующий день, прямо с утра. Я слышал, как он очень вежливо поздоровался с моей матерью. Потом шмыгнул в комнату. Я сразу заметил, что левую руку он как-то странно прижимает к телу. Ни слова не говоря, Разин помотал ей над столом и вытряс из рукава проржавевшую металлическую полоску.

– Что это? – спросил я.

– Возьми в руки, – распорядился Иван. – Не бойся, крепче держи. И не одной рукой, а за оба конца.

Я взял, как просил Ванька. Ладони тут же порыжели от ржавчины.

– А теперь сгибай, – коварно улыбаясь, предложил Иван.

– Зачем?!

– Делай, блин, а не спрашивай!

Наверное, я был в шоке после вчерашнего, поэтому не метнул железку в Ивана, а честно попробовал согнуть. А она была, наверно, с полсантиметра толщиной. Конечно, у меня ничего не получилось.

– Что, не идет? – спросил Разин.

Потом выхватил у меня полоску и без особых усилий превратил ее в букву «С». И заметно повеселел. Плехнулся на стул, установил руку в позицию для армрестлинга, призывно пошевелил пальцами:

– Борнемся?

– Да отстань! – обозлился я. – Думаешь, у меня больше нет проблем, только с тобой силой меряться?

Слабая отмазка – Ванька в любом случае меня бы победил.

– Да уж, проблем у тебя – по самое не хочу! – жизнерадостно согласился мой друг. – Просто хотел кое-что проверить.

– Что?

– Ну, понимаешь, Иолка – она же видела вашу схватку, – так вот она говорит, что ты вроде как обладал невероятной силищей. Что только медведь может швырять человека типа как куклу. А в воде – акула, сечешь? Ты так этого черта киданул, будто в нем вообще не было веса. А я ей ответил, что ты, конечно, классный парень и все такое, но слабачок. Не обижаешься?

– Нет, – вздохнул я. – Слушай, а Иола не говорила: она к этому никак не причастна?

Была у меня одна сумасшедшая мыслишка: если Иола может со мной говорить, то вдруг она нашла способ как-то помочь мне на расстоянии?

– Это как это? – заволновался Иван. – Иолка сама испугалась, она ведь даже предупредить тебя не могла. Ну вот, а когда она мне это рассказала, я решил проверить: может, ты действительно силачом заделался, а мне забыл сказать? Типа качался, пока в больничке лежал?

– Ага, и стал медведем или акулой, – усмехнулся я.

– Вот я так Иолке и сказал, что сила тут вообще ни при чем! Тут что-то другое! Странно это! – подытожил Иван. – Ладно, пойду я, а то ночью совсем не спал. Все болтали с Иолкой.

Разин широко зевнул и поплелся к двери. Но вдруг замер на месте:

– Да, Алёха, совсем забыл тебя предупредить: ты теперь из дома один ни за что не выходи!

– Почему?

– Так из-за Карлова же!

– А что он мне сделает? – удивился я. – Ему теперь руку надо лечить. И друзья его вряд ли рискнут. Чего мне бояться?

– Да я не о Пашке толкую! – замахал на меня руками Иван. – Разве ты не знаешь, что у него старший брательник имеется, конченный тип? Он через улицу от нас живет, по вечерам собирает дружанов и шарится с ними по району. Его даже менты боятся! А теперь он наверняка захочет с тобой поквитаться. Знаешь, против него, может, даже я не выстою.

Я был ошарашен. Неужели мало всего случилось со мной за последнее время, так еще и эта напасть? Ванька сочувственно сказал:

– Да, попал ты, друг. Если так все пойдет, то скоро от тебя половина города будет бегать. А от второй – ты. Но не переживай. Прорвемся!

И он удалился, оставив меня в полном отчаянии.

Неприятности не заставили себя ждать. Через пару дней после случившегося я сидел в своей комнате и пялился в учебник. Мое будущее тонуло в тумане. Уверен, родители сами не знали, что теперь со мной делать. Непонятно было, пойду ли я еще когда-нибудь в школу.

Наверное, из чувства противоречия или от скуки, но меня вдруг потянуло к учебе. Я сам разбирал новые темы и с удивлением подмечал, что мог бы неплохо учиться, даже заделаться отличником. Но теперь возможность была упущена.

Я услышал, как кто-то приоткрыл дверь в мою комнату. Должно быть, мама пришла звать на обед. Отлично, пусть видит, как я стараюсь не отстать от школы. Но вошедший молчал, и это заставило меня оглянуться. В дверях стояла Кира.

– Постучаться не судьба? – Я не рассердился, просто был сильно удивлен: сестрица почти никогда не заходила в мою комнату. Как и я в ее, что бы там она ни думала.

– Прости, – тихо произнесла Кира. Когда в последний раз сестра просила у меня прощения?

Я присмотрелся: да на ней просто лица не было! Щеки, обычно румяные, побелели, уголки рта опустились, словно Кира готовилась разрыдаться.

– Что случилось? – испугался я. – Что-то с мамой?!

– Тише! – взмолилась сестра и быстренько прикрыла за собой дверь. – Мама на кухне, она не должна слышать наш разговор.

– Какой еще разговор?

– Алешка, у меня проблемы. И между прочим, из-за тебя.

Я подавленно молчал. Наверное, в школе ее теперь дразнят. Интересно только, сестрой психа или сестрой супермена?

– Ты знаешь, что у того парня, которому ты руку почти оторвал, есть старший брат?

– Знаю, – ответил я.

– Отпетый бандит! – Кира вздрогнула и скрестила руки на груди. – Так вот, когда я сегодня пошла утром в школу, то заметила, что за мной идут трое взрослых парней. Они довели меня до самой школы. А там уж девчонки сказали, что один из них – Карлов.

– Они тебе что-нибудь сделали?! – вскрикнул я.

Кира замотала головой:

– Нет. Просто шли за мной и ржали как кони. Потом после уроков я вышла из школы и снова их увидела. Они увязались за мной сначала до бассейна, а потом до дома. И сейчас еще на скамейке сидят в нашем дворе. А у меня коленки до сих пор подкашиваются!

Я скорее подбежал к окну. На детской площадке действительно темнели какие-то здоровенные фигуры.

– Наверное, нужно сказать родителям, – предположил я. – Пусть позвонят в полицию.

– Нет, родителям говорить нельзя! – решительно возразила сестра. – Они ведь ничего мне не сделали, значит, в полиции даже слушать не станут. Мама с ума сойдет от беспокойства. А папа захочет сам с ними разобраться.

Кира даже вздрогнула от такого предположения. Да, наш отец был смелым человеком и вполне мог решить, что самолично призовет к порядку этих амбалов. Этого никак нельзя было допустить.

– Тогда я сам к ним спущусь, – произнес я не слишком уверенно. И, словно во сне, зашагал к двери. Кира вцепилась обеими руками в мое плечо:

– Алешка, не смей! Они этого и ждут, понимаешь? Это называется психическая атака.

– Но что же делать?!

У Киры снова опустились руки.

– Я не знаю. Может, прикинуться больной и как можно дольше не ходить в школу? Надоест же им торчать под домом, в конце концов!

– Слушай, а если я тебе найду провожатого? – спросил я. – Чтобы отводил тебя до школы, а потом приводил домой?

– Провожатого? – подозрительно сощурилась Кира. – Какого-нибудь восьмиклашку, что ли? Спасибо, не надо.

– Почему восьмиклашку? Он из девятого, но по возрасту еще старше...

Кира аж подпрыгнула на месте:

– Так ты про Ваньку Разина, что ли?!

– Ага...

– С ума сошел?! Я с этим типом рядом не появлюсь! Меня же в школе задразнят!

– Ну, если тебе больше по душе компания тех типов...

Я кивнул в сторону окна. Кира задумалась, и думала долго. Должно быть, просчитывала варианты. Потом выдавила сквозь зубы:

– Ладно, согласна. Только чтобы он меня встречал у дверей квартиры и назад так же приводил. Одна я теперь по улице и шагу не ступлю. Усек?

– Ладно, сейчас позвоню Ивану, – вздохнул я. Представляю, как он обрадуется такому поручению. Но тут уж ничего не поделаешь. Больше мне обратиться не к кому.

На следующее утро я еще валялся в постели, когда в мою комнату просочился Иван. Выглядел он очень деловым и озабоченным, под мышкой зажимал раздувшийся портфель, из которого беспорядочно торчали книги. Наверное, захватил все учебники на всякий случай.

– Привет! – сказал он. – Я, это, за Киркой зашел.

– Спасибо! – отозвался я.

Ванька аж покраснел от моей благодарности.

– Двоек нахватаю, – произнес он беззаботно. – Я вообще-то не собирался сегодня в школу тащиться. Но раз надо – заметано.

Он тяжело переступал с ноги на ногу, и я понял, что моего друга мучит какая-то тайная забота.

– Что, Вань? – спросил я.

Он с подвыванием вздохнул, потом полез в карман и достал ключ, так хорошо мне знакомый, от замка на дедовом доме. Ванька осторожно, словно драгоценность какую-то, положил ключ на краешек моего стола.

– Слушай, пусть полежит здесь, пока я твою сеструху домой не доставлю, – тихим голосом попросил он. – А то мало ли чего. Вдруг подеремся с этими чертями и всех в ментовку загребут? Или еще какая непруха. А Иолка там совсем одна, запертая, о ней даже позаботиться некому...

– Только не вздумай с ними драться! – вскричал я.

– Не, не собираюсь. Что я, самоубийца, что ли? Но, сам понимаешь, они могут первые начать. Тут уж куда деваться.

Я тяжело перевел дыхание: теперь еще и лучшего друга подставил.

– Так ты усек, да? – спросил Иван. – Кирка сказала, что в три мы должны быть дома. Значит, если нас в три почему-то не будет, то...

Иван выразительно покосился на ключ. Я коротко кивнул. Тут Кира завопила из прихожей, что больше не станет ждать ни секунды, и Ванька метнулся туда.

Глава четырнадцатая. Катастрофа, и не одна

После их ухода я побрел в гостиную – разведать обстановку. Оказалось, что мама на работе, а сторожить меня остался отец. Конечно, он сидел в своем кабинете и вел непрерывные переговоры по телефону. Я вернулся к себе и взял в руку Ванькин ключ.

Мне вдруг ужасно захотелось оказаться в том домике. Но вот зачем – этого я не понимал. Может, из-за проклятых таблеток я давно не видел Иолу и хотел убедиться, что с ней все в порядке?

Только это было слабое оправдание. Раньше я радовался, когда не видел во сне эту девочку, недобрую и раздражительную. Вот кого бы мне сейчас в самом деле хотелось повидать – это Тасю. Интересно, знает ли она, как я уделал Карлова?

Вообще-то я был уверен, что она – на моей стороне. Ведь не сломай я Пашке руку, меня, может, уже бы похоронили. Но вдруг она считает, что существовало мирное решение проблемы? Ванька как-то говорил, Тася терпеть не может тех, кто дерется и нарывается. Я места не находил, так меня мучили эти вопросы.

Но и ключ не давал покоя. Меня словно магнитом тянуло в маленький домик в лесу. Я метался по комнате и сжимал ключ в руке так, что заныла ладонь.

Что же это происходит? В голову полезли пугающие мысли. А вдруг Иоле нужна моя помощь, она зовет меня, а я не могу ее слышать, но могу кое-что чувствовать. Если бы только можно было выходить на улицу! Я бы мигом туда стогнал и избавился от тревоги.

И тут в комнату заглянул отец.

– Привет, сынок! – сказал он.

Я усилием воли прикинулся спокойным и расслабленным.

– Слушай, – не совсем уверенно продолжал отец, – мне нужно отойти по делу. Кстати, по твоему. Хочу переговорить с семьей пострадавшего – кажется, намечается мировая. Но тебе со мной ходить не стоит, незачем дразнить гусей. Так как, если отлучусь на часок, сможешь сам посидеть дома? Ну, чтобы без проблем?

– Конечно, – ответил я, заранее зная, что в очередной раз обману его доверие.

– Не хочется тебя запирать. Давай просто договоримся, как мужчина с женщиной: ты ничего не выкинешь и на улицу не пойдешь. Хватит уже, догулялся.

– Давай договоримся, – кивнул я.

– Да, если позвонит мама и спросит меня, скажи, что я уснул, – смущенным голосом попросил отец.

– Ладно.

Я не мог дожидаться, пока он покинет квартиру. Все складывалось просто замечательно. Ванька появится не скоро, отец тоже наверняка за час дела не решит. А я лишь сбегая туда и обратно.

Едва за отцом закрылась дверь, я набросил куртку и влез в ботинки. Проследил из окна, как отъезжает отцовская машина. И кинулся на улицу.

До домика в лесу я добежал за рекордный срок. И даже почти не запыхался, только взмок так, что на ходу скинул куртку. Тревога не отступала.

Нет, кажется, замок на месте и никто поблизости не болтается. Я заскочил в дом, отдышался, потом медленно вошел в комнату.

Мне вдруг стало невыносимо неловко. Заглянуть за занавеску я даже не посмел. Зачем, зачем я сюда явился? Что Иола подумает насчет моего странного визита? И Ваньке наверняка расскажет... Хотя, если разобраться, Иван тут вообще ни при чем.

Я присел к столу, пару минут приводил в порядок дыхание и собирался с мыслями. Потом заговорил.

– Иола, – сказал я. – Я прибежал, потому что испугался, как ты тут. За последнее время столько всего случилось, я уже отовсюду жду неприятностей. И еще я хочу понять: что нам делать дальше? Я не могу пока разговаривать с тобой – сама знаешь, родители не слазят с меня с этими таблетками. Но, может, ты напишешь мне письмо? Ты наверняка думала о будущем. Тут тебе оставаться нельзя. Здесь же дубак, и вломиться может любой бомж, а то кто-нибудь и похуже. Иван считает, что нам не стоит обращаться к родителям и врачам, но ведь это – наше дело, не его. А я сделаю, как ты скажешь. После всего случившегося мне хуже уже не будет, да и тебе тоже. Так что решай.

– С кем ты говоришь?!

Я слетел с табуретки. В дверях стояла Тася со школьной сумкой на плече и смотрела на меня круглыми от изумления глазами. Потом она быстро-быстро закрутила головой, отыскивая того, к кому я мог обращаться. Я оцепенел от ужаса. Но все-таки нашел в себе силы спросить:

– Ты что тут делаешь?

– Уроки сегодня рано закончились, все гриппом болеют, – ответила Тася. – Вот, пришла посмотреть, кого Ванька тут прячет. А почему ты... Ты же вроде теперь дома живешь?

– Ну, кое-что случилось после того, как ты заходила к нам в гости, – мрачно изрек я.

– Да, я знаю, ты чуть не оторвал руку какому-то типу, об этом весь город говорит. Значит, снова в бегах?

– А кому охота попасть в колонию? – Я был готов нести что угодно, лишь бы усыпить Тасино любопытство. Пусть уж лучше думает, что я опять слинял из дома. Но она продолжала подозрительно коситься по сторонам.

– Никто тебя не посадит! Я слышала, их было трое, и они – опасные типы, всегда нападают всем скопом. Тебе еще повезло, сумел отбиться. А где Ванька?

– В школе, – ответил я. – На самом деле я тут не живу. Просто зашел книгу забрать.

Я ткнул пальцем в первую попавшуюся книжку на столе. Какой-то справочник по психиатрии, должно быть, Ванька притащил по Иолиному заказу. Тася молча подошла, встала рядом со мной и стала листать страницы. От ее близости меня бросило в жар.

– Опасно ходить сюда в одиночку, – сказал я. – Тебе разве не хватило той истории с психами? А тут вообще мог оказаться кто угодно.

Тася поежилась – наверное, ей и в самом деле было очень страшно идти сюда. И сказала:

– Но что же делать? Я боялась, что Ванька попадет в очередную историю, с его мозгами это запросто. Не сдавать же его родителям? Вот и пришлось самой идти на разведку.

Я поразился ее самоотверженности. Но почему Иван упорно не понимает, как ему повезло с сестрой? Мне бы такую.

– Ну что, возвращаемся в город? – спросил я.

– Да, сейчас, – ответила Тася. И вдруг шагнула к кровати и отдернула занавеску.

Я обмер.

Иола лежала на боку, заботливо укрытая по самый подбородок старым ватным одеялом. Она снова показалась мне очень красивой. Хотя странно было даже думать об этом в такой ситуации.

Тася же шарахнулась в сторону, как будто в кровати обнаружилась гремучая змея. Прижалась к стене спиной, рот ее приоткрылся, голубые глаза сделались огромными и почти черными.

– Кто это? – прошептала она.

– Это... наша с Ванькой знакомая, – пробормотал я.

– Что она делает в нашем домике? Почему она тут спит?

– Она... она болеет, – все еще пытался выкрутиться я. – Гриппом, сама знаешь, эпидемия...

– Что?! Почему она до сих пор не проснулась, мы ведь с тобой громко разговаривали?!

Тася вся превратилась в сплошной знак вопроса. А мне совершенно нечего было ей отвечать.

– Болеет, – уныло повторил я. – Наверное, слишком крепко уснула.

Тася подобралась немного ближе к кровати. Спросила:

– Она наркоманка, да? Тогда я немедленно звоню в скорую. Сколько она тут лежит? Она же может умереть!

– Она не наркоманка! Честное слово, это совсем другое. Давай пойдем в город, а я по дороге тебе все расскажу.

– Рассказывай здесь! – приказала Тася. – Я не уйду, пока не пойму, что происходит.

Я прикинул свои шансы. Поверит ли мне Тася, если я прямо сейчас изложу ей всю нашу историю? Ванька поверил. Но Иван был уже подготовлен рассказом Иолы и всеми теми странностями, которые происходили на его глазах. А Тася скорее поверит, что я – законченный псих.

– Давай все-таки пойдем! – взмолился я. – Ко мне Ванька скоро должен прийти. Может, дождемся его, а потом мы вместе все тебе объясним?

Тася пожала плечами и села на табурет.

– Можешь уходить. Увидишь брата, скажи, пусть несется сюда. А я не уйду, пока в нашем доме лежит какая-то девица.

Она вдруг вскочила и устремилась напрямик к кровати.

– Куда ты?! – вскрикнул я.

– Хочу проверить. Может, она прикидывается. И руки ее рассмотрю, кстати. А то вас пока расколешь...

– Не надо, не трогай ее! – крикнул я и встал у Таси на пути.

Она уставилась на меня во все глаза.

– Пусти меня, Алеша. Я же сказала: иди домой. Я сама разберусь.

– Только не надо ее трогать! – в отчаянии повторил я.

– Она что, заразная?

– Нет, просто...

Ну не мог же я сказать Тасе, что Иола сейчас видит нас и ей наверняка будет очень неприятно, если ее начнут трясти и искать следы укусов на руках. Я просто загораживал дорогу, краснел и что-то бормотал.

– Да пусти же! – рассердилась Тася и, обогнув меня, уцепилась за спинку кровати. Я схватил ее за руку...

И тут случилось нечто ужасное. Я даже не понял, как это произошло, поэтому ничего не успел сделать. Тася стремительно отлетела в сторону и врезалась в стену с такой силой, что домик содрогнулся. Несколько мгновений она стояла у стены и смотрела на меня. Потом обеими руками схватилась за голову и стала медленно оседать на пол. По грязной стене вслед за ней потянулся кровавый след. Я бросился к девочке, рухнул рядом с ней на колени и заорал:

– Тася, прости меня! Я не хотел! Я не понимаю, как это получилось! Дай осмотрю твою голову!

Я коснулся ее волос, Тася молча уперлась руками мне в грудь.

– Пусти! Ничего не нужно. Отойди от меня, пожалуйста!

– Я только хотел тебя удержать! Не понимаю, как это случилось!

– Что здесь, на фиг, творится?! – раздался рев позади меня.

Не вставая с колен, я поднял голову: надо мной возвышался Иван. За все время нашего знакомства я никогда не видел его таким взбешенным.

– Ты зачем ее ударил?! – взвыл он, схватил меня за ворот рубашки и рывком поставил на ноги. – Что она тебе сделала, гад?

Я молчал. Все было кончено. Я только что потерял все, что у меня еще оставалось в этой жизни: единственного друга и девочку, в которую был влюблен.

– Вань, уймись, – услышал я позади себя вполне спокойный голос Таси. – Алеша не виноват.

– Эт-то какого такого фиги он не виноват?!

– Он просто не хотел, чтобы я прикасалась к той девчонке. Надеюсь, ты объяснишь, откуда она вообще взялась? Потянул меня в сторону. А дальше, кажется, случилось то же самое, что с теми парнями. Хорошо, ты хоть через голову меня не метнул! – сказала Тася уже лично мне и слегка улыбнулась побелевшими губами.

Но на Ваньку доводы сестры совсем не действовали. Я даже сомневаюсь, что он их слышал. Потому что все это время он деловито тряс меня за рубашку и тяжело дышал мне в лицо. Я даже не пробовал сопротивляться. Наконец ворот рубашки треснул, и я с размаху сел на пол.

– Нет, вставай, я с тобой еще не закончил! – рявкнул Иван. И пнул меня в плечо.

Странно, я совсем не почувствовал боли. И даже не покачнулся. Я в тот миг четко понимал, что могу спокойно оторвать Ивану ногу, если захочу. Конечно, я не хотел.

Тася подскочила и вклинилась между мной и братом, уперлась руками в грудь Ваньки. А я с ужасом смотрел на голову девочки. Туда, где на затылке светлые пушистые волосы потемнели и склеились.

– Не смей его бить! – кричала она. – Алеша ни в чем не виноват, ты что, совсем тупой, не понимаешь? С ним такое случается!

– Ах, случается?! – вопил Ванька. – Не с тобой же!

Но рваться ко мне перестал. Наверно, испугался затоптать сестру или убить меня, не знаю.

Я встал на ноги и приблизился к Тасе. Коснуться ее не посмел, только сказал:

– Нужно сделать перевязку, а потом вызвать скорую. У тебя наверняка сотрясение мозга.

– Ах ты, гад! – снова взорвался Иван. – Не тронь ее! – Хотя я и не трогал. – Проваливай, и чтобы я тебя никогда больше не видел!

– А ты сумеешь сам ее перевязать? – спросил я.

Тася тем временем отошла от нас и села на стул. Лицо ее все больше белело. Я боялся, что она вот-вот упадет в обморок.

– Я только перевяжу ее и уйду! – почти умолял я бывшего друга. – Пожалуйста!

Но Иван продолжал теснить меня к порогу. Я спиной почувствовал сперва дверь, потом холодный воздух улицы.

– Вали отсюда, пока кого-нибудь насмерть не убил, урод! – рявкнул Ванька и захлопнул дверь перед моим носом.

Я бросился к окну. В отчаянии смотрел, как Иван, стоя посреди комнаты, крыл меня, судя по движению губ, всеми известными ему выражениями, а его сестра на стуле все больше походила на призрак, чем на живого человека. Еще мгновение, и я бы вбежал обратно в дом, закинул Ваньку куда подальше и сам занялся перевязкой. Но тут он опомнился, метнулся к комоду и вынул банное полотенце. Подбежал к сестре и начал неуклюже обматывать этим полотенцем голову. Тася, хоть глаза ее и были закрыты, подняла руки, чтобы ему помочь. Я отошел от окна и побрел в сторону поселка.

Не могу сказать, думал ли я о чем-то в этот момент. О чем вообще думает, к примеру, тот, кого ведут на казнь? Когда самое страшное в жизни уже случилось, думать больше не имеет смысла. Я просто знал, что никогда не вернусь домой. Вообще больше не появлюсь в этом маленьком городке. Вот сейчас сверну на станцию, сяду на электричку и уеду в Питер. Там есть где затеряться. А что потом – неважно. Да и есть ли оно у меня, это «потом»?

– Эй, парень, стой!

Я замер на месте и обернулся. Ко мне направлялись двое полицейских. Надо же, что они вообще тут делают? А, должно быть, охраняют железнодорожную станцию. Но от меня-то им что нужно?

Один был совсем молодой, наверное, практикант какой-нибудь. Другой – дядечка лет под пятьдесят, грузный и угрюмый. Оба глядели на меня очень внимательно. Но, кажется, я не так давно в очередной раз смылся из дома, чтобы снова оказаться в розыске?

– Что случилось, парень? – почему-то участливым голосом спросил у меня пожилой. И сделал еще пару шагов в мою сторону.

Я пожал плечами:

– Ничего...

И отступил назад также на пару шагов.

– Да ты не бойся! – сказал молодой. – Мы поможем. Тебя грабанули, что ли?

И тут до меня дошло: на мне ведь одна рубашка, а куртка осталась в домике. Конечно, для зимней, хоть и плюсовой погоды я выгляжу более чем странно. Эх, будь на мне футболка, мог бы сойти за спортсмена, а так... Нужно как-то выкручиваться.

– Не, все нормально! – отозвался я бодрым голосом. – Просто выскочил из дома на минутку. Я здесь рядом, в поселке живу.

Но они совсем не потеряли ко мне интереса. Даже наоборот.

– А кровь откуда? – спросил молодой. – Где поранился-то?

Я опустил глаза: на белой рубашке отчетливо алел отпечаток Тасиной ладони. Это меня совершенно доконало. Я не нашелся с ответом, просто стал пятиться в сторону платформы, и это полицейским совсем не понравилось. Они переглянулись и двинули ко мне на всех парах.

И тут я услышал совсем рядом гудок электрички. Судя по звуку, она приближалась к переезду. Я развернулся и по мчался к платформе. Сзади слышался топот моих преследователей.

Бежать было невероятно легко. Хотя обычно я и круга на физкультуре не мог пробежать, чтобы не начать задыхаться. А тут просто летел по размытой дождем бугристой дорожке. В какой-то момент краем глаза я увидел сбоку нос электрички. Теперь мы неслись с ней параллельно, я даже на шаг впереди. Электричка снова загудела, как будто возмущалась такой человеческой наглости. Про полицейских в ту минуту я почти забыл.

И тут электричка меня подвела: она вдруг стала замедляться и у подъезда к станции потащилась просто со скоростью черепахи. Я давно уже был на середине платформы, а она все медлила. Зато полицейские уже взбегали по лестнице. Старший, конечно, отстал, зато молодой неся, как спринтер.

Я уже подумал, не побежать ли дальше, и черт с ней, с электричкой. А вдруг я неожиданно ослабну, стану прежним? Но тут электричка все-таки подтащилась к перрону, и дверь распахнулась перед моим носом. Я заскочил внутрь и сразу понял, что оказался в ловушке: молодой полицейский был уже рядом, а электричка и не думала трогаться с места.

Молодой достиг двери и приноравливался к прыжку. В отчаянии я выставил вперед руку. Полицейский налетел на нее, и я несколько секунд без труда удерживал его в воздухе. Потом форменная куртка затрещала и начала расползаться. А железные створки медленно поехали на сближение. И тогда я отшвырнул полицейского обратно на перрон.

И снова я не рассчитал свою непонятную силу. Парень пролетел через платформу, с силой врезался в каменный парапет и мешком рухнул на перрон. Я оцепенел от ужаса. В этот миг электричка тронулась.

Я бросился через тамбур в соседний вагон, стараясь увидеть, что стало с полицейским. Я видел, как к нему подбежал второй, упал на колени, начал ощупывать. В другой руке он держал телефон, а может, рацию и что-то орал в нее: наверно, вызывал подкрепление. А молодой все так же не шевелился. Перебежать в следующий вагон я не успел – электричка набрала скорость.

Я буквально рухнул на ближайшее сиденье. В глазах у меня сгустилась тьма, но не от усталости – я даже не запыхался, – а от ужаса. Неужели я только что убил человека? Ну, тогда мне и самому жить на земле не стоит.

Народу в вагоне было мало, никто не обращал на меня внимания. Я обхватил голову руками, совсем как Тася. Мгновениями казалось, что все это мне просто снится, а на самом деле я сейчас дома, дожидаясь возвращения родителей. Но ведь я никогда не вижу снов – значит, этот кошмар происходит на самом деле.

Позади хлопнула дверь в тамбур; я даже не обернулся. Возможно, это были контролеры, но на них мне сейчас было уж точно наплевать. Если пристанут, просто рвану в другой вагон, пускай побегают со мной наперегонки.

Потом я услышал приглушенные голоса за спиной и все-таки обернулся. Очень вовремя: ко мне снова приближалась парочка полицейских, уже других. Один из них пристально смотрел на меня и что-то шептал в рацию. Я совсем забыл, что в каждом поезде находится транспортная полиция. С ними наверняка связались и сообщили мои приметы. Я вскочил и бросился прочь.

– Стоять, парень! – загрохотало за моей спиной.

Ага, так я их и послушался. Выскочил в тамбур, проскользнул в другой вагон, пробежал его насквозь, потом еще и еще один. Пока вагоны не кончились. Вообще-то я надеялся, что электричка подойдет к какой-нибудь станции, но за окнами все еще мелькали черные мокрые деревья.

Тогда я обеими руками вцепился в железные створки дверей, просунул между ними пальцы и потянул в разные стороны. Створки поддались неожиданно легко. Несколько секунд я смотрел, как пролетает мимо земля, а потом понял: чем больше смотрю, тем больше пугаюсь, а другого выхода все равно нет. Оттолкнулся – и прыгнул.

Все прошло не очень гладко. Наверное, слишком сильно я оттолкнулся, потому что влетел в чащу, как снаряд, и снес своим телом парочку деревьев. Боль я все-таки ощутил – хотя при нормальном раскладе меня бы просто размазало по стволам. Но на ноги встал без труда. И еще пару секунд смотрел вслед электричке. Патруль, скорее всего, уже добежал до последнего вагона и теперь любуется на распахнутую дверь. Интересно, что дальше? Наверное, организуют прочесывание леса в этом районе. И будут долго искать мое бездыханное тело.

Полоска леса скоро кончилась. Я огляделся. Кажется, вдали, за черным полем, угадывались силуэты каких-то домишек. Вдруг я почувствовал, как силы медленно, но верно оставляют меня. И понял: если не дойду до какого-нибудь жилья, то через пару минут просто свалюсь на землю и буду лежать, пока не замрзну. Я припустил в сторону деревеньки.

Бегал я все еще очень быстро, поэтому достиг первого дома примерно через минуту. Наверно, это была чья-то дачка, потому что выглядел домик очень симпатичным, чистеньким и был обнесен невысоким забором. Я его с ходу перепрыгнул, конечно. Вокруг домика увидел остатки теплиц и какие-то хозяйственные постройки. Но заметно было, что хозяева не появлялись здесь с лета. Я мысленно попросил прощения у этих незнакомых людей и одной рукой высадил дверь.

Вошел в комнату, осмотрелся. Здесь, похоже, даже электричество было, хотя я, конечно, свет включать не стал. Мало ли кто живет в соседних домах.

И тут разом силы кончились. Руки и ноги налились такой тяжестью, что хоть кричи. Я с трудом мог доползти до кровати. Лег – и на меня словно бетонная стена навалилась, даже дышать стало больно. Но все это и в сравнение не шло с тем, что творилось у меня в душе. Ведь я, возможно, стал убийцей в этот день. Но даже если полицейский остался жив и здоров, это мало что меняло, ведь сегодня я потерял единственного друга и девочку, которая была мне дороже всего на свете. И как мне теперь жить?

Становилось холодно, и меня затрясло. Я подумал: вот бы сейчас уснуть и замерзнуть во сне. Самая легкая смерть, если разобраться. Но уже через минуту встал и в шкафу отыскал пару одеял. Накрылся ими с головой и действительно уснул.

Проснулся я на следующий день в то время, когда нормальные люди уже обедают. За окном светило солнце, и в домике было почти тепло. Наверное, нагрелся через железную крышу. Ничего у меня больше не ныло и не болело, как будто и не было вчерашнего дня. Только есть ужасно хотелось. Но я уже неплохо освоился в подобных домишках и примерно знал, где можно поискать съестное.

Действительно, в подполе оказалось полно банок с консервами. Скорее всего, хозяева наготовили столько, чтобы вывозить припасы постепенно, партиями. Там даже была крупа, которую я сварил, когда разобрался с древней электрической печкой. Я механически совершал все нужные простые действия и старался больше ни о чем не думать, потому что на самом деле все было просто отвратительно. Идти мне было некуда и незачем. Вернуться домой я не мог.

Вот в таком состоянии, на автомате, я прожил в этом домике еще три дня. Если бы в это время появились хозяева – я бы с радостью позволил им отвести меня в полицию. Все равно ведь этим кончится. Просто самому не хотелось сдаваться.

На четвертый день снова похолодало, и пришлось искать еще одеяло. Я ведь почти все время проводил в постели, больше делать все равно было нечего. И вот когда я отыскал это одеяло в шкафу на самой верхней полке и уже нес к кровати, услышал голос:

«Что, замерз?» – насмешливо спросила Иола.

Я пожал плечами. А сам весь сжался: что еще она мне скажет?

«Дальше будет хуже, морозы на подходе, – продолжала ехидничать Иола. – Планируешь залечь в спячку?»

– Как там Тася? – не выдержал я. – Как голова?

«В большем порядке, чем твоя, – отрезала девчонка. – В общем, заживает. Так что возвращайся, никто на тебя больше не злится».

Я покачал головой:

– Нет, Иола, я не вернусь.

«С ума сошел?! Это еще почему?»

– Ну, ты же знаешь про полицейского...

«Да жив твой полицейский, не трусь! – повысила голос Иоланта. – Я сама видела, как он поднялся на ноги и даже немного пробежался за электричкой».

– Но меня все равно ищут. Нападение на сотрудника полиции – это, знаешь ли, очень серьезно.

«Так я и не предлагаю тебе пойти прямиком в полицию, – уже спокойнее заговорила девочка. – Возвращайся к нам, лучше не на электричке, а на попутке».

– Нет.

«Да почему?!»

– Потому что я опасен! – заорал я. – Потому что со мной черт знает что делается, когда я рядом... в общем, когда я в том доме! В кого я превращаюсь?! Зачем мне возвращаться?

«А теперь послушай меня! – легко перекричала меня Иола. – Никто тебя не ненавидит, если хочешь знать. Иван тебя каждый день ищет, ездит по всем дачным участкам вокруг города. Я ведь только примерно могу ему описать, где ты находишься. А ему еще твою сестру каждый день в школу провожать и обратно. Ты понимаешь, что твоему другу надо хоть иногда появляться на занятиях? Из-за твоей безответственности его скоро вообще отчислят!»

Тут я немного призадумался. Если Ванька меня повсюду ищет, то, наверное, и в самом деле больше не злится. Хотя, возможно, он это делает ради Иолы. Полицейский мой жив и

даже может бегать... Да, я действительно должен вернуться и постараться на месте понять, что со мной происходит. Все равно здесь меня уж точно не ждет ничего хорошего.

– Ладно, – сказал я себе под нос. – Я приеду. А про моих родителей что-нибудь знаешь?

«Ну, они ищут тебя, конечно. Сходят с ума, – тоскливо произнесла Иола. Вспомнила, должно быть, собственных родителей, которым на нее наплевать. – Но к ним пока тебе возвращаться нельзя. Ты и в самом деле в розыске».

– Да я понимаю... Слушай, Иола, у тебя есть хоть какая-то версия насчет того, что со мной творится? Почему я становлюсь таким, стоит побывать в том домике?

Иола замолчала, и я даже решил, что она по какой-то причине перестала меня слышать. Или я ее. Но потом все-таки сказала:

«Ну, в общем, я тут думала об этом... и, кажется, кое-что сообразила. Но это только версия, учти».

– Говори уже! – взмолился я.

«Не сейчас. Я хочу еще немного подумать. А ты давай возвращайся».

– Ладно, уже иду.

Я направился к дверям. Теперь мне хотелось как можно скорее оказаться в домике.

«Стой! – приказала мне Иола. – Не нужно горячиться, ладно? Подожди до ночи».

– Зачем?!

«Затем. Поговоришь через меня с Иваном, он скажет, как сделать, чтобы не попасться. Может, встретит тебя. Тебя же полиция ищет, не забыл?»

– Я увижу тебя, когда засну?

«Конечно, раз начал слышать мой голос. Думаешь, я первый раз стараюсь до тебя достучаться? Ванька будет здесь часов в восемь. До встречи!»

Иола «отключилась». Я сидел на кровати и думал, чем бы таким мне заняться до вечера. Чтобы измотаться и сразу уснуть, а то Ивану долго придется ждать контакта.

Я начал наводить порядок в домике. Долго прилаживал дверь обратно на петли – до этого она была просто прислонена и завешена одеялом для тепла. Потом написал покаянное письмо хозяевам домика. Пока писал, так замерз, что пришлось все-таки лезть под одеяла. Но я дал себе слово, что не сомкну глаз до восьми вечера.

Глава пятнадцатая. Незванный гость и ужасное известие

Я боролся с собой как мог. И вдруг уже в полусне услышал шум машины. Мимо домика проходила раздолбанная колея, но машины по ней на моей памяти ни разу не проезжали. А эта не только проехала, но и затормозила у самого дома.

«Хозяева!» – обожгла мысль. Я вскочил и заметался по комнате. Как не вовремя! Эти люди не станут выслушивать моих объяснений, а скрутят и доставят в полицию, как дачного воришку. А там уж мне припомнят все мои подвиги.

В дверь позвонили. Звонок заставил меня подпрыгнуть на месте: я и не догадывался о его наличии. Наверное, звонили от ворот, которые я попросту перепрыгнул. Еще раз, другой, третий. Разумеется, я не собирался открывать. И очень надеялся, что незваному гостю скоро надоест трезвонить, и он уйдет.

Но этого не случилось. За дверью я услышал чавкающие шаги – значит, некто уже преодолел забор. Тут я с ужасом вспомнил, что дверь-то починил, а вот запирать не стал – не ждал гостей. И теперь было уже поздно. Поэтому я забился под кровать.

А незнакомец уже шагнул в дом. Он сразу нашел выключатель – я даже под кроватью зажмурил глаза. Так давно не видел электрического света.

– Эй, есть кто живой? – негромко спросил гость.

Странно: его голос почему-то показался мне знакомым. Но вылезать я не собирался.

И вдруг свет исчез. Я обрадовался на мгновение – может, ушел. А оказалось, этот тип просто прилег на пол рядом с кроватью и теперь смотрит на меня в упор. Потом он сказал:

– Вылезай, парень, холодно на голых досках лежать.

И я покорно выполз. Было страшно. Я мог думать только об одном – вернется ли ко мне неведомая сила, если ситуация станет совсем нехорошей? Или все завязано только на том домике... и на Иоле?

– Привет! – кивнул незванный гость. И сел на табуретку шагах в трех от меня.

Я подумал: не сбежать ли? Но продолжал неподвижно стоять посреди комнаты и во все глаза рассматривал незнакомца.

Это был мужчина лет тридцати пяти, очень худой, светловолосый. Причем длинные прямые волосы были собраны в хвост до середины спины. Еще у него была смешная треугольная бородка, и одет он был как-то несерьезно, словно косил под молодежь, в косуху и рваные джинсы. В общем, не внушал доверия.

– Ты меня не бойся, – продолжал гость. – Просто люди в округе начали поговаривать, что на даче живет какой-то парень. Вот я и решил посмотреть, в чем дело. Ты ведь вроде не родственник хозяев?

– Вы знаете хозяев? – догадался я. – Но я ничего плохого не сделал, честное слово. Только дверь сломал, но потом починил... вроде бы. А за продукты, что съел, я деньги обязательно верну...

– Да ладно извиняться, парень, – отмахнулся светловолосый. – К хозяевам этой славной дачки я отношения не имею. А приехал сюда по твою душу. Но пугаться не надо: вязать и тащить в машину не стану. Просто хочу сказать, что я могу тебе помочь. У тебя ведь, судя по всему, обстоятельства аховые, верно?

– У меня все нормально...

– Точно? То есть в чужой дом ты ради удовольствия залез? – усмехнулся мужчина. – Или все-таки были обстоятельства?

– Ну, были. Но завтра утром я возвращаюсь домой, – твердо произнес я.

– Домой? – Мужчина посмотрел на меня с таким выражением, что оборвалось сердце: он как будто точно знал, что вернуться домой мне будет ох как непросто.

– Да, домой!

– Хорошо, – кивнул светловолосый. – Но я кое о чем тебя попрошу. Возьми мою визитку и постарайся не потерять. Думаю, тебе скоро понадобится моя помощь.

– Какая помощь? – спросил я. И тут же пожалел о своем любопытстве. Наверняка ничего хорошего он мне не предложит.

– Ну, я помогаю таким ребятам, как ты.

– Что значит – как я?

Мужчина смотрел на меня задумчиво, как будто что-то прикидывал в уме. Потом ответил:

– Это значит – нормальным ребятам, которые попали в сложные жизненные обстоятельства. Ведь тебе вряд ли охота попасть в приемник-распределитель и оказаться в компании тех, кто рос в неблагополучных семьях или вообще на улице? А у нас ты будешь среди своих.

– Где это – у вас?

Но незнакомец уже поднялся со стула. Достал из нагрудного кармана визитку и положил на край стола. Потом посмотрел на часы и произнес:

– Извини, больше нет времени с тобой разговаривать. Помни главное: что бы еще ни случилось, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. До встречи.

И вышел так стремительно, что я даже растерялся, хотя до этого только и мечтал, чтобы он исчез. Раздался шум отъезжающей машины. Только тогда я отмер и взял в руки визитку. Она была жесткой и глянцевой, на черном фоне серебристые буквы сообщали кратко:

Эрик Ильич Соболев. Профессор психиатрии

А с другой стороны – эмблема «инь и ян». А внизу мелким шрифтом:

Лесной лагерь «Подросток в беде»

В общем, странная, выпендренная визитка. Я хотел ее сразу выкинуть, но не стал мусорить в чужом доме и сунул в нагрудный карман. Чтобы я обратился за помощью к психиатру, да еще такому странному? Да никогда!

Я ждал, что Иола заговорит со мной, поделится соображениями насчет странного гостя. Но она молчала, а мне не хотелось первому начинать разговор. Да и пора пришла ложиться спать. Ванька уже должен вернуться, я все обсужу с ним и смогу еще до утра добраться до домика. Но сперва надо было заснуть, а после всех событий это было не таким уж простым делом. Так что отключился я только ближе к полуночи.

Я уснул и увидел Тасю. Это было так странно, что я даже вскрикнул во сне. Она сидела на краю кровати, обхватив плечи руками, как будто ей было ужасно холодно. На голове – черная шапочка, кажется, Ванькина, натянутая до самых бровей. Волосы распущены по плечам, а раньше я их видел только собранными в хвост или склотыми на затылке. Я с трудом смог отвести от нее взгляд.

И только потом заметил Иолу. Она лежала на кровати рядом с Тасей, нет, уже полусидела. Тася вдруг наклонилась и крепко обняла Иолу за шею. И что-то зашептала ей на ухо. Я таращился на них и никак не мог сообразить, что происходит. Почему они шепчутся? И когда успели подружиться?

Тут Иола погладила Тасю по плечу и громко произнесла:

– Он нас слышит. Нет, придется сказать всю правду.

Я чуть не проснулся от этих слов. И закричал:

– Что еще случилось?!

Иола посмотрела в пустоту блуждающим взглядом, будто искала в ней мои глаза, потом глухо произнесла:

– Плохие новости. Кто-то похитил твою сестру.

– Что?! – завопил я. – Кирку похитили? А Иван?!

Тася еще больше съежилась и всхлипнула. Иола взяла ее за руку.

– Ваня в больнице. Кто-то ударил его по голове так сильно, что он до сих пор без сознания.

– Их поймали?

– Задержали тех парней, которые ходили за Кирой в последнее время. Ну, ты знаешь. Но твою сестру пока не нашли.

Тася что-то сказала, обращаясь к Иоле, я ее не расслышал.

– Говори сама, он тебя слышит, – ответила Иола.

У Таси сделалось еще более испуганное лицо, и она тоже стала оглядываться по сторонам. Потом сказала полу шепотом:

– Алеша, если ты слышишь, то я хочу тебя попросить: не пытайся пока добраться до города. Электрички, наверное, уже не ходят, а ловить машину опасно. Пожалуйста, не рискуй. Если еще и с тобой что-то случится...

Она судорожно вздохнула. У меня тяжело и больно заколотилось сердце. И я проснулся.

Конечно, Тася своей просьбой добилась только противоположного результата: я тут же начал собираться. Мне нужно было как можно скорее оказаться в домике. Я представлял, как Тася сидит там совсем одна, рядом с вновь уснувшей Иолой. Она, наверное, с ума сходит от тревоги. Через пять минут я уже выскочил из дома. В сторону шоссе несясь со спринтерской скоростью, тем более что в одной рубашке при меньшем темпе я замерз бы прямо на бегу.

Мне невероятно повезло. Я выскочил на шоссе почти под колеса грузовика, который резко затормозил. Водитель высунулся из кабины и уже открыл рот, чтобы наорать на меня. Но потом увидел, что я в одной рубашке и едва стою на ногах, и вполне мирно спросил, что произошло. Я соврал ему, будто меня ограбили, и попросил подбросить до города. К счастью, он туда и ехал. Через четверть часа он высадил меня у дорожки, которая вела к Ванькиному дому.

Я бежал по тропе и думал о Кире. Какое странное чувство: будто у меня была невидимая третья рука или нога, в которой я особо не нуждался, а потом вдруг потерял – и понял, что без нее навсегда останусь инвалидом. Вот и Киру я обычно в упор не замечал, а сейчас даже думать о ней было больно. Теперь я осознал, почему так рассвирепел Иван, когда увидел Тасю с пробитой головой.

Дверь оказалась не заперта. Я вошел и тут же услышал тихий плач. И крикнул:

– Тась, это я, не пугайся!

Тася вскочила мне навстречу, заплаканная, дрожащая. Не знаю, как это получилось... в общем, я обнял ее и даже украдкой поцеловал в край шапочки. Тася не отстранилась, она только крепко схватила меня за руку холодной ладошкой и зашептала:

– Как хорошо, что ты все-таки приехал! Хотя не нужно было это делать ночью. Но мне было так страшно тут, когда Иола уснула.

Я покосился на кровать – Иола крепко спала под двумя одеялами. В доме было очень холодно, это я сразу ощутил. Тася так вообще заледенела.

– Как Ванька? – спросил я в первую очередь.

Тася всхлипнула.

– Он все еще без сознания. Родители сейчас в больнице.

– А они знают, где ты?

– Нет, они думают, я ночую у подружки. Мы связываемся по телефону.

– А про моих ничего не знаешь?

Тася снова покачала головой и взглянула на меня так виновато, словно должна была знать. Да я и сам догадывался, каково сейчас отцу и матери. Получается, они потеряли обоих своих детей.

– Не знаю, что делать, – сказал я. – Мне нужно вернуться домой. Но ты, наверно, не захочешь оставить Иолу?

– Да, я останусь с ней, – кивнула Тася.

«Пусть идет, – услышал я в голове безрадостный голос Иолы. – Смысл здесь сидеть?»

– Она говорит, чтобы ты шла домой вместе со мной, – сообщил я Тасе.

Она вздрогнула, бросила взгляд на спящую девочку. Конечно, для нее все это было дико и непонятно.

– Ты ее слышишь? Она ведь спит.

– Я могу общаться с Иолой в любое время суток, – объяснил я. – Она же говорила со мной, пока я спал, помнишь?

Тася поежилась:

– Тебе опасно возвращаться домой. Тебя ищут... из-за тех полицейских.

– Я должен вернуться, – сказал я. – Нужно, чтобы родители меня хотя бы увидели. Узнали, что я жив и здоров. А там посмотрим.

– Хорошо, тогда пойдем, – согласилась со мной девочка. – Если что, ты можешь спрятаться в нашей квартире. Там тебя искать не станут.

Она подошла к кровати, заботливо поправила одеяла. Подумала, принесла из кладовки вязаный платок и дополнительно укрыла им Иолу. Повернулась ко мне:

– Не забудь свою куртку, она висит у двери. Пойдем?

– Давай.

Мы вышли из дома. Было очень темно, и я сразу взял Тасю за руку. Этой ночью я сам удивлялся своей смелости. Хотя после всего случившегося бояться было уже нечего.

– Никто не думал, что те парни действительно нападут на Киру, – горячо заговорила Тася. – Ванька был уверен, что они таскаются за ней просто для развлечения. Ну нравится им пугать человека. Полгорода видели, как они за ней ходят. Разве после такого нападают?

Я молчал. Последнее время я уже не понимал, что происходит вокруг. А главное, когда все это закончится. Чтобы отвлечься, спросил:

– Ты что, подружилась с Иолой?

– Да, конечно, – тут же ответила Тася. – Она отличная, и зря вы ее от меня прятали. Пока Ванька тебя искал, я все время с ней сидела. Иногда она просыпалась, и мы разговаривали. Но все это так странно! Никогда бы не поверила, если бы своими глазами не увидела, правда.

Тут девочка споткнулась обо что-то в темноте и чуть не упала. Я инстинктивно сжал ее руку – и вдруг Тася закричала. Отскочила в сторону и стала трясти в воздухе пальцами. Я даже не сразу понял, что случилось, а потом чуть сквозь землю не провалился от стыда. Опять тот же кошмар!

– Прости! – взмолился я. – Я совсем забыл... я идиот.

– Да ничего, – дрожащим голосом ответила Тася. – Я уже привыкла. Все нормально.

И через минуту она снова подала мне руку, правда уже другую. На этот раз я старался держать ее как пушинку.

Была половина второго ночи, когда мы вошли в наш двор. Я сразу посмотрел на наши окна – в гостиной горел свет, и на кухне тоже. Сначала я довел Тасю до самой квартиры, и она еще раз напомнила, что я могу спрятаться до утра у них, если появится такая необходимость. Вид у нее был очень грустный, кажется, она готовилась заплакать.

Во дворе я разволновался. А вдруг у квартиры меня поджидает засада? Чтобы не было так тревожно, я даже обратился к Иоле:

– Как считаешь, там есть кто-нибудь, у нашей квартиры?

«Я что тебе, ясновидящая? – прозвучал в ответ раздраженный голос Иолы. – Думаешь, в городе преступники закончились? Делать ментам нечего, только стеречь тебя по ночам!»

– А что насчет того типа, который приходил ко мне сегодня? – спросил я. Отчасти мне хотелось отвлечься от собственных страхов. И я не знал, когда еще будет случай поговорить с Иолой.

«Держись от него подальше, – все так же сердито отозвалась она. – Он меня ищет».

– У тебя что, мания величия? – хмыкнул я. – При чем тут ты?

«А при том, что я его знаю, – ответила Иола. – Он приходил ко мне, когда я лежала в больнице. Нудный такой, во все лез, один раз рисунки у меня спер».

Я даже на месте подпрыгнул: конечно, вот откуда я знаю этого Соболя! Ведь это тот самый врач с хвостиком, которого я видел в снах рядом с Иолой. С тех пор много лет прошло, неудивительно, что я его сразу не вспомнил.

– Не думаю, что он тебя ищет, – сказал я. – Наверное, это просто совпадение. Он врач, так и в визитке написано, но вполне может заниматься чем-то еще типа помощи ребятам, убежавшим из дома...

«Слушай, у тебя других забот нет?» – перебила Иола.

Да, сегодня она точно была не в духе. Я решил еще раз сменить тему.

– Ты говорила, что вроде как догадалась... ну, почему так со мной происходит, когда я бываю в том домике, рядом с тобой, – сказал я. – В смысле, почему я становлюсь таким... сильным. Может, поделишься догадками?

«Отстань от меня! – вдруг заорала Иоланта. – Ничего я об этом не знаю! Иди домой!»

Конечно, после такого отпора мне оставалось только заткнуться. Да и некогда было разговаривать, потому что я стоял под дверью собственной квартиры. Позвонил и через пару секунд услышал встревоженный голос отца:

– Кто там?

– Папа, это я, – пробормотал в дверную щель.

И дверь моментально распахнулась. Отец сжал меня в объятиях, почти оторвал от пола и таким образом втащил в квартиру. Потом закричал:

– Мать, иди сюда!

В прихожую выскочила мама. Она громко ахнула, вырвала меня у отца, стала вертеть и разглядывать.

– С тобой все в порядке? – вскрикивала она. – Ты здоров?!

– Да, мам, все в порядке, – твердил я как заведенный.

– Какое счастье, что хоть ты вернулся, Алеша, – проговорила мама сквозь слезы.

– А насчет Киры что-нибудь уже известно? – спросил я.

Мать тут же впала в оцепенение. Я пожалел, что спросил об этом. Отец заботливо увел ее в комнату, потом вернулся ко мне. Мы пошли на кухню, и папа тут же стал готовить чай и бутерброды.

– Нет, пока ничего нового, – вернулся он к моему вопросу. – Полиция задержала каких-то парней, которые, оказывается, преследовали ее. Среди них вроде бы оказался брат твоего одноклассника, того самого... Ты что-то знал об этом?

– Знал, – признался я. – Кира мне сразу сказала, когда это началось. И я попросил Ивана, чтобы он провожал ее до школы и вообще везде.

Отец пару минут обдумывал новую информацию.

– Нужно было нам рассказать, – проговорил он наконец. – Но теперь хоть понятно, откуда там взялся Иван. Тех парней задержали почти сразу. Не знаю, хорошо это или плохо. Вроде бы

так они не доберутся до Киры... но страшно подумать, где она, в каком состоянии... связана, заперта...

Отец на мгновение зажмурился, лицо его побелело. Он помотал головой, словно пытался отогнать ужасные картины. А потом вдруг спросил:

– А ты сам где был?

Что-то его тон мне не слишком понравился.

– Я был... не в городе, – быстро проговорил я. – А что?

– Прости, что я спрашиваю. – Отец положил мне руку на плечо, но я видел, насколько он напряжен. – Просто эти парни... Они ни в чем не сознаются и все валят на тебя. Говорят, на Ивана налетел какой-то подросток.

– Это не я! – завопил я и вскочил со стула.

– Спокойно! – Отец подскочил следом за мной. – Конечно, мы с матерью в это не верим. Понятно, что им нужно как-то выкручиваться.

– Папа, я не похищал Киру! – закричал я. – У меня есть свидетель!

И тут я осекся. А вдруг отец спросит, кто этот свидетель, захочет его повидать. Мне будет очень сложно рассказать ему про Иолу.

Но отец моим свидетелем совсем не заинтересовался. Наверное, ему не до того сейчас было.

– Да знаю, знаю, что ты ни при чем! – твердо повторил он. – Просто я должен тебя предупредить, что в полиции думают иначе. Думаю, нам придется тебя временно спрятать. Пока все не прояснится. Пока не найдется Кира. Или твой друг придет в себя и сможет дать показания.

Тут мне все стало безразлично. Кажется, я зря так рвался домой – родителям только прибавилось проблем. И я совсем не уверен, что отец и мама до конца верят в мою невиновность. Слишком много у них со мной было проблем.

– Куда нужно ехать? – спросил я. – Ну, где ты меня собираешься прятать?

– В любом случае это подождет до утра, – ответил отец. – Пока иди в свою комнату и постарайся поспать. Только сперва хорошенько вымойся. Договорились?

– Хорошо.

Я побрел в ванную, потом в свою комнату. И все это время слышал, как мама плачет, а отец ее утешает. Сердце мое просто рвалось на кусочки.

Я погасил свет и выглянул на улицу. В угловом доме светилося только одно окно. Я знал, что там – Тася. Даже хотел ей позвонить, спросить, нет ли новостей об Иване, как-то утешить. Но потом подумал: а вдруг она уснула при свете? Мне самому спать совершенно не хотелось. И еще больше не хотелось видеть Иолу, злую и раздраженную. Хотя могла бы сообразить, что мне и так несладко приходится. Вот если бы я мог во сне увидеть Тасю, поговорить с ней... Жаль, что это невозможно...

Я все-таки лег в постель. Но перед этим отыскал на столе железную пластину, которую притащил Иван. Я согнул ее легко, как фольгу, и даже обмотал вокруг руки наподобие браслета. Это меня немного успокоило.

Но заснуть мне не удалось, потому что в дверь позвонили. Я вскочил и мигом натянул одежду. Может, это Кира вернулась? Я слышал, как родители наперегонки несутся открывать. И надеялся услышать счастливые вскрики. Но вместо этого раздались чужие голоса. Кто-то о чем-то громко спорил с отцом.

– Это ошибка, – расслышал я его слова. – Соседи ошиблись. Наш сын не возвращался домой.

Полиция! Должно быть, кто-то увидел меня во дворе и позвонил куда следует.

В темноте я нашарил на столе телефон. Сунул его в карман джинсов. А потом вскочил на подоконник и распахнул окно. Холода я не ощутил, а вот страх, даже ужас... шестой этаж все-таки. Такого я еще не делал. Тогда, из электрички, я нормально прыгнул, но кто знает, каков

мой предел. На всякий случай я схватил в темноте какие-то шмотки со стула, обмотал ими ладони. А голоса уже приближались к моей комнате. И тогда я шагнул в пустоту.

Пару мгновений воздух свистел в ушах. Может, я даже сознание потерял, не знаю. Но приземлился на ноги, так что зря о руках волновался. А вот домашние тапки треснули сразу по всем швам. Я отфутболил их в кусты, а в следующий миг и сам сиганул следом, сообразив, что полицейские уже в моей комнате и наверняка заценили распахнутое окно. Сейчас ломанутся вниз – искать мое бездыханное тело.

Я внимательно осмотрел наши окна – и увидел отца. Опасно свесившись с подоконника, он разглядывал двор. Больше никто с ним рядом не маячил, поэтому я вышел из укрытия, одним прыжком достиг фонарного столба и из круга света помахал ему. Он увидел меня, сперва схватился за сердце, потом вдруг резко замахал рукой, словно подавал сигнал бежать. И тут же я услышал грохот из нашего подъезда: несколько человек неслись вниз по лестнице. Я еще раз помахал отцу, а потом бросился вон со двора и через пять минут был уже в другой части города.

И вот тут я задумался. Ну и куда теперь? Моя сила может закончиться в любой момент. Можно пойти к домику в лесу, высадить дверь или окно, но что мне там делать? К Тасе тоже нельзя – полиция рыщет во дворе, ищет мои останки.

Я пожалел, что не запомнил телефон Соболя. Он ведь не зря подчеркнул, что я могу звонить в любое время дня и ночи. И вдруг сообразил: визитка-то все еще при мне, в кармане рубашки. И так обрадовался, что даже не дал себе время на раздумья, просто достал ее и позвонил.

Соболь ответил быстро, и голос его не был сонным. Даже наоборот, деловым и собранным:

– Слушаю, говорите!

– Это Алексей, – сказал я. – Ну, тот парень, который влез в чужой дачный дом. Вы сказали мне звонить, если что, помните?

– Помню, конечно, – ответил психиатр. – У тебя что-то случилось?

– Да, случилось. Я вернулся в свой город, но мне некуда идти, – выпалил я.

Соболь думал только пару мгновений, потом спросил:

– Где ты сейчас?

Я начал объяснять, но тут выяснилось, что город он прекрасно знает и достаточно назвать только улицу. Это я и сделал. И уточнил, что стою у забора детского садика.

– Жди, никуда не уходи! – приказал Соболь. – Буду через пятнадцать минут.

Глава шестнадцатая. Лесной лагерь «Подросток в беде»

На самом деле мне и четверть часа далась нелегко. Холода я не ощущал, но терзало беспокойство. И я привычно злился на Иолу, которая опять играла в молчанку. В конце концов я сам с ней заговорил.

– Ну, что скажешь? – спросил я. – Только не начинай нудеть, что это опасно, – других вариантов нет. Не собираюсь замерзать на улице.

«Я ничего и не говорю, – ответила Иола, и на этот раз голос у нее был вполне нормальный. – Так, наверное, даже лучше. Надо же узнать, что этому типу от тебя надо. Или от меня».

– Не бойся, если он ищет тебя, я ничего ему не скажу.

«Какое благородство!» – насмешливо пропела Иола.

Я хотел было ответить, но тут из-за угла вывернула машина. Соболев приехал не один: за рулем сидела какая-то женщина. Но она осталась в машине, а профессор подошел ко мне и осмотрел с ног до головы. Конечно, сразу заметил мои босые ноги, но не удивился, только усмехнулся:

– Ого, смотрю, ты в еще более облегченной экипировке, чем в нашу первую встречу.

– Так получилось, – пробормотал я.

– Ну, пойдем в машину, расскажешь по пути.

– Подождите! – Я даже попятился. – Я должен вас предупредить... в общем, за мной гонится полиция.

– Да? – без особого интереса спросил Соболев. Как будто каждый день слышал подобные признания. – И что же ты натворил?

– Это долго рассказывать, – зачастил я. – В общем, сначала сломал руку однокласснику, но это неважно, потому что за это меня уже нашли. Но потом я убежал, и один полицейский при этом малость пострадал. А теперь они думают, что я ударил по голове своего друга и похитил собственную сестру, хотя это бред!

Я замолк и покосился на профессора: что он на это скажет. Удивительно, но он улыбался! Потом изрек:

– Что ж, я слышал и более солидные списки преступлений. Думаю, с этим мы разберемся. Залезай в машину, отвезу тебя для начала к нам домой. Если только...

– Что? – испугался я.

– Если ты не хочешь кое-кого с собой прихватить.

Тут я совсем растерялся. Что он имеет в виду?

– Кого это? – спросил я, едва шевеля губами.

Соболев пытливо на меня поглядел, вздохнул, наверное, над моей тупостью.

– К примеру, свою подругу Иоланту. Мы ведь с ней знакомы, ты в курсе?

Я сделал шаг назад. Вот оно, начинается! Этому типу действительно нужен не я!

– Так вы в самом деле ее ищете? – враз севшим голосом пробормотал я. – А всю эту историю про ребят, попавших в беду, просто придумали?

Доктор помотал головой:

– Ну, если быть точным, то искал я именно тебя, и искал много лет. Иола – замечательная девочка, умная и с характером. Она никак не желала помочь мне в моих поисках. А теперь и сама пропала.

Я потрясенно молчал. Мысли мои перемешались. Так кто же из нас ему нужен? А главное – зачем?!

– Ты мне не веришь? – мягко произнес Соболев. – Тогда посмотри вот на это. Этот рисунок я позаимствовал из альбома одной одинокой и очень печальной девочки. Она нарисовала

своего единственного друга. Потом, правда, пришлось изображение чуточку «повзрослить» при помощи компьютерной программы.

Он вынул из кармана пластиковую папку, сложенную в несколько раз, вытащил из нее пару листов и показал мне. Сначала я не понял, кто на них был изображен. А потом узнал себя. Это был мой портрет, но на нем я был совсем еще маленький, дошкольник. На другом – постарше, только портрет этот сильно смахивал на фоторобот.

Вот тут я окончательно струсил. Может, он вообще никакой не доктор, а работает в полиции? Или частный сыщик? Ищет Иолу по просьбе ее родителей, а заодно меня, чтобы сдать властям как похитителя девочки?

Тело мое сработало быстрее разума. Я отступил еще на шаг, потом оттолкнулся носками от земли и перелетел через забор детского сада. И тут же почувствовал, что силы стремительно покидают меня. Ноги заныли, соприкоснувшись с землей, пальцы противно занемели. Одна радость: за забором я был в относительной безопасности. Территория садика большая, сейчас я выскочу на другой улице – и прощай, Соболев!

Но это мне только так казалось. Потому что через мгновение нечто темное порхнуло над оградой, и доктор легко опустился на землю рядом со мной. Я просто задохнулся от потрясения.

– Вы... вы такой же, как я...

Соболев весело рассмеялся.

– Ну, не будем сейчас меряться силами, – сказал он. – Тем более что твоя, кажется, уже идет на убыль. Давай-ка лучше вернемся к машине.

Я с большим сомнением посмотрел на забор. Что-то мне подсказывало: на этот раз его одолеть мне не удастся. И психиатр тут же угадал мое затруднение. Я и глазом не успел моргнуть, как он обхватил меня за пояс одной рукой, сделал движение вперед – и вот мы уже стоим у машины.

– Ладно, не хочешь говорить, где Иола, скажи хотя бы: она в безопасности? – спросил Соболев.

Я кивнул. Хотя и не считал дом Ванькиных стариков особо безопасным местом.

– Тогда поехали, – распорядился доктор. – Мы с тобой все обсудим, и ты сам решишь, можно ли мне доверять.

Я уже так заледенел и устал, что с великой готовностью полез в салон, и плевать, чем мне это грозило. Женщина, сидевшая за рулем, приветливо мне кивнула. Она наверняка видела наши прыжки туда и обратно, но совсем не выглядела озадаченной.

Квартира, куда меня привезли, оказалась маленькой и на вид совершенно заброшенной. Я даже занервничал немного: если здесь никто не живет, получается, подозрительная парочка просто заманила меня в пустынное местечко? Соболев, кажется, догадался, что я чувствую, и прояснил ситуацию:

– Мы тут почти не бываем. Я и моя жена – мы все время проводим в лагере. Жена преподает там историю. Кстати, если ты немного пришел в себя, то познакомься – это София. Мадам Софи – так ее обычно называют наши воспитанники.

Его жена, красивая, но суховатая, улыбнулась мне ласково, хотя и немного свысока, и сразу исчезла на кухне. А меня отправили мыть руки. Я не понимал, что происходит. Только десять минут назад я убедился, что этот тип обладает невероятными способностями, а теперь он ведет себя как самый обыкновенный человек. И ничего не собирается мне объяснять. Этого я не мог допустить.

Поэтому, когда мадам Софи принесла нам чай и печенье и снова скрылась на кухне, я тут же приступил к делу:

– Скажите, вы ведь знаете, что происходит со мной? Почему эта сила вдруг появляется, а потом исчезает? Это как-то связано с Иолой?

– Разумеется, – кивнул Соболев. – Твоя сила появляется только тогда, когда ты рядом с ней, ну или хотя бы на расстоянии не больше пары-тройки километров. Когда же расстояние увеличивается, через пару часов сила и ловкость исчезают бесследно. Это совершенно нормально.

– Нормально? – пробормотал я. По-моему, в этом не было ничего нормального.

– Да, для таких, как мы, – мягко уточнил профессор.

– А кто мы такие? Монстры какие-то, что ли?

Кто-то тихонько рассмеялся за моей спиной. Это мадам Софи принесла омлет на большом блюде. Я решил, что можно продолжать разговор и при ней. И снова спросил:

– Если не монстры, то кто тогда?

– Уверен, что не хочешь сначала поесть? – спросил Соболев.

– Спасибо, нет. Хочу во всем разобраться.

Тогда мой новый знакомый со вздохом отодвинул от себя тарелку и сказал:

– Нет, мы с тобой не монстры, Алеша. Мы люди. За это можешь не волноваться. Просто таких, как мы, на планете осталось слишком мало. Конечно, обо всем этом куда лучше рассказала бы моя жена на уроках истории. Но раз тебе невтерпёж, я вкратце обрисую ситуацию...

Дальше он заговорил размеренно и неторопливо:

– Десятки тысяч лет назад мир не был так однообразен и скучен, как теперь. Расы не делились только по цвету кожи. Рядом с обычными людьми жили и другие, которые сегодня почти забыты. Великаны-циклопы и люди размером с пшеничное зерно. Биорды, которые летали по воздуху, как птицы, и мерцающие лотты-невидимки. Флэммы, извлекающие огонь из кончиков пальцев. И многие, многие другие. Но самой удивительной была раса атлантов – недаром память о них, хоть и в искаженном виде, дошла до наших времен. Никто не мог сравниться с ними в силе и скорости. Любое знание они впитывали как губки. Это была раса мыслителей и изобретателей. Внешне они совсем не отличались от обычных людей. Секрет их невероятной мощи заключался в том, что в этот мир они приходили парами...

– Как это? – поразился я.

Соболев глянул удивленно. Наверняка решил про себя, что я безнадёжен.

– Ты знаешь как, Алеша. Мальчик и девочка могли родиться в любой точке земного шара с разницей во времени до полугода. Но благодаря снам каждый из них с раннего детства знал, где второй и что с ним происходит. Две полноценные личности были с рождения соединены незримой нитью, а вместе они создавали самую совершенную пару на земле, практически одного сверхчеловека. В каждом было то, чего не хватало другому. Соединившись, они обретали свои невероятные качества: силу, совершенную память...

– То есть вы думаете, мы с Иолантой – такая совершенная пара? – пробормотал я. Рубашка взмокла и прилипла к спине, меня трясло, как припадочного.

– Я это точно знаю, – заверил Эрик Ильич.

– Нет! – заорал я. – Это какая-то ошибка!

Мадам Софи потрепала меня по плечу и сказала с легким акцентом:

– Да, это нелегко осознать, бедный мальчик.

– Но... что же мне теперь делать? Что нам делать?! Мы всегда будем связаны, и Иоланта будет спать, когда я не сплю?!

– Вовсе нет, – мотнул головой Соболев. – Посмотри на мою жену – она ведь не кажется спящей, верно?

И тут словно каменная плита свалилась с моей груди. Значит, это не навсегда, и когда-нибудь мы будем свободны друг от друга! Я представил, что сейчас чувствует Иоланта. Наверняка ее ликование не идет ни в какое сравнение с моим!

– Когда это произойдет? – жадно спросил я.

Эрик Ильич пожал плечами:

– Точно не знаю. У всех по-разному. Пока вы еще дети, ну, хорошо, подростки, я бы не стал ждать, что это случится слишком скоро.

Я снова пал духом и простонал:

– Но зачем это нужно? Зачем мы должны видеть друг друга во сне? Разве нет другого способа быть этими... парами?

Соболь оживился. Явно это была его любимая тема.

– Думаю, тут действует какой-то мощный защитный механизм. Представители этой расы жили по всей земле, а не только там, где нас поселил уважаемый Платон. Многие пары никогда не смогли бы встретиться, если бы не видели друг дружку во сне. Еще это важно с точки зрения безопасности: ведь до личной встречи у половинок нет особых способностей и они беззащитны перед внешним миром. А потом, подумай, Алеша, какая невероятная возможность обучения: во сне каждый продолжает усваивать то, что изучает его половинка. Нет, в этом определенно заключена очень большая мудрость...

– Да, но почему я никогда даже ни словечка не слышал о таких людях, как мы с Иолой?! – перебил я. – Вы говорите, мы жили по всему свету – а что теперь?

Мадам Софи убежала на кухню – там что-то подгорало. Соболь сразу погрузился, глаза его потемнели.

– К сожалению, люди – те люди, кого ты привык так называть, – по непонятным для меня причинам возжелали остаться на земле в гордом одиночестве. И веками вели борьбу с теми, кто хоть в чем-то от них отличался. Они истребили древние расы, а потом добрались до нас. На первый взгляд кажется, что справиться с нами было ой как непросто. Но они узнали об атлантах нечто такое, что позволило им выработать идеальный план борьбы.

– Что узнали? – заволновался я.

– Вот об этом мы с тобой поговорим как-нибудь после, – сказал профессор и скосил глаза на свой остывающий ужин. – Пока что прими это как факт: пары начали распадаться. А тот, кто терял половинку, утрачивал все свои способности. В отчаянии он покидал свой народ и присоединялся к обычным людям. И так постепенно мы растворились в мире людей.

– Время от времени в обычных семьях рождались дети, которые видели во сне свою половинку, – продолжил после ужина свой рассказ Соболь. – Но, увы, теперь это становилось для них не счастьем, а трагедией. Чаще всего они просто считали себя безумными и даже не делали попыток встретиться. А если и встречались, то вели себя неосторожно и попадали в лапы... ладно, об этом не сегодня. Мне повезло больше: прежде чем я нашел Софи, мне удалось кое-что узнать о том, что происходит. Тогда я задумался о сотнях несчастных, которым мог бы помочь. И у меня возникла идея приюта, в который завтра с утра ты отправишься. На самом деле это, конечно, никакой не приют и не лагерь, а, скорее, школа.

– И чему я там научусь, в этой школе? – спросил я.

– А сам как думаешь? – усмехнулся профессор. – В чем ты сейчас нуждаешься больше всего?

– Ну, вообще-то я больше всего хочу найти свою сестру.

Эрик Ильич печально покачал головой:

– Исчезновение твоей сестры вряд ли связано с твоей... особенностью. Но я, конечно, постараюсь разузнать об этом. Что-нибудь еще?

«Еще я хочу узнать, как поскорее отвязаться от Иоланты», – чуть не сказал я, но вовремя вспомнил, что она меня слышит. И произнес:

– Еще мне нужно понять, как управлять своей силой – когда она у меня есть, – чтобы никому больше не навредить, да?

– О да, конечно, – ответила за мужа мадам Софи. – И еще тебе необходимо всегда помнить, что ты в этом мире не один. Даже прежде чем ответить на вопрос, ты должен прислушаться к своей половинке, узнать ее мнение. Это сложно, милый, но постепенно ты научишься.

Я дико покраснел от такого наезда.

– А ведь она права, – раздался издевательский голосок Иоланты.

Соболь, кажется, тоже немного смутился, потому что очень быстро свернул нашу беседу:

– Так, прекрасно, допивай чай и отправляйся спать. И не забудь узнать у Иолы, согласна ли она перебраться в наш лагерь. Мы бы с женой хотели прямо с утра решить этот вопрос.

– Подождите, – пролепетал я. – Это что же, значит, мы с Иолой должны?..

Я в ужасе переводил взгляд с Соболя на его жену и обратно. Профессор хихикнул, потом сделал строгое лицо и сказал:

– По-моему, молодой человек, об этом вам еще рановато думать.

Я поплелся в комнату, которую мне показали, рухнул на диван. За окном уже начинался рассвет. Я был слишком потрясен услышанным, чтобы спать.

Иоланта молчала.

– Чего молчишь? – пробормотал я. – Ты против лагеря, что ли?

«Конечно нет, – прозвучал немедленный ответ. – Просто ждала, когда ты спросишь. Как тебя учили».

Я скрипнул зубами. Не знаю, что Соболь сумел разузнать об этих самых половинках, но уверен в одном: мы с Иолой, если удастся разорвать связь между нами, немедленно разбежимся в разные стороны и забудем друг друга, как самый ужасный и долгий сон в своей жизни.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил я Иолу, когда все-таки уснул. Она выглядела невероятно счастливой – наверно, впервые за все время нашего «знакомства». Даже не счастливой – торжествующей. Расхаживала по домику с таким лицом, будто не могла дождаться, когда же за ней приедут и заберут в более интересное место. И мне от этого стало как-то не по себе. – Это совпадает с твоей версией?

– Да! – воскликнула Иоланта. – Знаешь, когда я пыталась с этим разобраться, то перелопачивала на всякий случай все мифы и легенды. И однажды поняла: единственная легенда, которая подходит, это легенда о том, как боги разделили людей на две половинки в наказание за то, что люди были сильнее и счастливее самих богов. Тогда я подумала: ну не могли же в самом деле существовать четвероногие и двухголовые люди. Это непродуктивно, они и двигаться бы толком не умели. И я решила, что существовала другая связь, более тонкая. Ну, ты понял.

– Почему мне не сказала?

– Зачем? – скривилась Иола. – Ты бы ржал, как дебил. Зато теперь все будет просто замечательно!

– Потому что сможешь расстаться со мной? – спросил я угрюмо. Конечно, я мечтал о том же самом, но ее ликование – это уж как-то чересчур.

– Нет, не потому! – резко ответила Иола. – Я даже не думаю об этом. Тем более это может случиться не скоро. Но ты только подумай, какие перед нами теперь откроются возможности! Я всегда мечтала, чтобы моя жизнь сложилась как-то необычно!

Нет, я, конечно, хотел того же. Но сейчас все мои мысли были о пропавшей сестре и об Иване. И конечно же, о Тасе. Я с горечью думал о том, найдется ли в моей новой жизни место для нее.

На следующее утро, едва проснувшись, я позвонил Тасе и спросил:

– Ну как Ванька?

– Он пришел в себя! – радостно закричала девочка. – Родители в шесть утра вернулись домой и сказали, что опасности для жизни нет. Хотя удар был очень сильный... Хорошо, у братца башка стальная.

– Иван сказал, кто на него напал?

– Нет, – сникла Тася. – Он не видел – его сзади ударили. Сказал только, что это точно был не ты. Но, кажется, полицейские ему не поверили.

– К нему приходили из полиции?

– Конечно, они ведь ищут Киру.

– И... – От волнения я не смог продолжать.

– Пока про нее никто ничего не знает, – жалобным голосом отозвалась Тася.

– Понятно, – сказал я. – Слушай, я звоню вот по какому делу. Сегодня за Иолой придут два человека: мужчина и женщина. Они ее заберут. Когда ты будешь в домике, чтобы открыть им дверь?

Тася, кажется, испугалась и растерялась, потому что несколько секунд молчала, а когда заговорила, ее голос сильно дрожал:

– М-мужчина и женщина? – переспросила она. – Родители? Они нашли ее?

– Нет, – ответил я. – Это не ее родители. Это люди, которые нам помогут. И ей, и мне.

– Но... но... им можно доверять? Иола ведь такая незащищенная, особенно когда спит.

– Хорошо, что она твоих слов сейчас не слышит, – усмехнулся я. – Ты не бойся. Им можно доверять на тысячу процентов.

Тася снова примолкла, но я чувствовал, что она хочет о чем-то меня спросить.

– А... ты сейчас в безопасности? – задала она свой вопрос. – Я увижу еще когда-нибудь тебя и Иолу?

– Конечно увидишь! – закричал я и почему-то почувствовал себя почти счастливым. – Я... мы будем неподалеку. Я буду звонить. А можно сегодня встретиться... не знаю, может, после обеда? Хочешь?

– Давай, – повеселела Тася. – Расскажешь мне, что это за люди и как они собираются вам помочь. Я сейчас иду в домик. Может, успею попрощаться с Иолой.

– Она же тебя не услышит.

– Ну, я напишу ей письмо.

Следующий мой звонок был родителям. Они не сказали мне ничего нового. От Киры не было никаких вестей, а в полиции все еще думали, что это я напал на лучшего друга и похитил сестру. Иначе почему нахожусь в бегах? Голос у отца был такой тоскливый, что у меня заныло в груди.

Соболь и его жена занимались тем, что в четыре руки наводили порядок в своей маленькой квартирке.

Было странно наблюдать, как они осторожно переставляют с места на место мебель, чтобы собрать всю пыль и грязь, – они, которые могли бы, наверное, выкорчевать весь дом вместе с фундаментом, окунуть в озеро, а потом поставить на место.

Я поздоровался и объявил, что за Иолой можно ехать. Они с удовольствием прекратили свои занятия, и мадам Софи взялась готовить завтрак. После Соболя сказал мне, что они с женой сначала отвезут меня в лагерь, а затем уже рванут за девочкой. Я не возражал, хотя сразу подумал о том, что останусь с тамошними ребятами один на один. Второй раз за пару месяцев окажусь новичком. Да еще мадам Софи заставила меня надеть старую куртку и кеды ее мужа, и вид у меня сделался совсем дурацкий. А если меня встретят так же, как в новой школе? Но конечно, я бы скорее язык себе откусил, чем высказал вслух свои опасения.

Мы стартовали часов в девять утра и через десять минут уже въехали в лес. Так я узнал, что приют «Подросток в беде» находится в нашем заповеднике.

Минут пять ехали по раздолбанной лесной дороге. Старенькая машинка громыкала на каждом ухабе. А потом впереди показался сплошной забор, не слишком высокий, но с земли за него не заглянешь. Соболь открыл ворота специальным пультом. От ворот среди елок петляла тропинка. Оставив машину у забора, по тропе мы и вышли на большую поляну.

Я увидел низкое длинное здание с плоской крышей и маленькими окошками. Выглядело оно довольно скучно. Неподалеку от нас группка ребят перебрасывала друг другу мяч. Их всего-то было человек пять, среди них одна девочка и совсем мелкий мальчишка лет десяти. Но играл он наравне со всеми. Правда, мне почему-то показалось, что играют они без особого удовольствия, просто чтобы время провести. В сторонке от них сидели прямо на снегу парень и девушка постарше, лет, может, семнадцати. Они резались в карты.

Пока мы шли через поляну, один из парней вдруг оглянулся, а в следующий миг сильным ударом послал мяч прямо в меня. Я поднял руки, чтобы его отбить, но тут мадам Софи шагнула вперед и выставила ладонь. Мяч ударился об ее руку, однако не срикошетил, а упал прямо на землю. И я почувствовал, как поляна содрогнулась под моими ногами, словно началось землетрясение.

– Васильев! – завопил Соболь в адрес ухмыляющегося парня. – Я тебя предупреждал! Думаешь, не выгоню из лагеря?!

– Оставь его, Эрик, – мягко произнесла мадам Софи. – Наверное, ему надоела Хонг, и не терпится таким образом от нее избавиться.

Мальчик перестал улыбаться и свирепо покосился на мадам.

– Ладно, давай знакомься с ребятами, а мы скоро вернемся, – сказал Соболь и подтолкнул меня в спину.

Когда я обернулся, его с женой на поляне уже не было. Без особого желания я поплелся в сторону играющих. Проходя мимо мяча, попробовал пошевелить его ногой, но он оказался чудовищно тяжелым, словно отлитым из железа.

Парень, который меня чуть им не убил, подошел, легко подхватил мяч и отправил его в сторону остальных. А потом сказал:

– Слушай, пацан, извини, не знал, что ты в ауте. Эрик вроде грозился, что сразу двоих привезет.

– Как это – в ауте? – спросил я.

– Ну, вдали от своей половинки. Они за ней поехали?

Я кивнул. Парень протянул мне руку:

– Я – Дима. Дмитрий Васильев. Учился бы сейчас в восьмом классе, если б сюда не попал. А ты?

– Алексей Громов, – представился я и крепко пожал протянутую руку. – Тоже в восьмом.

– Неважно, тут этих глупостей с классами не наблюдается! Ну, двигай к дому, я тебе все покажу.

Мы подошли к длинному зданию, и тут я понял, что оно мне напоминало. У родителей на фотках, где они в пионерском лагере, я видел точно такие длинные бараки. Возможно, когда-то это и был лагерь. Мы поднялись на невысокое крыльцо и вошли в длинное, узкое помещение.

Здесь были кровати типа больничных, в два ряда. И такие же тумбочки рядом с ними. Пахло сыростью и мокрыми досками. На некоторых кроватях валялись какие-то вещи. На одной тумбочке лежала книга, на другой – тюбик зубной пасты и перепачканная щетка.

– Занимай свободную, – гостеприимно предложил мне Васильев. – Кидай свои вещички.

– Да у меня и вещей нет, – сказал я.

– Черт, а я и не заметил! – удивился парень. – Ну, потом положишь, вон хотя бы на койку у стены. Хотя, мобильник же у тебя есть? Вот его и оставь, все равно внизу не ловит. И куртку, там жара.

– Где – там? – спросил я.

Дима просто расплылся в улыбке:

– А ты решил, мы по правде тут живем? Нет, это все для отвода глаз, если опять пожарные или санэпидстанция прикатят. А нам – туда.

Он носком ботинка потыкал в пол, и я заметил под его ногой небольшое кольцо, не больше тех, что носят на пальце. Дима сунул указательный палец в кольцо – и вдруг легко выхватил часть пола. И я увидел квадратный люк, в котором была чернота.

– Там лестница, – сообщил Васильев. – Но лезть по ней задолбаешься, слишком глубоко. Могу помочь с транспортировкой.

Я понял, что он имеет в виду, и потряс головой. Потом сел на край люка, нащупал в темноте железные ступени и начал спускаться. Скоро руки у меня занемели, а дна все еще не было. И ни единого лучика света снизу. А потом исчез и тот, сверху: люк с грохотом захлопнулся. Тут же мимо меня пролетело что-то большое, крепкие руки оторвали меня от лестницы, и через мгновение я снова стоял на земле.

– Прости, друг, но ты бы по этим ступенькам часа два полз, – услышал я в темноте смеющийся голос Димы. И только вздохнул в ответ.

Кругом царил тьма. Я пожалел, что оставил наверху телефон, – сгодился бы как фонарик. Но потом услышал шаги и легкий скрип и ослеп от яркого света, хлынувшего в маленькую дверцу.

– Чего стоишь, пошли! – Васильев подтолкнул меня в плечо, и я буквально вылетел... наружу?!

Тут уж у меня совсем крыша съехала. Я бы подумал, что каким-то чудом вновь оказался на улице, если бы не одно явное отличие: на улице стоял дубак, и земля завалена снегом. Здесь же под ногами стелилась изумительная зеленая травка, вокруг росли деревья, а все это заливал солнечный свет. Я запрокинул голову и обнаружил над собой сияющее золотом небо. Как если бы солнце вдруг взорвалось, распалось на кусочки и заполнило все вокруг.

– Где мы? – пролепетал я.

– Под землей, ясный перец, – ответил Дима.

– А что там, сверху?

– Ну, это такие лампы специальные, – расплывчато пояснил парень. – Не знаю, как они устроены, но эффект от них, как от солнца, даже круче. Смотри не обгори с непривычки.

Если мы и были в подземелье, то оно было просто огромным. Я видел вокруг какие-то лужайки, огороды и даже стадо коров и коз вдалеке. Деревья были так здорово посажены по периметру, что земляных стен совсем не было заметно.

– Кто это строил? – спросил я. – Ведь это же просто невероятно!

– Почему невероятно? – Дима пожал плечами. – Ты видел парочку, что на поляне резалась в картишки? Так вот для них такое подземелье – неделя работы. Чем им еще заняться? В мяч им играть скучно, да, по правде говоря, на них и мячей не напасешься. Только строили это не они, а те Соединившиеся, кого Эрик Ильич нашел первыми. Для них это было вроде физкультуры. А потом они наткнулись на такое, о чем даже Соболев не мог догадаться...

Дима покосился на меня – наверняка ждал, что я буду умолять о продолжении рассказа. Но мне уже надоело чувствовать себя придурком, который только трусит и удивляется, так что я решил молчать. Все равно со временем сам все узнаю. Васильев, кажется, обиделся немного, сунул руки в карманы и пошагал через луг. Я зашел следом.

Мы прошли мимо коров и двух лошадей, гнедой и белой, мимо огородов и парочки деревянных домишек и уперлись в земляную стену. Стена была невероятно ровной и утрамбованной, а в ней – дверь. Через нее мы попали в длинный коридор. Здесь стены были выложены камнем, и выглядело это очень круто. Словно в каком-то старинном замке. Длинные лампы тянулись вдоль всего коридора, наполняя его мягким светом.

– Вот, типа тут мы и обитаем, – сообщил Дима. – По этому коридору расположены классы и жилые комнаты. Нас пока здесь мало живет, так что есть из чего выбрать. Сейчас этим займешься?

– Успеется, – отмахнулся я. – Лучше покажи, что тут еще.

– На самом деле подземелье не очень большое, – предупредил Дима. – Только главная поляна огромная. Есть еще одна, там река течет, можно купаться, рыбу ловить. Мы даже летом все больше тут сидим. Это сейчас нас Соболь на улицу гонит. А то неделю назад какая-то комиссия была, так тетki все удивлялись, что мы такие загорелые. Пока мадам им не соврала, что спонсоры нам всем подарили абонементы в солярий. Представляешь?

Он жизнерадостно захохотал. Мы уже прошли коридор насквозь и снова уперлись в стену. Здесь тоже была дверь, но только очень странная.

Во-первых, она была круглая и сильно напоминала крышку от бочки. Во-вторых, огромная, в три человеческих роста. Сделана из дерева и сверху обита железом. Засовов было четыре, каждый с мою руку, и они все были направлены в разные стороны. Посередине находился какой-то механизм, который, видимо, позволял открыть все четыре засова разом.

– А что там, за дверью? – спросил я.

Дима нагнал на лицо выражение одновременно загадочное и зверское, немного помолчал, а потом шепнул мне в самое ухо:

– Что там, спрашиваешь? Да там такое, что тебе и в самом кошмарном сне не приснится! Вот на них и наткнулись те, кто строил убежище.

Я невольно попятился и подумал, что засовов могло быть и больше. И еще мне очень захотелось оказаться на поверхности земли.

– Там правда кто-то есть? Кто-то живой?

– Там? – захихикал Васильев. – Да они везде! То есть, можно сказать, наш пол – это их потолок. Поэтому наши ребята долго не знали о них, пока не напоролись на воздуховод.

– И после этого вы продолжаете здесь жить? – прошептал я, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. Хорошо Диме, он хоть при своей силе и скорости, а я в случае чего даже убежать не сумею.

Глава семнадцатая. Первые уроки под землей

– Да ладно, не дрожи! – совсем развеселился парень. – Никаких чудищ там нет. Но всегда приятно пугануть новичка.

Я немного расслабился.

– А за дверью – просто шахта лифта. К нам на этом лифте всякие гости приезжают.

Я снова запаниковал: что ж это за гости, которые приходят из-под земли?

– Какие гости? – спросил я. – Хорошо трепаться, скажи толком, кто живет под нами?!

– Древние, – с какой-то особой интонацией произнес Васильев. – Тебе же Соболев наверняка исполнил любимую песню о том, как прекрасен был мир в стародавние времена, когда его населяли всякие невообразимые создания. Было?

– Было, – кивнул я.

– Ну вот, только он-то думал, будто они давным-давно уничтожены. И что уцелели только мы, потому что похожи на обычных людей. У Древних, конечно, тоже есть такие, кого можно принять за людей, но только на пару секунд и издалека. Так что у них не было шансов. И вдруг оказалось, что некоторые все-таки сумели выжить. Они построили здесь свои подземные города, думали, в этих местах никогда не возникнет цивилизация. Потом, конечно, у них начались проблемы. Но пока ничего, держатся.

– А к нам они как относятся? – не утерпел я.

– К нам – нормально. Мы же их братья по разуму, забыл? Это они дали нам искусственное небо и еще много чего. Правда, вначале они решили, что мы встанем на их сторону, когда начнется решающая битва.

– Битва... с кем? – поперхнулся я воздухом.

– С людьми, естественно, – как ни в чем не бывало заявил Васильев. – Им же неохота вечно сидеть под землей. Только мы им популярно объяснили, что выросли среди людей и воевать против них не станем. А главное, даже если бы нам охота была повоевать, мы все равно не можем этого сделать. Ну, ты знаешь почему...

– Не знаю, – честно признался я, сгорая от любопытства. – Почему?

Тут Дима глянул на меня искоса и некоторое время словно бы боролся с собой. Потом с сожалением произнес:

– Нет, если тебе Ильич об этом еще не сказал, то и я не стану. Он же у нас босс, верно? Узнаешь в свое время.

Потом резко развернулся на пятках и воскликнул:

– Ладно, пошли тебе комнату выбирать!

Выбор пещеры для проживания не занял много времени, потому что я остановился на первой же, какую показал мне Дима.

Она была раза в два больше моей комнаты в родительском доме, и в ней оказалось все необходимое для жизни. Отсутствие окон компенсировал мягкий и теплый свет особых ламп. Здесь и намек не было на сырость или затхлость. Да хоть бы они и были – за последнее время я ко всему притерпелся. Не это сейчас меня волновало.

– Слушай, – спросил я, когда мы сели за стол пить чай (в пещерке был небольшой закуток со всем кухонным оборудованием). – Тут вообще как с режимом? Могу я отсюда уйти, когда нужно, или должен кого-то ставить в известность?

Дима поперхнулся чаем и уставился на меня, как на идиота. Потом спросил:

– Я не понял, зачем тебе отсюда уходить? Тут отлично!

– Ну, понимаешь, я ведь живу в этом городе, – сказал я. – До зарезу нужно кое-кого повидать.

Но Дима продолжал таращиться на меня, и мне стало очень-очень не по себе. А вдруг отсюда вообще нельзя уйти, никогда? Я же теперь вроде как посвященный, может, дальнейшая жизнь будет протекать в этом подземелье?

– Не, уйти ты можешь в любой момент, тут не тюрьма, – утешил меня Васильев. – Только я все не врубаюсь, зачем тебе это нужно.

– Да как зачем?! Родителей повидать, друзей! – вскричал я, пораженный его тупостью в этом вопросе.

Дима с сожалением покачал головой:

– Ну, это ты зря, брат! Тебе надо с ними рвать, а с родителями так в первую очередь. Здесь у всех ребят есть родители, только все уже от них отошли понемножку. Я, например, сообщил своим, что поступил в Питере в Суворовское училище, потом писал все реже и реже, а после совсем прекратил. Может, они до сих пор думают, что я в училище парюсь.

– Зачем?! Почему нужно рвать с родителями?

– Да как ты не понимаешь? – разозлился парень, даже губы у него побелели. – Само наше существование – это угроза для них. Тебе что, плевать на предков? Конечно, они здорово огорчатся и все такое. Но зато будут живы и здоровы. Ты будь доволен, что до сих пор все обошлось... И не тани с разрывом.

– Не знаю, обошлось ли, – прошептал я. – У меня сестра пропала.

– Блин! – Парень выразительным жестом хлопнул себя по лбу. – У тебя еще и сестра есть?! Вообще абзац! Сочувствую. Они наверняка до нее уже добрались.

– Да кто до нее добрался?!

– Не знаю, – вздохнул Дима. – Инквизиция, к примеру. Или еще кто похуже.

Слушая его, я, сам того не замечая, уцепился в волнении за край стола. Громкий хруст – и в моих руках остался солидный кусок дерева, а по столешнице побежали трещины. Дима успел подхватить свою чашку и невозмутимо заметил:

– О, похоже, твою половинку уже привезли. Пойдешь к ней?

– Нет! – Я вскочил на ноги. – Мне срочно нужно в город! Вечером вернусь, расскажешь, что ты знаешь об этих... которые мою сестру украли!

И я бросился к лестничной шахте. С подъемом никаких проблем не возникло: я просто взлетел по лесенке, едва касаясь перекладин. Оказавшись наверху, позвонил Тасе – и только тогда, кажется, перевел дух, когда услышал в трубке ее тихий голос. Мы договорились встретиться через пятнадцать минут у моей школы. Мне необходимо было своими глазами убедиться, что с ней все в порядке.

Забор я перепрыгнул с ходу. Я бежал и думал о том, что если бы моя сестра не находилась неизвестно где, я бы сейчас чувствовал себя довольным. Да что там – был бы счастлив по уши! Новый, удивительный мир открывался передо мной, и я больше не был больным придурком с задатками монстра.

– Ну и что ты об этом думаешь? – на ходу спросил я Иоланту.

«Думаю, что ты – безответственный идиот!» – тут же ответила она.

Да кто бы сомневался! Я, конечно, совсем не огорчился, но уточнил:

– И почему на этот раз?

«Когда ты начнешь слушать, что говорят тебе другие люди?! – тут же набросилась она на меня. – Разве тот мальчик, Дмитрий, не сказал тебе, что не стоит больше встречаться с друзьями? Почему бы не послушать его?»

– Да потому что он ничего толком не объяснил! – огрызнулся я.

Иола просто зашипела на меня от злости:

«Не объяснил?! Да ты убежал, чтобы ничего не слышать! Думаешь, проблемы не существует, пока ты о ней не знаешь? Соболь приехал в лагерь, тебе всего-то нужно было подойти

к нему или к мадам и спросить, можно или нельзя тебе встречаться с друзьями. Я бы на твоём месте именно так и поступила!»

– Да? А по-моему, тебе просто это не нужно, – сказал я, чувствуя, как раздражение волнами расходится по телу. – Мои друзья для тебя – пройденный этап, теперь тебе интересно в том мире, и ты злишься, что я тебе мешаю!

Июла несколько минут молчала. Неужели впервые в жизни задумалась над моими словами? Значит, я попал в точку. Я уже выбежал из леса, когда она сказала:

«Все-таки ты мог просто пообщаться с Тасей по телефону. А мы бы тем временем еще что-нибудь узнали о нашем новом доме. И перейди на шаг, придурок, на тебя люди смотрят!»

Тася меня уже ждала. Она переступала с ноги на ногу и выглядела такой грустной, замерзшей и одинокой, что у меня сердце оборвалось. А вдруг с Ванькой неладное? Я приблизился к ней в два больших прыжка, и она вздрогнула от моего такого эффектного появления. Потом улыбнулась – не слишком-то весело.

– Что-то еще плохое случилось? – спросил я. – Ване хуже?

Тася покачала головой:

– Нет, с ним все хорошо. Даже перевели в общую палату. Врачи сказали, что у него необыкновенно сильный организм.

– Ну, здорово! – обрадовался я. – Жалко, мне нельзя его навестить. А... чего ты грустишь?

Тася подняла на меня глаза, и они показались мне озерами с прозрачной водой. Мгновение спустя я понял, что они полны слез.

– Что? – перепугался я. – Что-то узнала о Кире?!

Она поспешно затрясла головой:

– Нет-нет, ничего! Я надеюсь, что твою сестру скоро найдут!

– Так почему ревешь?

– Из-за Июлы. Мне было так грустно и тяжело, когда те люди забирали ее. А я даже не могла спросить, хочет ли она, чтобы ее увозили, не страшно ли ей...

– Вот уж насчет этого не беспокойся! – Я даже засмеялся от такого предположения. – Она совершенно счастлива!

– А еще я очень огорчаюсь из-за Вани, – продолжала Тася. – Пока меня к нему не пускают, и я даже рада этому. Ну как я ему скажу, что Июлу увезли? Даже думать об этом страшно. Знаешь, мне кажется, Ванька влюбился в нее. По-настоящему.

– Чего?! – Я чуть не сел в сугроб от такого предположения. – Чтобы Ванька влюбился?! Да он же ненавидит девчонок!

– Всех остальных, – уточнила Тася. – А Июлой он всегда восхищался. И потом, он очень изменился в последнее время. Я что-то такое заподозрила еще до того, как увидела Июлу.

– Как ты могла заподозрить? – резко произнес я. – Сама, что ли, была влюблена?

Тася вскинула на меня глаза, наверное, пораженная моим тоном. Я видел, что она уже жалеет об этом разговоре.

– Нет, я никогда еще не влюблялась, – просто ответила она. – Но знаю, что люди сильно меняются, когда с ними это случается.

Я почувствовал себя последним идиотом. А еще – разочарованным идиотом. И пробормотал:

– Прости меня, Тася. Сам не знаю, чего я на тебя набросился. Ты такие странные вещи говоришь...

– Если бы я знала, что мы хоть иногда будем встречаться с Июлой... – начала она, но вдруг ужасно покраснела и прошептала: – Ой, ведь она нас сейчас слышит, да?

Я кивнул и со злорадством в голосе предложил:

– Можешь сама ее спросить, будете вы видаться или нет. Это ведь не от меня зависит, правда?

Тася смотрела на меня остановившимся взглядом и то краснела, то бледнела попеременно. Я понимал, что она просто не может обратиться вот так, в пустоту.

«Прекрати над ней издеваться, садист проклятый! – рявкнула Иола. – И быстро скажи, что я обязательно встречу с ней и Ванькой, если будет такая возможность. Особенно если мне удастся освободиться от тебя...»

– Она говорит, что будет рада встретиться с вами, – сказал я.

– Спасибо, Иолочка, – опуская глаза, пробормотала Тася.

Больше говорить нам вроде было не о чем. Хотя, что я вру – я бы хоть вечность еще болтал с Тасей. Но только если б нам удалось остаться наедине, а это, похоже, случится еще не скоро. Я подумал, что сегодня же вечером обсужу с Соболем план действий по разрыву нашей с Иолой чудовищной связи.

Думая об этом, я довольно холодно простился и отправился в мой новый дом под землей.

Однако поговорить с Эриком Ильичом в этот день мне не удалось: его просто не оказалось в подземном лагере. Я спросил о нем Диму, но тот только развел руками:

– Ну, Соболев не сидит на месте. У него ведь еще работа, больница, всякие разъезды.

– Куда это он все время ездит? – спросил я.

– Как – куда? – изумился Васильев. – Ищет таких терпил, как мы. Потому и работу не бросает, чтобы иметь возможность к ним подбираться.

– В смысле подбираться?

– Да ты напряги мозги! – скомандовал Дима. – Как, по-твоему, обычный человек может узнать о том, что какой-то ребенок почти все время дрыхнет и его невозможно разбудить? Или что кто-то видит странные сны, которые сносят ему башку? Только психиатр. Так он находит хотя бы одного из пары, а потом уже тянет ниточку к другому. Вот и со мной это было...

– Он тебя нашел? – заинтересовался я.

– Не меня. К тому времени мне уже не психиатр нужен был, а нарколог. Я видел Чан Тхи Хонг каждую ночь и понимал, что со мной все очень плохо. Однажды пацаны предложили кое-что, я попробовал – и впервые в жизни спал спокойно. Вот и вообразил, что смогу таким способом излечить себя от шизы. И вместо этого чуть не сделался конченным наркошей. А Соболев с женой в это время были во Вьетнаме на какой-то конференции, и там ему рассказали про Хонг. Он поговорил с ней, узнал про меня, отыскал, привел в чувство. А потом и ее сумел сюда привезти, вроде как на лечение. Не будь Ильича, я бы давно уже отдыхал на кладбище, – закончил свой рассказ Дима.

– Значит, они опять за кем-то поехали? – спросил я. – А мы как же?

– А что мы? Элементарно! Уроки старшие ребята проводят, все необходимое для жизни тут есть. Не дрейфь, не заскучаешь! – ободрил меня Васильев.

На следующий день с утра начались уроки. И поначалу они меня ужасно удивили.

Первым шел русский язык. Пещера, где мы занимались, была небольшой и очень походила на обычный класс с доской и четырьмя партами. А вот ребят было мало, и все разновозрастные, даже тот малыш, которого я вчера видел на поляне, присутствовал.

Пришел один из старших парней и начал по очереди вызывать нас к доске. Он просил написать какую-то заковыристую фразу, и все срезались. Малыша и девочку в очках, которая сидела рядом со мной, Борис даже приглашать не стал. Зато последнему мальчику, который вышел к доске, вручил справочник по русскому языку и велел читать вслух все подряд. А сам слинял.

Я просто обалдел. По-моему, в таком обучении не было ни малейшего смысла. И я сказал шепотом той самой темненькой девочке в очках, своей соседке:

– Здесь что, нет нормального ксерокса, чтобы хоть не на слух учить?

Девочка в ответ робко улыбнулась и прошептала:

– I don't understand, sorry.

Тут я окончательно перестал что-либо понимать, просто сидел и тупо ждал конца урока. Он длился около часа – за это время была прочитана четверть учебника – и закончился с возвращением Бориса, который велел нам идти в спортивный зал.

Зал оказался огромный, со множеством спортивных снарядов и просто вещей, вроде как не имеющих отношения к спорту. Например, шкаф со всякими стеклянными штучками. Пока мы осматривались, девочка, которая сидела рядом со мной на уроке, вдруг коснулась моего плеча и произнесла, смущаясь:

– Я теперь немного могу говорить по-русски. Ты имел какой-то вопрос ко мне?

Я даже отпрыгнул от нее, так поразился. И налетел на Диму Васильева, который на русском не был.

– Слушай, почему уроки такие тупые? – спросил я, поворачиваясь спиной к девочке, которая смотрела на меня с недоумением. – Зачем нужно было читать какой-то учебник? Так ведь ничего не выучишь.

Дима жизнерадостно заржал на весь зал, а следом заорал:

– Ну ты даешь! Да ведь ты теперь каждую букву помнишь из этого учебника! Так уж у нас мозги устроены – все запоминаем с одного раза! Конечно, когда наши половинки рядом.

И тут я осознал, что действительно могу воспроизвести по памяти любую фразу из услышанного на уроке. Это было что-то невероятное! Мне даже захотелось еще раз оказаться в моей прошлой школе. Вот бы поразились учителя и одноклассники! Еще и на медаль не поздно выйти!

Но тут пришлось переключиться на урок физкультуры, если можно было его так назвать. Я быстро сообразил, что нашей задачей было не развивать себя физически – куда ж еще развиваться! – а научиться скрывать свою силу. Сначала мы занимались с настоящими спортивными снарядами, гириями и штангами, которые, наверное, ни один самый прославленный на земле спортсмен не сумел бы оторвать от земли. Я же, честно сказать, даже не ощущал их веса, словно они были резиновые.

А задание было сложное: нужно было угадать, сколько примерно эта штука весит, и повести себя согласно ситуации. То есть или не поднять вообще, или изобразить такие усилия, чтобы все поверили, будто ты надрываешься.

Вела урок старшая девочка, Милена, половинка Бориса. Сначала она подробно нам все объяснила, даже показала таблицу, в каком возрасте и при каком уровне подготовки какую тяжесть возможно поднять. Теорию я, конечно, усвоил, но в остальном не очень преуспел. Мне так и не удалось почувствовать реальный вес гирь, которыми раз за разом пуляла в меня Милена.

Наконец, по полету снаряда я смог угадать, сколько примерно он может весить. Схватил гирю на лету и вроде очень правдоподобно изобразил, как у меня подкашиваются ноги, переламывается поясница, и сам я вслед за гирей обрушиваюсь на пол.

Десятилетний Вовчик залился счастливым смехом, а Милена закричала:

– Не верю! Зачем так кривляться, неужели непонятно, что от такого веса первыми разжались бы пальцы и гиря упала?

Без тебя. А главное – зачем вообще ее ловить? Нужно было просто отпрыгнуть в сторону!

Я почувствовал себя полным придурком. Следующее задание на первый взгляд показалось куда проще, я даже обрадовался, что смогу немного реабилитироваться. Меня поставили в пару с очкастой девочкой (выяснилось, что ее зовут Бриджит и она прибыла в лагерь всего на день раньше меня) и велели перебрасывать друг дружке всякие хрупкие предметы вроде стеклянных вазочек, деревянных коробочек и старых мобилок. Боюсь, через полчаса запас таких

предметов сильно уменьшился, и в этом не было никакой вины Бридж. Хорошо еще, что, когда я раскокал последнюю вазу, в дверях возник Соболев и бодро объявил:

– Так, господа атланты, поднимаемся наверх и в течение получаса очень правдиво изображаем слабых и несчастных подростков. Очередная комиссия.

Все ломанулись к выходу. Я хотел присоединиться, но Эрик Ильич поймал меня за плечо и сказал:

– Ты как раз останься, поскольку пока на нелегальном положении. И вообще старайся в ближайшее время поменьше мелькать наверху, особенно в городе.

– Но моя сестра... – начал я.

– Я делаю все, чтобы узнать, что с ней случилось, – отрезал Соболев. – Ты все равно ничего для нее сделать не можешь. Так что зря не рискуй.

Через час уроки возобновились. Следующим в этот день был английский, и на этот раз учебник читала Бриджит. К концу занятия я обнаружил, что могу вполне прилично изъясняться на языке, урок которого в обычной школе всегда был моим худшим кошмаром. Последним же было потрясающее занятие, на котором Эрик Ильич рассказывал нам об артефактах и древних рукописях, которые никто не смог расшифровать. Никто, кроме Соболева, разумеется.

В конце дня мы собрались в большой столовой, немного побалдели, пока дежурный по кухне не начал разносить стаканы с каким-то напитком. Странно, ведь мы уже пили чай. Когда я получил свой стакан, то прежде всего понюхал густой темный отвар. Он пах травами. Что-то похожее готовила для меня мама – от нервов, как она говорила.

– Зачем это? – спросил я Васильева, который уже опустошил свой стакан. – Лично мне и чая хватило.

– Нет, ты должен это выпить, – с нажимом произнес он.

И я подумал: ну вот, начинаются сюрпризы.

– А если не хочу?!

Васильев пожал плечами:

– Тогда тебе придется разбираться со своей половинкой. На некоторые занятия ее просто не допустят.

– Почему?

– Ну, прикинь, будет она швырять гири в зале, а тут ты – бац! – и проснешься. А она – наоборот. Что может произойти? Мы, конечно, ребята крепкие, но не бессмертные, и травму получить вполне можем.

– А эта гадость при чем?

– При том, что когда ты ее выпьешь, то будешь спокойно спать до подъема без риска проснуться. Никакой химии там нет, так что связь не прервется. Этот рецепт Соболев отыскал в одном древнем свитке, его еще наши предки использовали. Кстати, если выпьешь двойную дозу, то поменяешься сменами со своей половинкой. Так иногда делается, чтобы ребята в лагере могли перезнакомиться друг с другом. Но надо с Ильичом согласовывать...

После такого внушения я, конечно, выпил настой и сразу ощутил во всем теле приятную усталость, так что едва успел раздеться и нырнуть в постель.

Прошла неделя моей жизни в лесном лагере «Подросток в беде». Конечно, сам я себя в беде больше не ощущал. Хотя все еще оставались вещи, которые тревожили меня и наяву, и во сне. Во-первых, моя сестра так и не нашлась, и голоса родителей с каждым днем звучали в трубке все отчаяннее. Во-вторых, меня, как и в детстве, всякий раз пугала перспектива отхода ко сну. Хорошо хоть, настой из трав не оставлял никакого выбора.

Нет, я не боялся снова услышать угрозы Иолы или увидеть ее слезы. Теперь-то у нее все было просто замечательно. Только она сама с каждым днем все сильнее раздражала меня.

Я был поражен, как быстро Иоланта сумела стать лидером в своей смене. Все остальные ребята просто бегали за ней хвостиками и прислушивались к каждому ее слову. Ну, вполне понятно, почему к ней так липла робкая Хонг, половинка Васильева. Но даже грубоватый и насмешливый Саня Афанасенко, половинка Бриджит, явно оставался в тени Иолы.

Со всеми занятиями она справлялась блестяще, в спортивном зале была первой. А в свободное время без конца возилась с маленькой Лейлой – половинкой Вовочки. Девочка отчаянно скучала по своей семье и выглядела счастливой только тогда, когда Иола читала с ней книжки или просто болтала.

Мне от всего этого было тошно. Попробуйте смотреть бесконечный сериал про самую успешную девочку на земле – озверееете через день.

Вдобавок ко всему я крепко запомнил слова Эрика Ильича: у каждой половинки есть то, чего не хватает другому. И всякий раз думал: если мне не хватает всего, что есть в Иоле, то как это меня еще хоть кто-то воспринимает всерьез.

Глава восемнадцатая. Кое-что новое о моей сестре

Сегодня был мой самый любимый урок – урок истории, который вела мадам Софи. Я узнал уйму интересного о древних народах и о том, какие версии их происхождения существуют. И о том, что все эти версии не выдерживают никакой критики.

– Возможно, мы никогда не узнаем, каким образом пришли на эту землю и как сделали по ней первые шаги, – внушала нам мадам. – Главное, что мы жили достойно и в мире с другими расами. Люди – я имею в виду тех, кто сейчас населяет землю, ибо человеком мы называем любое существо, наделенное свободной волей, – тогда были дики и примитивны. Древние помогли им пережить потоп и ледниковый период. Показали, как строить укрытия, дали орудия труда и простейшие средства гигиены. Именно Древние участвовали в операции по грандиозному расселению народов. Каждой расе была подобрана подходящая среда обитания. Думаю, наша роль в этом процессе была очень важна, потому что именно атланты первыми начали строить летательные аппараты, рассчитанные на перевозку больших грузов.

Трудно понять, почему вдруг люди взбунтовались против Древних. Возможно, это было сродни бунту подростков против родителей. Наша вина и беда в том, что поначалу мы не придали этому особого значения. Древние не попытались себя обезопасить – и поплатились за это. Людям удалось завладеть их оружием и техникой, а затем обратить ее против создателей.

Конечно, мы не остались в стороне. Все чаще нам приходилось эвакуировать Древних из тех районов, где их теснили люди, строить для них первые убежища вроде того, что сейчас находится у нас под ногами. К настоящему времени почти все они обнаружены и покинуты. Ибо на смену не очень организованному, хотя и весьма агрессивным толпам пришла Инквизиция.

Мне показалась, что мадам Софи содрогнулась, произнеся это слово. Странно, ведь это было в далекой древности. Хотя... от Димки я уже слышал что-то подобное. Я наострил уши.

– Когда возникла Инквизиция, Древних уже оставалось совсем немного. По крайней мере на поверхности земли. Тех, кто пытался жить среди людей, уничтожили под предлогом охоты на ведьм. Инквизиция сумела проникнуть даже под землю, и Древним пришлось искать новые места для своих убежищ. Они снова обратились к нам за помощью. Когда убежища были построены, Древние предлагали атлантам поселиться вместе с ними. Но мы были слишком самонадеянны, полагая, что можем спокойно жить среди людей и они никогда не смогут нас вычислить. И это была наша роковая ошибка... Да, Бридж?

Я встrepенулcя и увидел, что Бриджит тянет руку, а ее лицо, обычно бледное, пылает от гнева. Получив разрешение задать вопрос, она почти прокричала:

– Но я не понимаю, почему мы с самого начала не помогли Древним по-настоящему?! Нет, я, конечно, против насилия, но ведь так нельзя! Мы равнодушно смотрели, как уничтожаются целые расы, вместо того чтобы поставить людей на место. Мы могли объявить войну Инквизиции и защитить свое право спокойно жить на земле. Почему же атланты повели себя так, будто их это не касается?!

– Я поняла твой вопрос, Бридж, – улыбнулась девочке мадам Софи. – Но ты сама частично ответила на него, произнеся слова «насилие» и «война». К сожалению, бескровных войн не бывает. Та великая сила, которая наделила всех нас столь различными качествами, – она же позаботилась о том, чтобы ни одна раса не имела слишком очевидного преимущества над прочими. И у расы атлантов, неуязвимой на первый взгляд, есть вполне разумное ограничение. Дело в том, что, если кто-то из нас совершает убийство – даже непредумышленное, – его связь со второй половинкой моментально разрушается!

– Половинка умирает?! – ахнула Бриджит.

– Нет, она остается жить. Распадается сама связь. А вместе с ней исчезают и все наши преимущества. Кстати, раз мы заговорили об этом, скажу, что именно этим воспользовались люди, чтобы уничтожить нашу расу.

– Каким же образом? – вмешался еще один парень, Марк. – Нельзя ведь заставить атланта совершить убийство, если он этого не хочет.

Мадам Софи выразительно вздохнула:

– Увы, существуют разные способы. У каждого атланта были друзья из других рас, в том числе среди людей. Добавьте к этому детей, чьи половинки далеко, и они еще не обрели своей мощи. И наши враги начали охотиться на них, чтобы использовать... как наживку. А когда атлант понимает, что в его силах спасти жизнь другу или ребенку, он не всегда в состоянии удержаться и не совершить непоправимое. Так столетие за столетием разбивались связи между половинками, и все больше атлантов рождались изначально опустошенными. Но об этом мы поговорим в следующий раз.

Урок закончился. Я вышел из класса и почувствовал себя... ну, мягко говоря, ошарашенным. Такого я точно не ожидал. Даже Иола не удержалась – вообще-то мы снова были в ссоре, и она со мной не разговаривала. А тут пропела в ухо с явной издевкой:

«Ну, дошло наконец, почему нам нельзя видаться с бывшими друзьями?»

– Они не бывшие! – обозлился я. Ведь я только и ждал момента, когда Соболь и мадам Софи куда-то уедут, чтобы смотаться из лагеря, повидать родителей, Тасю и Ивана. Я знал, что Ваньку уже выписали из больницы домой, и даже надеялся, что смогу пробраться к нему незамеченным. Не стерегут же меня менты день и ночь в нашем дворе.

«А я, между прочим, с самого начала что-то такое подозревала, – самодовольно продолжала нудеть Иоланта. – Обязательно должен был быть какой-то подвох. И Дима тебя предупредил. Но тебе ведь на всех наплевать!»

– Иола! – заорал я. – Опомнись! Это все происходило тысячи лет назад, в седой древности! Урок так и назывался – ис-то-ри-я! И не надо передергивать!

«Да? А почему тогда Васильев упоминал про Инквизицию, а?»

– Заткнись уже!

Никогда еще я так грубо не разговаривал с Иолантой. Но было невыносимо слушать, как она притягивает за уши что угодно, лишь бы удержать меня в лагере. Еще бы, ведь Ваня и Тася – просто люди, для нее теперь заурядные и неинтересные.

Некоторое время Иола молчала, и я уже готов был попросить прощения. Но вдруг она сказала:

«Ну, убей кого-нибудь, вот и освободишься от меня».

Я просто ошеломлен. Она сказала это так, будто в самом деле думала о чем-то подобном. И я спросил полупрошептом:

– Ты что, серьезно?

«А почему нет? Знаешь, если бы я узнала о таком варианте, когда еще лежала в больнице, – я бы о-чень серьезно задумалась».

Я все еще не мог двинуться с места. Мне было и страшно, и противно. Прошла минута. Иоланта вдруг расхохоталась:

«Ты что, поверил? Да я же разыграла тебя, дурака! Отомри!»

Я отмер и молча поплелся в сторону столовой.

Соболь что-то застрял в лагере, и я уже начал терять терпение. Но потом случилось нечто, после чего уже ничто не могло меня тут удержать. В перерыве между последним уроком и трудовым заданием (сегодня я должен был чистить наших подземных лошадок) я поднялся наверх и проверил свой мобильник. Там было полно звонков от родителей и, наконец, сообщение от отца: «Алеша, срочно позвони. Кира нашлась».

И я тут же бросился бежать в направлении города. По пути позвонил отцу. Он сразу схватил трубку. Голос его звучал как-то не слишком радостно, и мне стало не по себе. Я впервые подумал о том, что за это время с Кирой могло произойти что-то ужасное.

– Папа, можно мне прийти домой? – спросил я. – Там все спокойно?

– Боюсь, не очень, сынок, – вздохнул отец. – Давай лучше встретимся в городе.

И назвал место. Я был там уже через десять минут и едва дождался, когда подъедет папина машина.

Меня поразило, каким измученным и постаревшим он выглядел. И я сразу подумал о матери: ей, наверное, еще хуже, ведь женщины все переживают в десятки раз сильнее. Мне захотелось обнять отца, но вместо этого я спросил поскорее:

– Папа, как Кира? Она сама вернулась домой?

Отец покачал головой:

– Нет, ее нашли соседи. Она лежала на лестничной площадке этажом ниже нашего. Нам не сразу удалось привести ее в чувство. Даже отвезли в больницу. Слава богу, врач не нашел никаких повреждений. Но с тех пор она почти все время спит...

У меня размякли колени. То, о чем говорил отец, было так понятно и знакомо... но никак не могло относиться к моей сестре. Папа взял меня за плечо, возвращая устойчивость, и так странно на меня посмотрел... будто знал, что я что-то знаю. А потом продолжил:

– Врачи говорят, это следствие нервного потрясения, и волноваться не следует. Но Кира не рассказывает нам о том, что с ней произошло. Говорит, ничего не помнит... Слава богу, она не выглядит как человек, переживший кошмар.

– А как выглядит? – спросил я.

– Даже не знаю, как сказать... вполне счастливой, что ли. Нет, даже очень счастливой. Много смеется, стала больше общаться с мамой. Когда не спит, конечно.

Отец снова взял меня за плечо, заглянул в лицо:

– Скажи, сынок, ты что-то знаешь об этом... или, может, догадываешься?

– Да что я могу знать! – воскликнул я. – Я Киру еще даже не видел.

Выражение его лица стало просто мучительное. И отец сказал тихим, подавленным голосом:

– Знаешь, у меня такое чувство, что именно я виноват во всем, что происходит с вами – с тобой и с Кирой. Может, я вам передал какой-то бракованный ген, который теперь активизировался.

– Папа!

– Помнишь, когда ты был маленьким, ты рассказывал о девочке, которую видишь во сне? – продолжал говорить он. – Я тогда дал тебе таблетки и велел пить на ночь? Помнишь?

– Смутно, – соврал я.

– Вряд ли ты пьешь их до сих пор. И что, ты видел эту девочку уже в старшем возрасте?

– Почему ты спрашиваешь об этом? – пробормотал я, почти догадавшись, каким будет ответ.

– Знаешь, в детстве, стоило мне заснуть, я тоже видел во сне какую-то девочку. Она даже пыталась говорить со мной! Я был уверен, что схожу с ума, может, уже сошел. Но я не мог сказать об этом родителям. Ты помнишь дедушку и бабушку, они были люди старой закалки, с ними такое не обсудишь. И тогда я занялся самолечением. Прочитал в каком-то медицинском справочнике, что пьют при психических расстройствах, купил то, что можно было купить без рецепта. И это помогло – я вообще перестал видеть сны. Потом я окончил институт и уже встречался с вашей мамой, когда мне вдруг невероятно захотелось еще раз увидеть ту девочку. И я перестал пить таблетки...

Я оцепенел в ожидании развязки, но отец молчал. Я видел, что на лбу у него выступила испарина, а глаза неподвижно смотрят мимо меня в пространство, и жутко перепугался.

– Что ты увидел, папа?!

Отец словно очнулся, сфокусировал на мне взгляд и сказал:

– Ничего. Я ничего не увидел. Конечно, я и прежде не видел снов, но это было другое. Это была пустота. Я тогда чуть с ума не сошел. Несколько лет был на грани. Только наша мама и сумела вернуть меня к жизни. – Он тяжело перевел дыхание и продолжил: – Когда ты рассказал мне о своих снах, я испугался. Долго думал, что тебе сказать. «Сынок, продолжай смотреть эти сны, иначе однажды тебе станет еще хуже, чем сейчас»? Невозможно. Я просто дал тебе те же таблетки, которые принимал сам, и понадеялся, что все обойдется. А когда начались эти странности с тобой, я подумал, что это как-то связано со снами. Связано ведь?

– Нет, – сказал я. – Конечно нет.

Под взглядом в упор я виновато опустил глаза.

– Врешь ведь. Не можешь сказать?

Я пожал плечами.

– А теперь вот Кира. Здесь ключевое слово – спит, как те девочки в наших снах. И что мне теперь делать?

Я чуть не разревелся, как младенец. Даже подумал, может, рассказать отцу все, что я знаю. А потом осознал: это не принесет ему никакого облегчения. Он только поймет, что меня он уже почти потерял, а происходящее с Кирой вообще не поддается никакому объяснению.

– Слушай, сынок, мы скоро переедем отсюда, – снова заговорил отец. – Думаю, после всего, что случилось, нет смысла здесь оставаться. Я уже снял квартиру в Питере. Обещай мне, что вернешься домой, как только будет возможность.

– А как насчет полиции?

– Утрясется. Я уже говорил с адвокатами. Так ты вернешься?

– Не знаю, – сказал я. – Возможно.

– Но тебе хоть нормально живется в этом приюте? Тебя не обижают?

Я усмехнулся. Знал бы папа, насколько трудно меня теперь обидеть. Кажется, он понял мою усмешку, потому что больше ничего не стал выпрашивать. Мы еще немного поговорили о домашних делах, потом отец вытащил из машины огромную сумку с моей одеждой и всякой всячиной от мамы. Мы попрощались.

Это было самое грустное прощание в моей жизни.

«Немедленно пойдем к Эрику Ильичу и все обсудим! – скомандовала Иола, едва отец уехал. – Может, ничего страшного, может, так бывает».

Но я не мог даже двинуться с места – такое отчаяние навалилось. Я понял, что должен увидеть Тасю, если хочу хоть немного оклематься. И набрал ее номер – под громкое фырканье Иолы.

Тася была на занятии вокалом, но сказала, что подойдет. Музыкальная школа находилась совсем рядом, и скоро я увидел, как девочка бежит ко мне через улицу. Пальто распахнуто, шарф торчит из рукава и волочится по земле. Я бросился ей навстречу, вытащил шарф и обмотал вокруг ее головы – на улице была холодина.

– Как хорошо, что ты позвонил! – задышавшись, выпалила Тася. – Уже знаешь, что Кира нашлась?

– Знаю.

Тася запрокинула голову и всмотрелась в мое лицо:

– Вид у тебя не слишком радостный. Не бойся, с ней все будет хорошо.

– Надеюсь. Мы скоро переезжаем, – сказал я и отвел глаза.

Но Тася даже обрадовалась:

– Вот это здорово! Тебе нельзя больше появляться в нашем дворе. В ту ночь сторож из магазина видел, как ты прыгнул из окна. Теперь все считают, что ты самый настоящий монстр. Еще начнут по тебе стрелять серебряными пулями.

– А что ты считаешь? – спросил я.

Тася легко рассмеялась.

– Ну, я же видела, как это начиналось! Нельзя стать монстром и даже не заметить.

Только тут я осознал, что мы бредем куда-то по снежной улице. Вдруг ужасно захотелось схватить Тасю на руки и отнести в лесной лагерь, показать, где я теперь живу, рассказать все без утайки. Может, я бы так и сделал, если бы не шипение Иолы, которая читала мои мысли, как открытую книгу. Я ограничился тем, что протянул Тасе руку – было очень скользко.

– Не оторвешь, как в прошлый раз? – лукаво спросила она.

– Не оторву! – заверил я. – С тех пор кое-чему научился.

Она с готовностью вручила мне ладошку, а потом спросила:

– Все-таки интересно, а вот эта твоя способность... ну, становиться жутко сильным – она все еще при тебе?

– Да, – сказал я. – Теперь я все время такой. Ты ведь, может, и сама догадалась: это случается, когда Иола рядом... то есть не слишком далеко.

Не знаю, может, мне показалось, но Тася после этих слов как-то утратила интерес к прогулке. Возможно, замерзла: мы гуляли на ледяном ветру. Она начала все чаще спотыкаться и дрожать. Мне ужасно не хотелось говорить, но пришлось:

– Наверное, возвращайся в школу, пока совсем не заморозилась.

Она тут же согласилась и отстранилась от меня.

– Хочешь, встретимся завтра на этом же месте, и я расскажу новости о твоей сестре? – спросила Тася. – Я хочу зайти к ней после школы. Конечно, мы не подружки, но при таких обстоятельствах... Придешь?

– Приду... – начал говорить я. И умолк. Вспомнились все предупреждения Димы и Иолы насчет того, что мне нужно поменьше встречаться с друзьями. – Вообще-то не знаю, – выдавил я из себя. – Вряд ли получится. У нас ведь в лагере каждый день занятия, и еще работа по хозяйству...

– Да? – ровным голосом спросила Тася. – Ну, конечно, тогда не надо.

Что-то в ее тоне мне ужасно не понравилось. Была в нем какая-то... отстраненность, что ли. Как будто я сказал ей, что через час уезжаю навсегда, а она тут же мысленно со мной простилась и решила не переживать больше по этому поводу.

Мы еще немного погуляли, но все уже было испорчено. Я лихорадочно соображал, как исправить положение. Я бы даже решился поцеловать ее – если бы такое в принципе было возможно. И просто проводил Тасю обратно к музыкальной школе. Через двадцать минут я уже спускался в родное подземелье.

Соболь работал у себя в кабинете, и я с ходу ворвался к нему. Вид у нашего директора был подавленный и усталый. Наверно, что-то у него не ладилось в последнее время, но мне сейчас было не до его проблем. И я заорал с порога:

– Эрик Ильич! А во взрослом возрасте могут проявиться такие странности, как у нас?!

Соболь оторвался от каких-то документов, глянул на меня пристально и уточнил:

– Странности?

– Ну, особенности, – поправился я. – Могут?

– Что случилось, Алеша? Боюсь, не очень понимаю, что ты имеешь в виду.

– Моя сестра нашлась, – сказал я. – Но, кажется, она превратилась в спящую.

Молчание. Я посмотрел на профессора – и его вид подсказал мне, что дело даже хуже, чем казалось.

– А это не может быть совпадением? – пробормотал он. – Сильное нервное потрясение может спровоцировать...

– Да, и врачи так говорят, – не дослушал я. – Но отец сказал, что у нее нет никакого стресса, она, наоборот, стала веселой, счастливой. И никому не рассказывает, где пропадала столько времени.

Соболь отодвинул в сторону бумаги и махнул рукой на стул:

– Садись, Алеша.

– Я не устал.

– Знаю! – раздраженно рявкнул он. – Понятно, что никто тут не устает, но мне как-то привычней говорить с сидящим человеком. Тем более разговор будет непростой.

– Значит, вы знаете, что с Кирой? – пробормотал я, падая на стул. – Ей можно помочь?

– Я не знаю, – сказал Эрик Ильич. – Правда не знаю. Я только слышал о чем-то подобном. Но считал вымыслом.

– А что вы слышали?

– Понимаешь, Алеша, наши пары иногда распадаются. Это возможно только в двух случаях: или одна из половинок погибает, или кто-то из пары совершает убийство. Софи уже говорила вам об этом?

– Да.

– Так вот, в мире нет ничего страшней участи атланта, потерявшего свою половинку, – торжественно и печально произнес Соболь. – Ты не прочитаешь об этом в обычных книгах, потому что в мире обыкновенных людей не существует привязанностей настолько мощных, как наша. Даже связь матери с ребенком не так сильна и всеохватна. Как ни ужасно звучит, но у женщины всегда есть надежда родить еще одного ребенка. А вот обрести еще одну половинку невозможно. Ну или почти невозможно.

– Значит, все-таки возможно?! – подскочил я на стуле.

– Конечно, люди всегда ищут варианты... Из древних книг я узнал, что среди нашего народа ходили рецепты обретения новой пары. Естественно, для этого нужно было найти человека из нашей расы, также свободного. Думаю, эти рецепты возникли в те времена, когда многие стали рождаться без пары. Согласно им, половинку можно было якобы привязать к себе при помощи неких снадобий и хирургического воздействия, совсем незначительного. Лично я не думаю, что такое возможно. Однако существуют легенды о Расколотых, которые ведут настоящую охоту... на подходящих атлантов.

– Вы думаете, кто-то попытался сделать такое с Кирой? – спросил я, леденея от ужаса.

Соболь только руками развел:

– Ну, кое-что и правда сходится. Кира твоя сестра, значит, она такая же, как ты, только рождена без пары.

– А вы сами лично знаете кого-то, кто потерял бы пару?

Тут лицо у Соболя стало такое несчастное, будто я случайно напомнил ему самое ужасное событие в его жизни. Я даже пожалел, что спросил об этом. Но он уже начал отвечать:

– Да, за годы моей деятельности мне пришлось столкнуться и с этим. Три года назад, вот так же зимой, я привез в наш лагерь мальчика. Ему тогда было как тебе – четырнадцать лет. Его половинка жила в одной беспокойной, вечно воюющей стране, и мне пришлось приложить много усилий, чтобы отыскать ее и договориться об отправке в Россию на лечение. Наконец все документы были оформлены, мы с Софи перевезли девочку в Питер и для начала поместили в больницу, в которой я работал. Они встретились. А потом случилось непоправимое. Девочку повезли на очередное обследование в другую больницу, где было новейшее оборудование, но... произошла автомобильная авария, и девочки не стало. Мы с женой были на конференции в другой стране и немедленно вернулись домой, чтобы как-то поддержать мальчика. Страшно подумать, ведь он видел, как она умирала. Но в лагере мы его уже не нашли. И никто из ребят не мог сказать, куда он ушел. Домой, во всяком случае, не вернулся. Я не думаю, конечно, что он имеет отношение к истории с твоей сестрой. Но могут быть другие, о которых я не знаю.

– Так если существует какое-то зелье, должно быть и противоядие, правда же? – спросил я с надеждой. – Или инструкция, что делать в таких случаях.

Соболь лишь руками развел:

– Алеша, я в принципе не уверен, что такой рецепт существует, а ты уже спрашиваешь о противоядии...

Моя голова лихорадочно работала. Я даже сам удивился, как четко начал соображать от страха за сестру:

– Но вы же наверняка прочитали все книги Древних, да? Значит, если такие рецепты сохранились, вы должны были на них наткнуться. А если не сохранились, то как кто-то сумел ими воспользоваться?

Директор с сожалением вздохнул:

– Видишь ли, я прочитал все книги, которые есть там, – указательным пальцем он сначала ткнул в потолок, а потом описал им круг. – Но я не прочитал и сотой доли того, что есть там, – палец на этот раз указал строго вниз. – Древние всегда трепетно относились к книгам, спасали их, как собственных детей. Там, внизу, гигантские библиотеки. Великий Жрец иногда присылает мне книги, но далеко не в том количестве, как мне бы хотелось. Вот такие дела.

Я понимал, что все пропало. Соболь мне ничего толком не сказал, значит, Кире уже не помочь. Но тут Эрик Ильич снова заговорил:

– Слушай-ка, Алеша, у вас после новогодних праздников будут каникулы, как у обычных школьников. Мы с женой уедем, Борис и Милена тоже – им надо устраиваться в большом мире. Чем шататься тут без дела, собери товарищей, и отправляйтесь на ознакомительную экскурсию в Нижний мир. Возможно, ты там что-то услышишь, с кем-то познакомишься... Слышал про теорию информационного шума?

Тут мне стало как-то не по себе. Конечно, ужасно, когда над тобой трясутся, к примеру родители, и не позволяют шагу ступить, потому что это может быть опасно. Но когда тебе говорят вот так прямо в лицо: иди куда хочешь и друзей прихвати, только не мешай мне заниматься делами, – это тоже не здорово. Наверное, у меня лицо вытянулось или челюсть отвисла, потому что директор легко прочитал мои мысли – и рассмеялся:

– Алексей, поверь мне, совершить экскурсию по Нижнему миру куда безопаснее, чем прогуляться ночью по городскому парку. Я уже несколько раз посылал туда ребят, и с ними никогда дурного не случилось. Конечно, не стоит соваться на окраины того мира – они опасны всегда и везде. Но я подберу вам надежного проводника, который станет присматривать за вами в четыре глаза. – Соболь весело фыркнул. – Причем, возможно, в прямом смысле слова.

Выходя из его кабинета, я четко сознавал, что психиатр ни черта не знает, как помочь моей сестре, а просто хочет, чтобы я отвлекся и чем-то себя занял. Что ж, я был ему и за это благодарен.

Я тут же начал прикидывать, кого из ребят позвать с собой. Собственно, выбора у меня особого не было: нас в лагере немного, а кто-то ведь должен был остаться со спящими и с малышкой. Конечно, в первую очередь я подумал о Васильеве. Он нравился мне, хотя дружить с Димкой оказалось делом непростым. Иногда он был готов дурачиться и болтать с утра до вечера. Но уже на следующий день вдруг замыкался в себе, набирал кучу книг в нашей нехилой подземной библиотеке и уединялся в компьютерном классе. А если и выходил в столовую, то к нему лучше было не лезть. Он уходил с подносом за отдельный стол и без конца о чем-то тихонько переговаривался со своей половинкой Хонг.

Другой парень, Марк Шапиро, нравился мне своим веселым характером и легким отношением к жизни. Но назвать его другом я бы не рискнул. Он обожал торчать в спортивном зале. Уж не знаю, что он там делал, похоже, мечтал стать еще сильнее, чем это предусмотрела наша природа. Разговаривали мы всегда о пустяках. Но я все-таки включил его в свой список.

Больше всего в лагере я, как ни странно, общался с Бриджит. Она тоже была все время занята, потому что увлекалась древними языками и за месяц изучила их сотню или две. Но всегда с готовностью откладывала книжки, когда я подсаживался к ней, и тогда мы часами болтали обо всем на свете.

На следующий день я поговорил с каждым по отдельности. Дима и Бридж, конечно, немедленно согласились отправиться в Нижний мир. Я честно предупредил их, что у меня есть свои особые цели в этом походе. Дима посмотрел на меня как-то странно, а Бридж – сочувственно, и оба еще раз подтвердили свою готовность.

Удивил меня Марк. Он долго раздумывал, а потом отказался, хоть и с явным сожалением. Я кивнул и отошел в сторону – ведь это его выбор. Но парень хотел объясниться. Он догнал меня и пробормотал:

– Только не думай, что я боюсь или что-то в этом роде. Но ведь ты в курсе, что мы потеряем силу, как только отдалимся от нашего лагеря? А мне ужасно неохота снова превращаться в слабака. Спасибо, наелся этого счастья!

Я удивился: не знал, что сила может быть самоцелью, мне, например, она прежде приносила лишь сплошные неприятности. Ладно, значит, отправимся в поход втроем.

Глава девятнадцатая. У кого сколько глаз?

Начались предновогодние хлопоты. Соболев и мадам Софи каждый день привозили коробки с продуктами для праздничного стола, хотя здесь, под землей, тоже всего хватало. Наши девочки собирали на огородах овощи и без конца что-то пекли и варили. Я знал, что в новогоднюю ночь мы ждем гостей, и, понятное дело, умирал от любопытства.

Но было кое-что, что ужасно меня беспокоило. Мне хотелось сделать Тасе на Новый год подарок, и не просто какой-то пустяк, а подарок со значением. Я не мог отделаться от чувства, что она начала отдаляться от меня, и надеялся это как-то исправить. Прежде мне никогда не приходилось покупать подарки девочкам, даже сестре родители всегда сами дарили что-то вроде как от меня. Пару дней я провел в мучениях, потом не выдержал и обратился к Иоланте.

Я заговорил с ней, когда она спала, чтобы хоть не видеть, какое у нее будет выражение лица. Но это слабо помогло: даже ее голос окатил меня безграничным презрением.

«Ты так и не понял, что тебе не стоит общаться с Тасей ради ее же безопасности? Да тебе никакие уроки на пользу не идут!»

– А при чем тут уроки? – защищался я. – Мадам Софи рассказывала про инквизицию, но она же не сказала, что нам надо ее опасаться. Наоборот, подчеркнула, что в России никакой инквизиции никогда не было!

«Это в Средние века, придурок! – рявкнула Иола. – Тогда на этой территории Древние еще не жили, не за кем было охотиться. А когда они все устремились сюда спастись, то и Инквизиторы подтянулись, будь уверен. И наверняка их потомки рыщут здесь до сих пор, ловят всех, кто не похож на человека».

– Если бы это было так, – защищался я, – то Соболев бы нас предупредил об этом. Многие ребята переписываются со своими семьями, и никто, кроме Васильева, не боится Инквизиции. А может, у Димки просто пунтик на этом, а?

Иола помолчала какое-то время, что-то обдумала, потом сказала:

«Если Эрик Ильич не говорит о чем-то, совсем не значит, что этого в природе не существует. Он вообще такой человек: не любит огорчать раньше времени. Я вот, к примеру, много раз спрашивала его, как произойдет, что мы станем Соединившимися. А он только улыбается и обещает потом рассказать. Значит, это или ужасно больно, или для этого надо совершить что-то запредельное. И он не хочет нас заранее травмировать, даже Бориса с Миленой уговорил ничего не рассказывать».

– Не хочешь помогать – так и скажи, и не надо трепать, – вздохнул я. И после обеда пошел в город, а там зашел в первый же магазин, где было больше народу. Ясно, что перед Новым годом все ломается туда, где продаются подарки.

Я долго бродил между витринами и с каждой минутой все больше впадал в отчаяние. Я даже не представлял, что из этих вещей может понравиться четырнадцатилетней девочке, да еще такой серьезной, как Тася. Через час Иола сжалась надо мной.

«Молчи и не реагируй, а то попадешь в психушку, – скороговоркой напомнила она. – Конечно, мне наплевать, но у меня уже в глазах мутит от этих побрякушек. Вернись на первый этаж, отдел у входа».

Я поскорее сбежал вниз и подошел к прилавку, где под стеклом лежали всякие украшения из разноцветных камней. И застыл, ожидая дальнейших инструкций.

«Отсчитай три ряда сверху, – командовала Иола. – Видишь, ровно посередине лежат бусы из круглых самоцветов? Они подойдут».

– Почему ты так думаешь? – одними губами прошептал я. Но продавщица тут же установилась на меня.

«В нашу последнюю встречу Тася была в новом свитере, но к нему не хватало украшения. Вот эти бусы туда точно впишутся. Я бы и сама ей это купила – если б могла».

– Подарю от нас обоих, – шепнул я.

– Ты что-то выбрал, мальчик? – встрепелась продавщица.

Мучаясь от неловкости, я указал ей на разноцветные бусы и зачем-то соврал, что покупаю их для сестры. В последний момент Иоланта успела напомнить насчет праздничного пакета.

Едва держась на ногах, я вывалился из магазина, прошел до угла – и тут в полном отчаянии застыл на месте.

– Блин, Иола, почему ты не напомнила, чтобы я и тебе купил подарок?! Что мне теперь, опять туда возвращаться?

Минуты две я ждал ответа. А потом догадался, что сморозил страшную глупость, – и поплелся в сторону леса.

А потом наступило 31 декабря. Утром я вышел на поляну и увидел там огромную ель, принесенную сверху и надежно врытую корнями в землю. Она была уже полностью наряжена. Тут же стоял длинный стол, стульев вокруг него было гораздо больше, чем нас в лагере, даже если считать со спящими. Значит, ожидается наплыв гостей. Новенькие ребята – Бриджит, Марк, маленький Вовчик – уже неделю только об этих гостях и говорили. Конечно, мне тоже было любопытно, но все-таки голова была занята другим. Я обдумывал, как до вечера встретиться с Тасей и вручить ей свой подарок.

По правде говоря, мне стоило заранее ей позвонить и договориться о встрече. Я даже пару раз поднимался наверх, к телефону, но всякий раз трусил. Я боялся отказа. Боялся, что Тася снова заговорит со мной чужим, равнодушным голосом, как это было в прошлый раз. Но я все же надеялся, что в праздничный день ей будет сложнее мне отказать. В полдень собрался с силами – и позвонил.

Тася была на уроке в музыкалке – их там мариновали до последнего. Я слышал, как она отпрашивается у учительницы под предлогом ужасно срочного разговора, а та недовольно ворчит. А потом опять услышал Тасин голос:

– С наступающим тебя, Алеша. У тебя все в порядке?

– Ага, все отлично, – бодро отрапортовал я. – Слушай, тебе долго там париться?

– Два урока еще, – ответила она. – А что?

– Можно встречу тебя после занятий? У меня для тебя подарок! – выпалил я и ощутил, как краснею. – И вообще хочется повидаться перед праздником...

Я застыл в ожидании. Тася молчала, и я был уверен, что сейчас получу отказ. Но она сказала:

– Хорошо, только подходи лучше через час, я выбегу в перерыве. А то вечером меня теперь кто-нибудь из родителей встречает. Ну, знаешь, после того, что случилось с твоей сестрой и с Ванькой...

– Хорошо! – радостно завопил я. – Бегу!

А потом я сел и написал ей письмо. То есть сначала я просто хотел сунуть в подарок открытку или что-то вроде того. Но никакой открытки у меня не было, пришлось сложить в несколько раз обычный лист для ксерокса. А писать на нем коротенькое поздравление было как-то неловко. Вот так и вышло, что я написал целое письмо. При этом я старательно загородил листок баррикадой из книжек. Иола всегда так делала, когда рисовала.

Тася! – написал я. – Поздравляю тебя с Новым годом! Пусть у тебя все будет хорошо! Мне бы очень хотелось, чтобы в следующем году мы с тобой по-прежнему встречались и общались. Но есть разные причины, по которым это не всегда возможно. О некоторых ты и сама догадываешься, а о других я не могу тебе пока рассказать. Просто это не моя тайна. Но зато теперь я точно знаю, что когда-нибудь все изменится. Мы с Иолой не будем так

связаны, как сейчас. Ты и Ванька сможете общаться с нами ОБОИМИ ОДНОВРЕМЕННО. Понимаешь, что я имею в виду? Но пока я не знаю, когда это произойдет. Надеюсь, как можно скорее. Иола тоже мечтает об этом. Ты ведь подождешь немного? Еще раз с праздником тебя и всю твою семью!

Я был весь потный и красный, когда закончил это письмо. Перечитывать не решился, только просмотрел по диагонали, не наделал ли ошибок. И засунул письмо поглубже в подарочный пакет.

Под зданием музыкальной школы я был задолго до назначенной встречи. У меня просто не хватило терпения дожидаться в лагере нужного для выхода момента. А на улице оказался такой ураган, что я сам не заметил, как в его темпе буквально долетел до города.

На улицах творилось что-то невообразимое. Наверно, мело уже не первый день, потому что сугробы были высотой с человеческий рост. А снег продолжал валить. Зато можно было не бояться, что какой-нибудь полицейский увидит меня и вспомнит, что я нахожусь в розыске. Люди скользили мимо, словно призраки, втянув головы в воротники.

Тут я услышал тихий Тасин голос – она звала меня, высунув голову из дверей школы. Мы укрылись в тамбуре между дверями.

– Я увидела тебя из окна, – пояснила она. – Попросилась выйти, пока ты не превратился в сугроб.

– Ну, это мне не грозит, – усмехнулся я.

– Снова сверхспособности? – спросила Тася. – Умешь растапливать снег взглядом?

Я что-то пробормотал себе под нос. Совсем не хотелось поднимать вопрос о своих новых возможностях: мне казалось, что это отталкивает от меня Тасю и словно бы проводит между нами невидимую границу.

– Как Ванька? – поскорее сменил я тему. – Уже ходит в школу?

– А когда он туда особенно ходил? – хихикнула Тася. – Конечно, все эти дни у него якобы ужасно болела голова. Но к вечеру он точно будет здоров, и на каникулах – тоже.

– Я тут ему звонил пару раз, – сказал я. – Но он какой-то неразговорчивый. Может, злится на меня за что-то?

Тася пожала плечами:

– Я не знаю, мы с ним это не обсуждали. Может, это из-за Иолы... Ой, кстати...

И тут она сделала то, что я меньше всего от нее ожидал. Помахала в воздухе ладошкой и сказала:

– Привет, Иолочка. С праздником тебя!

При этом сделалась пунцовой. Я понял, что Тася заранее готовилась к такому поступку.

«Скажи, что я ее тоже поздравляю», – немного смущенным голосом пробормотала в ответ Иола.

Я передал, потом вытащил из-под куртки подарок и неловко сунул Тасе в руки. Теперь мы, наверно, оба пылали лицами.

– У меня тоже есть для вас подарки, – сказала Тася и протянула мне две небольшие коробочки. – Смотри не перепутай: зеленая тебе, золотая – Иоле. Конечно, ничего особенного, я ведь не знала, что ты объявишься...

Тут люди повалили мимо нас непрерывным потоком – наверное, закончилось какое-то занятие, – и нам пришлось разойтись, толком не попрощавшись и не договорившись о новой встрече. И по дороге домой я снова терзался мыслями о том, как у нас с Тасей обстоят дела.

Дома я сразу отнес Иоле ее подарок, засунул под подушку. А свой долго вертел в руках – но распечатывать не стал. Почему-то мне захотелось сделать это уже в новом году...

Новогодний праздник начался в подземелье очень рано: в семь часов мы уже встречали гостей. Предстояло праздновать в две смены: мы заранее договорились, что уступим возможность встретить Новый год нашим спящим. Некоторые из них никогда прежде его не отмечали.

Всех, кто был свободен от последних приготовлений, Соболев послал встречать гостей. Борис крутанул какую-то штуку в центре огромной круглой двери – и все четыре засова начали с ужасным скрежетом сближаться, пока не образовали крест посередине. Дверь, снабженная каким-то хитрым механизмом, стала отворяться... Я подобрался поближе и заглянул за нее.

Я думал, что Нижний мир откроется мне сразу за дверью. Но увидел только ровную каменную кладку и секундой позже вспомнил, что за дверью – шахта лифта. А потом услышал где-то далеко внизу мощное гудение.

Минуты через две огромная кабина уже заполнила собой пустое пространство. Двери медленно сложились, как гармошка. Я затаил дыхание.

Вышли оттуда четверо вроде как людей, двое повыше, двое совсем мелких. На всех были надеты просторные рубашки из легкой белоснежной материи, доходящие до земли. Вместо ворот было... я не сразу вспомнил слово... ага, пышное жабо, а вот выше начинались странности. Вместо нормальной шеи, переходящей в голову, из ворота торчало что-то вроде диванного валика, обтянутого желтоватой кожей. На этом валике не было почти ничего, что обычно бывает на человеческой голове: никакого намека на глаза и уши, не говоря уж о волосах. Только примерно посередине валика была длинная, узкая прорезь, над ней – маленький выступ с двумя отверстиями.

– Добро пожаловать на наш праздник, дорогие гости! – звонким голосом произнесла Милена и выступила вперед. – Разрешите, я провожу вас к столу?

Одно из странных созданий – самое крупное – медленно повело валиком в сторону девочки, прорезь зашевелилась – и оттуда донесся четкий и звучный, как у диктора телевидения, голос:

– Благодарю за внимание, милая девушка, – на чистом русском языке сказал гость. – Но не стоит беспокоиться: если место празднования не изменилось со времени нашего последнего визита, мы великолепно дойдем туда сами.

И существо двинулось вперед, а за ним потянулось все семейство.

– Как они знают, куда идти? – не выдержал я. – Где у них глаза?!

– Да тихо ты! – Васильев с силой саданул меня под ребра. – Это же тубаботы, а они сверхчувствительны. Иначе говоря – люди-рентгены. Там, в Нижнем мире, они обычно врачи или судьи. Человека видят насквозь внутренним зрением. Слышат внутренним слухом. Про каждое твоё слово могут сказать, правда это или ложь, и с какой целью оно было произнесено!

Я сразу решил, что за столом сяду подальше от этой семейки, иначе не решусь и рта открыть.

Тем временем лифт совершил ходку вниз и вернулся с новой партией гостей. Их было всего трое, но было удивительно, как они вообще смогли уместиться в кабину – такими огромными оказались. Росту в старших, думаю, было метра три. Глаза у новых гостей были, но только по одному на брата, в самом центре лба, голубые и безмятежные, как озера. Одеты эти гости были в просторные рубашки и штаны из той же легкой материи, но не белой, а переливающейся всеми цветами радуги.

– Слышь, Леха? – зашептал мне в ухо Дима. – Соболев рассказывал, что циклопы установили памятник своему брату, который сумел окончить общую школу! Но зато они очень исполнительны и могут работать неделю даже без перерывов на обед.

– А еще они очень добрые и заботливые, – с укором в голосе вмешалась в разговор Бриджит. – Их часто нанимают сиделками к старым и больным людям.

Снова приехал лифт, и из него выпорхнули стайкой новые гости в длинных развевающихся плащах. На первый взгляд они показались мне обычными людьми. Но в следующий миг

я просто остолбенел. Я, конечно, ничего не понимаю в красоте, но эти люди были невероятно красивы, все до единого. Их лица словно светились изнутри. Особенно меня поразила молодой мужчина, который шел впереди и нес на руках мальчика лет пяти. Если бы мне сказали, что самый настоящий ангел сошел с неба на землю, – я бы поверил.

– Кто это? – пробормотал я.

Мне никто не ответил. В полном недоумении я оглянулся и обнаружил, что Димка ушел рассаживать циклопов, а девочки, Милена и Бриджит, стоят с вытаращенными глазами и распахнутыми ртами.

– Эй, вы чего? – повысил я голос.

Милена вроде как отмерла и пробормотала:

– Это, Алеша, флэммы, огненные люди. Надеюсь, они покажут свое потрясающее шоу, как в прошлом году. Пожалуйста, проводи их к столу.

Я неловко выступил вперед и повел всю компанию в сторону большой поляны. Идущий впереди мужчина вдруг обратился ко мне – и тоже на прекрасном русском языке:

– Ты новенький, парень? Я тебя прежде не видел.

Я кивнул головой. Мужчина опустил мальчика на землю и протянул мне руку:

– Ну, будем знакомы. Я часто бываю в вашем лагере, приглядываю за лампами. – Он указал на наше сияющее «небо». – Имя мое для вашего уха чересчур сложное, но меня тут прозвали Данко. И ты так зови.

Я снова кивнул. У стола царила веселая суета. Соболь оживленно болтал с тубаботами, мадам Софи расцвела при виде красавцев флэммов, порхнула им навстречу и заговорила на каком-то странном языке с огромным количеством гласных.

Тут и Бридж появилась в компании очень худых и длинных людей, больше похожих на ветки деревьев. Одежда у них была в обтяжку, зеленоватых оттенков, так что они вполне могли бы прикинуться кустиками в лесу. Сначала они мне показались обычными – пока я не заметил некоторую странность. Стоило посмотреть на такого человека в упор – и он начинал таять на глазах. То казалось, что у него не хватает руки, в следующий момент – головы. У самого маленького вдруг исчезла нижняя половина тела, что заставило меня вздрогнуть. Дима, пробега мимо, пояснил, что это – лотты-невидимки, или мерцающие люди.

Я еще разок смотался к лифту. И как раз успел к появлению новой партии гостей. Вот уж кто выглядел действительно странно. Они все были в коротких накидках, стянутых под подбородком. Обнаженные руки были сплошь покрыты бурыми кожными наростами, свисающими, как бахрома. А главное – у каждого было по четыре глаза. Длинные волосы собраны в хвосты на самой макушке, затылок совершенно ровный и гладкий, и цепочка глаз таким образом словно опоясывает голову. Можно даже сказать, что у каждого было по два лица. Правда, рот и нос имелись в единичном экземпляре. Но располагались очень близко друг к другу и были так выпячены вперед, что больше походили на клюв.

После них поток гостей почти иссяк, только прибыло еще несколько семей циклопов и тубаботов. Места за столом стремительно заканчивались, мне пришлось пару раз сгонять за стульями.

Наконец все расселись – и праздник начался. Стол ломился: оказалось, гости принесли с собой свои традиционные блюда. Соболь толкнул речь – что-то насчет того, как прекрасен мир, когда он многообразен. Елка зажглась, старшие ребята появились в костюмах Деда Мороза и Снегурочки и устроили праздничное представление. Я-то такие спектакли много раз видел, а вот малыши из Нижнего мира просто визжали от восторга. Старшие тем временем общались между собой.

Я так старался дистанцироваться от тубаботов, что оказался сидящим рядом с Сободем и его женой. Хотя обычно держался подальше от взрослых и сейчас чувствовал себя скованно.

Все-таки никогда не знаешь, что на их глазах можно себе позволить. Но мадам Софи и Соболев были увлечены беседой с флэммом, который представился как Данко. Расспрашивали о его семье и еще каких-то общих знакомых. Разговор шел на русском языке, поэтому до меня то и дело долетали отдельные фразы.

– А почему твоя жена не пришла? – спросила мадам Софи.

– Не захотела оставлять малышку, – улыбаясь, разъяснил Данко. – Ей ведь всего три месяца.

– Ну, надеюсь, через год твоя младшенькая от души повеселится на нашем празднике, – сказал Соболев и ласково глянул в сторону малышни. Они как раз устроили под предводительством Милены-Снегурочки хоровод вокруг елки.

– Надеюсь, вы их пригласите, – ответил Данко, и голос его прозвучал как-то странно. Профессор заметил и насторожился:

– О чем это ты? Разве близкие друзья нуждаются в особом приглашении?

Данко тоже посмотрел на детей, отыскал глазами своего сына, потом негромко произнес:

– Нет, уже не смогу. Осталось немного, всего пара месяцев.

Мадам Софи ахнула и закрыла лицо руками. А Соболев дернулся всем телом:

– Ч-черт!

Данко проговорил как-то виновато:

– Вы, люди с поверхности земли, слишком трагически к этому относитесь. Мы – совсем иначе. Зато есть надежда когда-нибудь заделаться Великим Жрецом...

– Но ведь можно что-то предпринять? – перебил его Соболев. – Я могу поговорить с этим вашим Жрецом, скажу, что ты необходим нам как электрик! Он же сам подарил нам это замечательное небо.

Данко качнул головой:

– Это ничего не изменит. Жрец и так жалеет, что отправил к вам именно меня. Ему не нравятся... всякие влияния. В следующий раз, могу поспорить, он командует к вам циклопа. Если, конечно, отыщется циклоп, который разбирается в электричестве.

– Тогда беги! – вскричал Эрик Ильич. – Бери семейство и уходи через мою территорию наверх, на землю. Я помогу с документами, с жильем...

Данко все еще улыбался, но по лицу его было заметно, что он жалеет о начале разговора и мучительно соображает, как бы половчее его замять. Невероятно длинными и тонкими пальцами он коснулся плеча Соболева, словно стремясь перелить в него долю своего спокойствия. И сказал:

– Спасибо, Эрик, но ты и сам знаешь – для нас нет страшнее участи, чем оказаться там, наверху. Это даже хуже, чем Черные Пещеры. Мы не сойдем там за своих. Да и дети не всегда могут контролировать себя.

Сказав это, немедленно поднялся с места и хлопнул в ладоши, созывая своих соплеменников. И я узнал, что это за огненное шоу, которое так мечтала увидеть Милена.

Флэммы собрались вместе, разом скинули плащи и остались в серебристых комбинезонах. А потом рассыпались по поляне. И вдруг все разом вспыхнули белым пламенем. Я вздрогнул от неожиданности, девочки и маленький Вовчик завизжали.

Я до боли в глазах вглядывался в пламя, стараясь разглядеть, куда делись флэммы, пока не увидел их всех совсем в другом месте, целых и невредимых. По неслышной команде они разом взлетели вверх и прямо над нашими головами снова вспыхнули – и опять на пару мгновений я потерял их из виду. Я никогда прежде не видел, чтобы горел сам воздух. А флэммы прыгнули навстречу друг другу и образовали все вместе огромный факел. Шары белого пламени полетели во все стороны, закружились над поляной, нас обдало жаром. Такого фейерверка на Новый год мне видеть еще не приходилось!

И вдруг между белыми шарами замелькали какие-то фигуры. Если флэммы просто подпрыгивали и на пару мгновений зависали в воздухе, то эти парили, как птицы, образуя в воздухе сложные фигуры. Я узнал четвероглазых гостей. Только теперь наросты на их руках раздулись, наполнились воздухом, – и руки превратились в крылья, типа лебединых.

– Кто это? – спросил я у Бриджит (она сидела рядом).

– Это – биорды, летающие люди, – тут же ответила девочка. – Они совсем не боятся огня. Видишь?

Действительно, биорды начали ловить горящие шары и тушить их в своих ладонях. На место горячего воздуха пришло приятное дуновение, которое создавали носящиеся над головами фигуры.

Едва мы пришли в себя после огненного шоу, как мерцающие лотты предложили сыграть в прятки. Причем прятаться собирались они, а мы всем скопом – искать. Еще к нам присоединились циклопята, юные флэммы и биорды, а вот маленькие тубаботы деликатно отказались. В один миг лотты рассыпались по поляне – и исчезли. После этого мы полчаса искали их на почти открытом пространстве. Повезло только одному циклопику: он случайно наступил на лотта и был ужасно горд собой.

Я не мог понять, что происходит. Допустим, эти существа действительно обладают способностью делать свои тела невидимыми. Но куда в таком случае девается их одежда? Это уже походило на магию. Когда мы все сдались и игра автоматически закончилась, лотты вдруг разом появились на поле. Оказалось, они все это время преспокойно стояли на открытых местах и наверняка потешались над нами.

Но тут наше время закончилось, и мы дружной толпой отправились пить усыпляющее зелье. Вторую часть праздника я досматривал уже во сне. Флэммы и биорды повторили свое выступление, а кроме этого циклопы еще показали борьбу, похожую на наш реслинг, но куда более зрелищную.

Уже под утро снова возобновилась игра в прятки. И вот тут всех поразила Иола. Через десять минут бестолковых метаний по поляне она вдруг застыла на месте и последовательно указала пальцем на всех лоттов до одного. Моментально став видимыми, они выглядели потрясенными такой прутью. Я подумал, что нужно будет при случае спросить Иолу, как она это сделала. Я еще не знал, что утром мне станет совсем не до расспросов.

Глава двадцатая. Ужасное известие

Проснувшись, я первым делом подумал, что надо позвонить родителям, поздравить их. На пороге чуть не наступил на плоский пакет, подсунутый под дверь. Надорвал его – там оказался альбомный листок, наклеенный на картонку, с которого на меня смотрело Тасино лицо. Я даже вздрогнул, таким живым было изображение. Конечно, нарисовать портрет могла только Иола. Мне снова стало стыдно – ведь я так и не сделал ей новогодний подарок.

В телефоне оказалось полно вызовов, и почти все – от Ивана. Сначала он звонил, потом начал слать сообщения: «Пазвани», «Ну ты понял?», «Блин, где ты?». Я удивился: что такое срочное у него произошло? По моим прикидкам, Иван все еще находился на постельном режиме и не мог влипнуть в очередную историю. Конечно, я сразу перезвонил.

Ванька ответил моментально. Голос у него был злой и напряженный.

– Что у тебя случилось? – спросил я.

– Да так, – уклончиво ответил Разин. – Слышь, надо встретиться. Прямо сейчас.

– А тебе уже разрешают выходить на улицу? – спросил я. – Мне ведь к тебе нельзя, сам знаешь.

– Знаю, – буркнул Иван. – Давай у стадиона через полчаса.

И отключился.

До стадиона я мог пробежать за пару минут, поэтому через лес шел медленно, думал о Ванькином звонке – и мне становилось все больше не по себе. Похоже, он злился на меня, хотя только вчера мы вполне нормально поболтали по телефону. Но, возможно, просто поцапался с родителями или сестрой и теперь ненавидит целый мир.

Иван уже ждал меня, нахохленный и мрачный. Редкие прохожие обходили его стороной.

– Здоров! – Иван подошел ко мне вплотную, словно боялся, что я убегу. – Слушай, ты сеструху мою вчера видел?

– В-видел, – растерялся я. Вот не думал, что разговор пойдет о Тасе.

– Случайно или?..

– Почему случайно? Я ей позвонил и назначил встречу, – отчеканил я. – Хотел поздравить с праздником. А что?

Иван молчал и что-то обдумывал. Потом задал новый вопрос:

– Типа, камни на нитке ты ей подарил?

– Ну я. Вообще-то это типа бусы. А в чем проблема-то?

– Пропала Таська, – выдохнул Иван. – Прямо сегодня ночью и пропала.

– Как – пропала?! – заорал я. – Что случилось? Где она?!

– Знал бы где – сам бы нашел, – напористо произнес Ванька. – Но никто, блин, не знает. Родители говорят, ей кто-то позвонил, и она вышла с телефоном на площадку. А то в нашей квартире спокойно не поговоришь. Сам я на кухне телик смотрел, родаки тарелки таскали. Потом мать на площадку выглянула, а там никого. Пусто. Только это и осталось.

Ванька поднес к моему носу огромный кулак. Разжал: на ладони его лежали разноцветные круглые камешки. У меня оборвалось сердце.

– Ее ищут? – прошептал я.

Иван только рукой махнул:

– Батя сразу ментам начал звонить. С утра мать сама туда бегала, заявление отнесла. Только я не верю, что найдут: твою сеструху вон сколько искали, пока сама домой не явилась.

Я молча просчитывал, что мне теперь делать. Если Тася еще в городе, можно попросить помощи у ребят из лагеря. Вместе мы могли бы за день обшарить весь город, взломать всякие подозрительные двери, может, даже вытрясти из кого-нибудь показания. Конечно, Соболю об этом лучше не знать...

– Ты ей не звонил? – врезался в мои размышления голос Ивана.

– Когда?

– Ну, вечером же, перед праздником. Это не с тобой она на площадке болтала?

Я вдруг осознал – Ванька меня подозревает. Это было так дико, что я даже растерялся.

И сказал:

– Нет, не звонил. Но ведь можно узнать, кто звонил, получить распечатку.

– Да уж узнаем! – с угрозой произнес Разин. – Только я вот чего не понимаю... не могли же ее пять этажей по лестнице тащить, и никто ничего не услышал? В такую ночь никто ведь не спит.

– Да, странно...

– А с тобой бы она и сама пошла. Или... ты же у нас нереальный силач, верно?

– Ты думаешь, я ее похитил? Может, я и по башке тебя треснул?!

Иван вздохнул и отвернулся. Минуту мы молчали. Меня подмывало поскорее вернуться в лагерь. В конце концов, какая разница, что думает Ванька? Главное, найти Тасю, а там все само собой разъяснится.

– Да не знаю я, кто это все сделал! – с досадой рявкнул Иван. – Но когда узнаю – тогда держись! – Он снова продемонстрировал мне свои убийственные кулаки.

– Ладно, тогда я пошел, – сказал я и зашагал в сторону леса, стараясь не перейти на бег. На Ивана я не оборачивался, но чувствовал его тяжелый взгляд на своей спине.

В лесу я сразу включил первую скорость и огромными прыжками понесся к лагерю. Вообще-то Соболев настоятельно просил нас так не делать, но сейчас в лесу безлюдно, а идти нормальным шагом я был не в состоянии.

Что мне делать? Снова идти к директору? Но Тася не такая, как мы, и Соболев не обязан ей помогать. А просить ребят о помощи без его ведома как-то не здорово. Мы запросто можем засветиться, если начнем перерывать город. Значит, нужно действовать самому.

Говорить с Иолой ужасно не хотелось, но и молчать было тяжело. Поэтому я спросил:

– Ну, что скажешь? Торжествуешь, что опять оказалась права?

Иола не ответила, и я жутко перепугался: не хватало, чтобы и с ней что-то случилось.

– Эй! – завопил я.

«Не ори», – тихо попросила Иола, и голос ее звучал так, будто она подхватила насморк. Я догадался, что она плачет. Странно, разве можно плакать во сне?

– Не реви, – пробормотал я. – Может, все не так страшно. Может, она просто у подружки застряла или еще где...

Я понимал, что говорю чушь: Тася не ушла бы в новогоднюю ночь из дома, не предупредив родителей.

«Лучше молчи, – прошипела Иола. – Сам знаешь: это ты во всем виноват!»

– Но мы даже не знаем, что случилось!

«Ее наверняка похитили те же люди, которые напали на Ваньку и твою сестру, – отрезала Иоланта. – И все потому, что ты не захотел пожертвовать вашими отношениями...»

– Да почему я должен был ими жертвовать?! – заорал я на весь лес.

«Да потому! – рявкнула в ответ Иола. – Нужно уметь жертвовать ради тех, кто тебе дорог! Вспомни моих родителей: когда они поняли, что мне уже не помочь, они пожертвовали мной ради второй дочери! Раньше я их за это ненавидела, а теперь понимаю: правильно они поступили. Вот и тебе нужно было всего-навсего перестать общаться с Тасей и Иваном. А теперь расхлебывай, что заварил, понял?!»

– Понял, – сказал я. – Спасибо за поддержку.

И с ходу перелетел ворота.

В подземном лагере я прежде всего кинулся к кабинету Соболя, но он оказался заперт. На поляне было безлюдно. Наконец, в коридоре между классами я столкнулся с Димой и Бриджит. Они что-то горячо обсуждали.

– Где ты был? – налетел на меня Васильев. – Ильич тебя искал, хотел поговорить со всеми нами.

– А где он?

Дима пожал плечами:

– Уехал, конечно. Он же говорил за праздничным столом, что первого утром у них самолет. Летят во Францию навестить родственников мадам. А мы выдвигаемся завтра с утра. Соболев нашел нам проводника.

– Птичку? – пробормотал я машинально, вспомнив обещание Эрика Ильича приставить к нам кого-то четырехглазого. Теперь это не имело значения. Я мучительно соображал, как сказать ребятам, что не смогу пойти.

– Нет, флэмма, – ответил Дима. – Так что готовься. Вот Бридж считает, тебе нужно до завтра выучить десяток древних языков.

– Всего два, – мягко вмешалась девочка. – Общий язык, на котором говорят все в Нижнем мире, и язык флэммов, чтобы сделать приятное проводнику.

– Димка, – решился я, – мне нужно тебе кое-что сказать.

Бриджит тут же куда-то исчезла. Васильев странно на меня посмотрел, потом кивнул в сторону одного из классов. Мы зашли в него, и я сразу, пока не растерял решимость, произнес:

– Слушай, такое дело: я не смогу пойти с вами. У меня... кое-что случилось. Вы можете пойти на экскурсию без меня, хотя... если по-честному, то мне ужасно нужна ваша помощь.

– Что случилось? – уставился на меня Димка. – Что-то с родителями?

– Нет. – Я покачал головой. – Просто сегодня ночью пропала одна девочка. Мне кажется, мы могли бы ее найти, если бы взялись за это все вместе. Но если вы не можете...

– Какая еще девочка? – Дима непонимающе замотал головой.

– Ну, она сестра моего друга Ваньки Разина, я тебе рассказывал. Которому еще голову проломили.

– Про голову помню. Но не понимаю, при чем тут его сестра. Она что, мелкая совсем?

– Ей четырнадцать, – почему-то шепотом сообщил я.

– Четырнадцать? – Дима смотрел на меня все более подозрительно. – Вполне себе взрослая девчонка. Может, у нее парень есть и она решила с ним отметить Новый год? Или в какой-нибудь компашке осела? Эй, очнись, сегодня первое января! Представляешь, сколько родителей сейчас не в курсе, где их детки?

– Нет, – затряс я головой. – Ты ее не знаешь. Она никогда не ушла бы даже на десять минут, не предупредив родителей.

– А ты что, так уж хорошо ее знаешь? – спросил Васильев и вперился в меня взглядом.

Я, кажется, сильно покраснел, но все-таки твердо ответил:

– Да, знаю. Мы с ней дружим. И никакого парня у нее нет.

– Я не понял, ты что... – начал Дима, но тут же захлопнул рот. Наверное, вовремя сообразил, что мужского разговора все равно не получится: нас ведь слышат Иола и Хонг. Но вид у него был потрясенный. И я поспешил сказать:

– Знаешь, мне кажется, ее похитил тот же человек, что и мою сестру. Ну, понимаешь, кто-то очень сильный, иначе он не смог бы протащить ее через подъезд и двор. Кто-то вроде нас.

– Но ведь эта девочка не такая, как мы, – тут же ответил Васильев. – Насчет твоей сестры более-менее понятно: ее похитили, чтобы проверить на ней какой-то чертов рецепт. А эту-то зачем?!

– Не знаю, – пожал я плечами. – Вспомни, что говорила мадам Софи: любой может быть таким же, как мы, но если у него нет пары, то это никак не определишь. Может, кто-то научился

выявлять тех, кто не имеет пары? А потом, помнишь, ты говорил про Инквизицию – ну, в нашу самую первую встречу? Я давно хотел тебя спросить: ты что об этом знаешь?

Дима несколько минут смотрел на меня в недоумении, будто я приписал ему чужие слова. Потом сказал:

– Инквизиция? Она существует, конечно, но я даже не знаю, действуют ли они на территории России. Я только имел в виду, что они часто так делали: чтобы разбить пару, похищали кого-то, кто был для одного из пары очень дорог, и этим провоцировали его на убийство. Хочешь сказать, эта девочка тебе настолько дорога? Мог бы убить за нее?

– Она сестра моего друга, – сурово повторил я. Мне показалось, что Димка почему-то кривит душой: в первый раз он говорил об Инквизиции куда более уверенно. – Короче, идите без меня, – сказал я. – Я сам разберусь.

Я направился к двери, готовый немедленно начать поиски Таси. Но Васильев догнал меня, схватил за плечо.

– Слушай! – горячо заговорил он. – Но если все так, как ты думаешь, то тебе обязательно нужно идти в Нижний мир! Пойми, есть доказанный факт, что какой-то атлант без пары сумел тебя вычислить и похитить твою сестру. И, скорее всего, именно он напал теперь на твою подружку. Может, для того, чтобы окончательно превратить твою сестру в свою половинку, ему нужен именно ты? А если пойдешь с нами в Нижний мир, то хоть не попадешь ему в лапы. И сможешь найти там концы этой истории. Знаешь, Соболев уверен, что внизу живет, как минимум, одна пара атлантов. Чего ж эта парочка до сих пор не вышла на нас, хотя бы просто познакомиться? Разве не подозрительно?

– Подозрительно, – согласился я.

– Вот, поэтому тебе и надо идти с нами. А вдруг та девочка тоже под землей? Конечно, это будет непросто...

Димка задумался, а я напрягся.

– Почему непросто?

– Ну, Нижний мир – он огромный. Там есть всякие подозрительные закоулки, куда местные ни за что не сунутся. А проводник наверняка уже разработал безопасный маршрут. Единственный вариант: в том мире мы начнем действовать по собственному плану. Может, даже соедемся от нашего флэмма.

Почему-то эта страстная Димкина речь вполне убедила меня. А может, мне просто хотелось верить, что Тася сейчас в Нижнем мире, а не в руках каких-нибудь мерзавцев. И я пошел готовиться к завтрашнему походу.

Засыпая вечером, я очень волновался, что сейчас Иола начнет капать мне на мозги и требовать, чтобы я связался с Соболевым, доложил ему о своих планах. Но этого не случилось. Иола только попросила быть осторожнее и дала с десяток советов. Выглядела она мрачной и заплаканной, наверное, и в самом деле переживала из-за Таси. Я даже начал к ней как-то лучше относиться после этого.

Спуск в Нижний мир был назначен на девять часов утра второго января. Без десяти девять мы уже собрались у лифта. Наш проводник ждал нас внизу, Марк Шапиро должен был задвинуть за нами засовы. Но он пока не появлялся.

Ровно в девять мы крутанули рычаг, засовы сошлись в центре, образуя крест, и обнажилась шахта. Немедленно внизу загудел лифт.

– Что-то Марк заставляет себя ждать. – Дима озадаченно смотрел на свои часы. – Мы не можем оставить дверь открытой, это против правил.

– Я его видел в спортивном классе, когда шел сюда, – вспомнил я. – Сейчас позову.

До зала я добрался в два больших прыжка. Открыл дверь – и оцепенел: друг против друга там стояли Марк и Иван. Ванька – в боевой позе и со зверским выражением лица. Марк –

спокойно и расслабленно, он просто ждал, когда Иван бросится на него. Но я-то понимал, что произойдет в таком случае, поэтому поскорее вклинился между ними и закричал:

– Спокойно, это ко мне! Не трогай его, Марк!

Парень удивленно уставился на меня:

– Так это твой знакомый? Ты, что ли, его сюда привел?

– Ты как тут оказался? – спросил я у Ваньки.

Тот повел огромными плечами:

– Подумаешь, задачка! Шел за тобой до леса. Потом ты куда-то стребанул, но я все равно по следам добрался до этого вашего... лагеря.

– Но сюда-то как попал? – изумился я, вспомнив неподъемный люк.

– В первый раз не вышло, – признался Иван. – Кольцо-то я сразу нашел, только обломался его тащить. Потом пришел с ломиком – и никаких проблем. Правда, упарился ползти по чертовой лестнице.

– Но зачем?! Ты на самом деле думаешь, что это я похитил Тасю?! – воскликнул я. – Ты совсем того?

Ванька еще больше насупился. И сказал:

– Тебе и похищать ее не нужно было. Мне-то плевать на ваши дела, делайте, что хотите. Только неохота жить с безумными родаками. Да еще слышать каждый день, что это типа я во всем виноват.

– В чем виноват?

– Известно в чем. В том, что связался с тобой. Они думают, с этого все и началось.

Что ж, с этим не поспоришь – началось. Не зная, что сказать, я обернулся и заметил в дверях спортзала Диму и Бриджит. Они шепотом что-то горячо обсуждали. Потом Димка обратился ко мне:

– Слушай, похоже, наш поход отменяется. Я сейчас спущусь вниз и дам отмашку проводнику.

Я даже подпрыгнул на месте.

– Почему отменяется? Вы что, ребята?!

– Будем решать, что с ним делать. – Дима мрачно ткнул пальцем в сторону Ивана. – До приезда Соболя мы не можем его отпустить, сам понимаешь.

– Идите, я тут за ним присмотрю, – вклинился Марк. – От меня не удерет.

Ванька заржал и двинулся в сторону Марка.

– Я не понял, ты чего, крутой самый тут? Ты бычку-то смени, парень!

Я поскорее сцапал его за плечо. Кажется, немного переусердствовал, потому что Разин охнул и свалился на пол.

– Понятно, – прохрипел он, вскакивая на ноги и растирая плечо. – Вы все тут крутые до жути, что ли?

– Все, все, так что утихомирься, друг, – посоветовал ему Васильев.

– Алеша, мы не можем рисковать, – мягко произнесла Бриджит. – Ведь тут остаются наши половинки. А вдруг он уже кому-то сказал про это место и сюда придут еще люди?

– Он никому ничего не говорил. Правда, Вань? И не скажет, так что мы можем спокойно его отпустить. Я ручаюсь.

Но ребята явно были настроены остаться. Тогда в отчаянии я завопил:

– Ну пусть идет с нами, что ли! Пойдешь, Вань? Мы как раз идем искать Тасю.

Ванька вытаращил на меня глаза:

– Таську искать? Так вы наверх типа собираетесь?

– Наоборот, вниз. Я тебе по дороге все объясню. Ну, решайся!

– Да я чего, я запросто, – пробормотал Иван. – Без Таськи мне дома все равно не жить.

Я посмотрел на ребят: они нерешительно переглядывались. Кажется, моя задумка им не слишком нравилась.

– Опасная идея, – помотал головой Васильев. – Вообще-то они там, в Нижнем мире, ненавидят людей.

– А вы кто, монстры, что ли? – влез Иван.

– Да, но как они поймут, что Ванька не такой, как мы? – настаивал я. – Сами знаете, отойдем на пару километров от лагеря – и станем все одинаковыми. То есть нет – Иван будет сильнее нас всех, вместе взятых. Что, разве не так?

Дима, кажется, решил, потому что напряженное выражение исчезло с его лица, и он снова посмотрел на часы. И тут раздался тихий голос Бриджит:

– Но нельзя забывать о тубаботах. Они любого видят насквозь.

Черт, об этом я не подумал! Кажется, наше путешествие все-таки накрылось. Но тут Васильев произнес весело:

– А с чего тубаботы к нам в мозги полезут? Просто будем держаться от них подальше, и все дела. Вперед!

И мы бросились к лифту. Я пообещал Ваньке, что все ему расскажу, как только будет возможность, и проинструктировал на ходу насчет нашего проводника. Чтобы не вздумал падать в обморок.

Лифт ехал очень долго, и я пытался вообразить, что сейчас увижу там, внизу. Окажемся ли мы сразу в городе или на какой-нибудь поляне вроде нашей. Наконец лифт вынырнул из шахты. Каменная плита, загораживающая вход, была отодвинута, и я сразу увидел того флэмма, Данко. И не удивился: почему-то так и думал, что Соболь именно его попросит быть нашим проводником.

Мужчина широко улыбался, его лицо сияло. Я услышал, как порывисто вздохнула за моей спиной Бриджит.

Мы всей гурьбой вывалились из лифта. Конечно, Данко сразу посмотрел на Ивана – он ведь ждал только нас троих. Я тут же сказал:

– Этот с нами, только утром прибыл в лагерь. Ничего, если он тоже пойдет?

– Конечно! – улыбнулся флэмм. – Так даже веселее. Пока еще без пары? – спросил он Ваньку.

Тот, конечно, вытаращил глаза. Я поскорее ткнул его кулаком в бок, а сам сказал:

– Ага, Соболь как раз поехал за его парой. А каков план экспедиции?

– План такой, – с готовностью отозвался Данко. – По правилам, вы должны в первую очередь быть представлены Великому Жрецу, получить от него разрешение пройти по нашему миру. Но сейчас дни Большого совета – это праздник, на котором чествуют наших ученых. И я договорился, что мы пешком дойдем до Уэнтиэляля, нашего главного города. Вы успеете оглядеться. Путешествие займет примерно сутки, заночуем у моих знакомых в окрестностях столицы. А завтра предстанете перед Великим Жрецом. Есть возражения?

Если возражения и были, мы не стали пока делиться ими с Данко. Хотя меня никто не предупреждал, что придется перед кем-то представлять. То есть лично мне все равно, но вдруг этот Жрец сразу поймет, что Иван – не из наших? Но отступать было поздно. И мы выразили готовность немедленно отправиться в путь.

Глава двадцать первая. В нижнем мире

Сначала мы оказались на поляне, такой огромной, что невозможно было поверить, будто находимся под землей. Скала высилась только за нашими спинами, из нее мы вышли. А вокруг нас раскинулся почти доисторический мир. Справа густой лес, слева – озеро. Вдали паслись какие-то животные с рогами-штопорами. Над головами летали птицы с яркой окраской и пронзительными голосами. И уже привычное, золотое и теплое небо.

Я подумал о том, что Тасе это бы точно понравилось: она так любит цветы, а их тут полно, да такие, что на земле не увидишь.

Мы гуськом шли за Данко. Тропинка под ногами тонула в траве – наверное, местные редко пользовались этим лифтом. Вообще я думал, народу будет побольше, Соболь говорил, что этот мир плотно населен, однако я смутно различал только фигуры у озера: кажется, они вполне по-земному удили рыбу. Но Данко повел нас вглубь леса.

– Скажите, а Великий Жрец – он кто? – робко подала голос Бриджит. – К какой расе принадлежит?

Она явно мыслила в том же направлении, что и я: не нарваться бы на тубабота.

– Этого никто не знает, – беззаботно отозвался наш проводник.

Я даже споткнулся от неожиданности.

– Простите, но как это возможно? – снова спросила Бриджит.

– Великого Жреца никто никогда не видел. Доступ к нему имеют только самые близкие советники, но они связаны клятвой и навеки потеряют доброе имя, если проболтаются. А для остальных Великий Жрец всегда скрыт в особой комнате, мы слышим только его голос, и то сильно искаженный.

Димка хихикнул и подтолкнул меня в бок. Потом громко сказал:

– А у нас на земле тоже есть сказочка про волшебника, которого никто не мог видеть и слышать. В итоге он оказался мошенником!

Я испугался, что Данко обидится. Но он только сказал:

– Отличная, наверное, сказка. Принесешь почитать? Но только у нас такое невозможно. Советники зорко следят, чтобы Великий Жрец во всем и всегда поступал по закону.

– Так что же он, бедный, так и сидит всю жизнь в своей тайной комнате? – огорчилась Бриджит.

– Ну зачем же всю жизнь? Великий Жрец избирается каждые пять лет. Путем обычной жеребьевки.

– Да что вы?! – ахнула Бридж. – А разве для такого высокого поста не важны личные качества, образование, ну или хотя бы связи?

– Зачем? – пожал плечами флэм. – Все законы давно написаны, следить за их соблюдением особого ума не надо.

– Но зачем нужно делать тайну из расовой принадлежности Жреца? – спросил Дима. – Какой в этом смысл?

– Может, теперь особого смысла в этом нет, – легко согласился с ним Данко. – Это скорее традиция. Но у нас ушел не один век на то, чтобы сгладить все противоречия между расами, навсегда устранить малейшее неравенство или предубеждение. Мы дорожим этим и стараемся избегать искушений. Пусть никто не считает себя лучше другого только потому, что принадлежит к той же расе, что и Верховный правитель.

Мы задумались, а Бриджит кивнула, видимо, найдя такое объяснение вполне удовлетворительным. У меня же созрел еще вопрос:

– А потом, когда пятилетний срок заканчивается, становится известно, кем был Жрец, или с него берут подписку о неразглашении?

– Подписки не берут, но это остается тайной. По правде сказать, бывший Жрец не имеет возможности никому рассказать об этом.

У меня враз тело покрылось мурашками. Как-то уж очень зловеще это прозвучало. Ребята испуганно переглянулись, и Бриджит пискнула:

– Но... но вы ведь не убиваете его, правда?

– Конечно нет! – засмеялся Данко, и я перевел дух.

Флэмм сделал еще пару шагов, а потом проговорил задумчиво:

– Хотя, вероятно, с вашей земной точки зрения может именно так показаться.

Я во все глаза уставился на проводника: прикалывается он, что ли? Но Данко вовсе не смеялся, наоборот, лицо у него вдруг стало задумчивое и вроде даже печальное. Никто из нас не решился вновь поднять эту тему.

Тем временем мы уперлись в стену и вошли в туннель, освещенный длинными лампами, как и коридоры в нашем лагере. Справа тянулись рельсы и стояло приспособление вроде дрезины, слева – дорожка для пешеходов. Минут пять мы шли по этому ухоженному туннелю, а потом сразу вынырнули в какой-то город или поселок.

Прежде я думал, что в Нижнем мире все расы живут по отдельности. Ничего подобного. За несколько минут я увидел представителей всех рас, что гостили в новогоднюю ночь в нашем лагере. Дома тоже отличались. Одни были большие, основательные, но какие-то выпендренные, а в огородах вокруг них трудились циклопы. Были тут и удивительные дома сплошь из дерева, украшенные резьбой, узкие и высокие, со множеством непонятных выступов и перекладин. Я сначала не понял, кому они принадлежат, пока не увидел мальчика-биорда: он сидел на корточках на перекладине метрах в трех от земли и читал книжку. Жилища флэммов больше походили на открытые беседки, увитые зеленью. Я долго не мог сообразить, кто живет в домах, чьи массивные крыши лежали почти на земле. Данко пояснил, что тубаботы даже в этом мире ухитряются зарываться еще глубже в землю. На глубине они ищут спасения от чужих мыслей и эмоций.

А еще нам часто попадались памятники – целые монументальные группы. Представители разных рас в полный рост или толпились вокруг стола, или колдовали над какими-то колбочками. Данко пояснил, что эти памятники устанавливаются в честь очередного открытия здешних ученых. Меня же больше поразило, что памятники, судя по всему, были отлиты из золота.

Людей на улицах было не слишком много, и, конечно, они таращились на нас во все глаза, как на каких-то невероятных уродах. Дети даже бросали свои игры на просторных площадках и бежали за нами с радостными воплями. Не во всех взглядах было только любопытство. Мы уже почти прошли поселок насквозь, когда какая-то женщина, кажется из лоттов, вдруг что-то закричала пронзительным голосом, схватила камень и швырнула в нашу сторону. Ее подруга-флэмм тут же бросилась ее успокаивать.

– Чего это она? – спросил Дима. – Разве они не знают, кто мы такие?

– Знают, конечно, – согласился явно огорченный этим происшествием Данко. – Но вы слишком похожи на людей, обычных, я имею в виду.

– Мы и есть люди, разве нет?

– Да, но вы – свои, – уточнил флэмм. – Товарищи по несчастью, можно сказать. Вы нам не враги. А вот с обычными людьми все сложнее. Поймите, мы не испытываем к ним ненависти. Но мы знаем, что однажды, может очень скоро, начнется война между нами и теми, кто наверху. То есть они – наши потенциальные противники...

– Вы что, собираетесь воевать с людьми? – вдруг спросил Ванька с таким интересом, как будто услышал о новой потрясающей компьютерной игре. А до этого шел с открытым ртом,

наверное, пытался понять, спит он или это все происходит на самом деле. – Круто! Когда начинаете?

– Точную дату может назвать только Великий Жрец, – сказал Данко. – Но ходят слухи, что война может вот-вот начаться. Обстоятельства подталкивают нас к этому. Нас становится все больше, нам уже трудно жить под землей.

– И давно вы здесь торчите? – спросил Ванька.

– Первое поселение возникло в пятом веке нашей эры.

– А сейчас какой? – озадачился Иван. – Ладно, не суть. Просто поздновато вы решили воевать. Я имею в виду, у людей сейчас полно всякой техники, ракеты там, бомбы всякие, они вас живо в порошок сотрут. Раньше надо было.

Я испугался, что Данко обозлится на такой наезд. Но он с очень серьезным видом некоторое время обдумывал Ванькины слова, а потом сказал:

– Видите ли, нам понадобилась не одна сотня лет, чтобы здесь, на этом сравнительно небольшом пространстве, научиться жить в мире и уважении к закону. С другой стороны, наши ученые все это время искали такие способы ведения войны, которые позволили бы почти полностью исключить жертвы среди нашего народа. Но и землю не превращать в руины, и по возможности не убивать население Верхнего мира. И сейчас такое оружие найдено. Оно позволит нам очень быстро одержать победу над людьми – и совершенно бескровно.

Дима уже открыл рот: наверняка хотел спросить, что это за оружие такое. Мне, конечно, тоже очень хотелось это услышать. Но Бриджит первой успела задать свой вопрос – о другом.

– Скажите, Данко... А если бы в ваш мир каким-то образом проник человек – ну есть же у вас наверняка воздухозаборники или еще как-то... какова была бы его судьба? Ведь вы бы не убили его за то, что он – просто человек?

– Нет, конечно, – ответил Данко. – Такое изредка случается. Конечно, для него уже не было бы пути назад. Это один из наших законов – мы не можем рисковать. Остальное зависит от него самого. Тубаботы сумели бы определить, к чему он пригоден и какой долей свободы может пользоваться в этом мире. Но лично я людей никогда еще не видел.

Тут мне стало не по себе, даже спина взмокла. Я покосился на Ваньку: понял ли он, что речь идет о нем? Но, кажется, мой друг не придавал этому разговору никакого значения. Зато мы с Бридж обменялись тревожными взглядами.

Было около полудня, когда я вдруг начал спотыкаться на ровном месте. Сначала даже не понял, что происходит, – я давно забыл ощущение усталости. Посмотрел на ребят: Бриджит едва переставляла ноги, да и Дима выглядел не лучшим образом. Только Иван шагал себе вперед с веселым и беспечным видом. Вот и Данко обратил внимание на наши страдания.

– Сейчас дойдем до озера и сделаем привал, – посулил он. – Там и пообедаем, кстати.

Скоро мы вышли на огромную поляну, похожую на ту, с которой начинали путь. Озеро здесь было правильной круглой формы и манило прозрачностью вод. Мы тут же поскидывали футболки, даже Бриджит вытащила из рюкзака какие-то тряпочки и нырнула с ними в кусты. Недалеко от нас расположилась компания из нескольких циклопов и биордов. Они сидели на берегу, болтали и как будто ждали чего-то.

Ванька дружески толкнул меня в плечо, приглашая к игре, и с радостным гиканьем понесся к озеру, в которое Дима уже успел войти по пояс. Я, восстановив равновесие, бросился было за ним, но тут же застыл на месте от пронзительного визга Бриджит. Она стояла на берегу в купальнике и в ужасе указывала пальцем на что-то в озере. Я присмотрелся – и сам чуть не заорал.

Из воды медленно выходили существа, похожие на утопленников месячной давности. Их серые тела казались осклизлыми, в волосах запутались водоросли, а может, сами волосы были зеленого цвета. Лица так разбухли, что невозможно разобрать черты. Да и были ли они? Вот

ушей точно не наблюдалось. Выйдя на мелководье, страшилища развернулись к нам спинами, и я увидел там, где у людей лопатки, что-то похожее на длинные пульсирующие рубцы. Жабры?

Я видел, как несется прочь от воды Иван и тащит Васильева практически под мышкой.

– Что это за хрень такая? – прокричал он, оказавшись рядом со мной.

Я пожал плечами: Данко, как назло, ушел собирать топливо для костра, и объяснить было некому. На наше счастье, чудовищные создания были заняты тем, что тянули из глубины озера тяжеленную сеть, полную огромных рыб. Через минуту добыча оказалась на берегу. Подошедшие циклопы дружески постучали огромными руками по склизким плечам, развязали сеть и начали ловко сортировать улов. Отобрав самых огромных и ярко окрашенных рыб, поместили их в большие баки с водой. Биорды моментально прикрепили эти баки к поясу особыми креплениями и легко взмыли с ними в воздух.

– Прямо во дворец полетели, – заметил Данко, возвращаясь к нам. – Свежая рыбка на праздник.

Подошел циклоп и протянул Данко несколько рыб. Осмотрел нас с любопытством и о чем-то заговорил с нашим проводником на общем языке. А тот между делом направил палец на несколько замшелых валунов, которые принес из леса вместо хвороста, – и они вспыхнули уже знакомым нам белым и очень жарким пламенем. Котелок и овощи для ухи нам принес другой циклоп.

– Искувайтесь, пока готовится, – предложил нам Данко. – Морголы не станут возражать. Их дома в центре озера, на большой глубине, мы для них – как птички.

Но желание купаться в озере и даже приближаться к нему, похоже, у всех нас исчезло навсегда. Поэтому мы просто подсели к костру. И я решил, что сейчас самое время прояснить кое-что важное. То, ради чего лично я спустился в этот мир.

– Данко, а вы слышали когда-нибудь о таких, как мы, но только не из нашего лагеря? – спросил я, и ребята тут же подтянулись поближе.

– Да, год назад я слышал об одной супружеской паре атлантов, – ответил флэмм. – Они прошли в наш мир другим путем, не из лагеря, и представились Великому Жрецу. Я слышал, что он принял их очень хорошо и даже предлагал поселиться при дворце. Это и понятно: они могли нам здорово помочь, этот мир нуждается в постоянном расширении. Но они отказались.

– Почему? – спросили мы хором.

Данко только плечами пожал:

– Ну, трудно сказать. Хотя... понять их можно. Вероятно, они хотели завести детей, а вы сами знаете: дети, скорее всего, не будут иметь своих половинок, то есть окажутся обычными людьми, и им непросто будет жить в окружении тех, кто на них не слишком-то похож. В общем, они покинули наш мир. Возможно, снова поднялись наверх.

– Но ведь вы никого не выпускаете из вашего мира, – напомнил Дима.

– Только обычных людей, – уточнил Данко. – А что касается той пары, то ходили слухи, будто они ушли в Черные Пещеры, хотя лично я в это не верю. Зачем бы им это понадобилось?

– А что это – Черные Пещеры? – спросила Бридж.

Флэмм передернул плечами. Потом заговорил – и неподдельное отвращение звучало в его голосе:

– Дурное место. Окраины. Когда-то именно оттуда начиналось строительство Нижнего мира, но с годами место было заброшено, искусственное небо пришло в негодность, и все погрузилось во мрак.

– А как насчет небольшой экскурсии по тем пещеркам? – воодушевился Дима. – Ну, чтобы составить полное представление о вашем мире.

Данко энергично помотал головой:

– Это невозможно. Во-первых, вы никогда не найдете проводника, который согласится на это. Во-вторых, в Черные Пещеры можно войти – но пути назад для вас больше не будет.

Васильев открыл рот для нового вопроса, однако флэмм уже вскочил на ноги:

– Принесу еще камней. А о том проклятом месте забудьте. Поймите, там нет вообще никакого закона! Туда ссылают преступников из нашего мира, тех, кто не поддается доброму влиянию и переубеждению. Не знаю, как на земле, а у нас не принято совершать экскурсии по тюрьмам.

Уха, сваренная на раскаленных камнях, была превосходной. Но мне, честно сказать, кусок не лез в горло. Я думал о том, что в этом симпатичном и правильном мирке я вряд ли узнаю что-нибудь о своей сестре и о Тасе. А вот в Черных Пещерах, возможно, найдутся ответы на мои вопросы. Но попасть туда без Данко нет никакой возможности, а он ясно дал понять, что не позволит нам даже приблизиться к окраинам этого мира.

Когда мы шли по лесу, я перебирал в уме все эти невеселые мысли. Может, попросить ребят вернуться домой, в лагерь? Вдруг Тася на самом деле где-нибудь в городе, в руках каких-то сволочей? А я гуляю по чудесному лесу, вместо того чтобы спасти ее. Еще и Ваньку с собой потащил.

Чья-то рука легла мне на плечо. Я оглянулся – Васильев смотрел на меня так, будто прочитал мои горькие мысли.

– Слушай, ты того... не падай духом, – сказал он. – Я все равно считаю, что о Ванькиной сестренке мы можем узнать только здесь. Попробуем поговорить о ней с Великим Жрецом.

– Что ты?! – перепугался я. – Это ведь большая шишка, станет он так запросто с нами трепаться.

– А я думаю, очень даже станет, – возразил Дима. – Ты же слышал, что сказал Данко: они расширяются, им нужна помощь. И Древним стоит быть с нами очень милыми, чтобы нам захотелось им помочь, верно?

– Ага, поможем им готовиться к войне, – вздохнул я. – Это не для меня. Ведь мы – люди, а там, наверху, наши родные и друзья. Наверное, мы должны что-то сделать, чтобы не допустить эту войну, не знаю...

– Ты же слышал, – нетерпеливо перебил меня Васильев, – война будет щадящей и почти без жертв. Люди уцелеют. О чем волноваться?

– Ну а если их превратят в рабов? Как-то несправедливо.

– Слушай, а справедливо, что эти существа сидят здесь, под землей, куда твои любимые люди их когда-то и загнали?! – вдруг разъярился Димка. – А теперь подумай о нас. Чему нас учат в лагере? Как скрывать от людей наши необыкновенные способности. Прикидываться лохами и слабаками. Вот Бриджит знает четыре сотни древних языков. Поступит она в свой Гарвард и будет заниматься тем, чтобы скрыть от людей существование этих самых языков. Да в наших интересах, чтобы война началась как можно скорее! Хотя можешь не дрожать: Соболев считает, что до войны еще не одно столетие пройдет.

– Почему? – встрепнулся я.

– Потому что Древним совсем неплохо живется в их мире, и они станут выжидать, пока сами люди их окончательно не допекут. А еще он загнул такую фразочку: «Только тот, кто вырос среди людей, может по-настоящему их ненавидеть». Древним этой ненависти явно не хватает.

Не могу сказать, что эти слова меня полностью успокоили. Но тут мы снова вошли в туннель, а вышли уже в другом селении. И здесь Данко объявил нам, что пора устраиваться на ночлег. Хотя понять время суток под этим лучезарным небом было невозможно, но по усталости ощущалось, что шли мы целый день. Взрослые всех рас выглядывали из окон и зазывали ребятишек домой.

Мы уже прошли половину поселка, когда вдруг со всех сторон полилась чудесная, просто волшебная мелодия. Мы начали крутить головами, пытаясь понять, откуда она берется. А Данко только ускорил шаг.

– Через десять минут небо погаснет, – сказал он. – Да и не слишком вежливо приходить в гости после закатной мелодии. Так что поторопитесь.

Вообще-то я думал, что ночевать мы будем в доме флэммов. Но друзья Данко оказались невидимками. Нас приветливо встретили две женщины, молодая и постарше. А потом с верхнего этажа с восторженными воплями примчались трое ребятишек. Они окружили нас и начали оживленно галдеть на своем языке. Бриджит вкратце сообщила мне, что дети рассказывают о школе и о занятиях в различных кружках. Одна маленькая девочка даже притащила гнездо с какими-то пестрыми яйцами. Но я, по правде говоря, больше думал о том, принято ли в этом мире угощать гостей ужином.

Оказалось, еще как принято. Женщины быстро накрыли стол, из кухни заструились потрясающие запахи. Нас отправили во двор мыть руки.

Дима и Ванька так торопились к столу, что задерживаться во дворе не стали. А вот Бриджит, едва вышла на улицу, так и застыла на месте, и я следом за ней. Дело в том, что наше небо в лагере никогда не гасло, и я уже почти забыл, что такое ночь. А теперь над нами было темное бархатное небо с россыпью звезд. Такое я видел в детстве, когда родители возили меня на юг. И даже воздух стал другой: более прохладный, душистый, в общем, ночной.

– Теперь я понимаю, почему они тут молиться готовы на своих ученых! – восторженно выдохнула Бридж. – Надо же, как красиво!

Я был с ней полностью согласен. Если бы не разыгравшийся аппетит, смотрел бы на это небо бесконечно. И Иола чтоб налюбовалась вволю, она ведь художница, ей надо. Я решил, что выйду во двор еще раз после ужина.

– Заметил одну странность, Алеша? – вдруг спросила Бриджит.

– Ну, их вообще-то тут хватает, – осторожно ответил я. Не хотелось вдаваться в сложные вопросы на пустой желудок. А о пустяках Бридж никогда не болтала.

– Здесь мало мужчин, – сказала девочка. – Я слышала, в России мужчины умирают рано, но это ведь не совсем Россия, верно?

– Совсем не Россия, – уточнил я. – Только, по-моему, с мужчинами тут все в порядке. Я вообще их не слишком различаю. Только у флэммов сразу видно, кто есть кто. И у лоттов... когда удастся разглядеть их головы.

Сказал – и тут же пожалел об этом. Лицо у Бриджит сделалось разочарованное, наверное, пожалела, что заговорила со мной на серьезную тему.

– Что ты, они совсем разные, – вздохнула она. – И одежда отличается.

– Да, точно, – попытался я спасти положение. – Только... тут есть мужчины...

– До определенного возраста. Много мальчиков и мужчин до тридцати. А потом они словно исчезают куда-то. Стариков я не видела вообще. Как ты думаешь, куда они деваются?

Я не имел ни малейшего понятия. Но мне почему-то стало тревожно. Хотя к нам это точно не имело ни малейшего отношения.

Стол уже ломился от угощений. Блюда выглядели странно, я понятия не имел, из чего они приготовлены. Но какое все вкусное! Мы набросились на еду, не дождавшись, когда сядут хозяева и Данко, занятые оживленной беседой. Вдруг наш проводник шагнул к двери и весело произнес:

– Вы угощайтесь, а я сейчас еще едоков приведу. Здесь напротив наши друзья живут.

Но тут хозяйка, та, что помоложе, бросилась ему наперерез и что-то горячо заговорила на общем языке. Данко так и застыл на месте. Лицо его разом померкло, словно выключили лам-

почку в голове, в глазах отразился самый настоящий ужас. Он задал вопрос, другой... Потом медленно опустился на стул и словно окаменел.

Как же я пожалел, что не понимаю общий язык! Что такого ужасного случилось с друзьями Данко? Мы ведь ничего толком не знаем об этом мире. Может, тут живут драконы, которые иногда уносят целые семьи? Или случается что-то похуже? Вот Дима и Бриджит поняли, что случилось, и теперь со значением переглядывались друг с дружкой, даже о еде забыли. У меня тоже аппетит пропал – так захотелось поскорее их расспросить.

Конечно, после случившегося о долгих посиделках речи не шло. Наш проводник и кусочка в рот не взял, так был расстроен. Он едва высидел за столом еще четверть часа, а потом сказал нам:

– Ну, завтра у нас ранний подъем. Вам надо хорошо выспаться, чтобы головы были свежими, а мысли – прозрачными, как роса.

Возможно, он просто перевел на русский язык местное пожелание доброй ночи. Но Васильев тут же спросил:

– А зачем нам понадобятся прозрачные мысли? Я так понял, что Жрец только посмотрит на нас из-за занавески, а в голову к нам точно не полезет, так?

– Великий Жрец – нет, – согласился Данко. – Но прежде чем вы пройдете к нему в Главный зал, с вами пообщаются его придворные. Бояться нечего, они просто должны убедиться, что вы не имеете дурных намерений или опасных замыслов.

Недоеденный кусок выпал у меня изо рта. От нехорошего предчувствия по спине побежал холодок. Я услышал дрожащий голосок Бриджит:

– А кто эти придворные, которые станут с нами общаться?

– Тубаботы, конечно, – вроде как удивился наш проводник. – Они традиционно служат Великому Жрецу. Но вы не волнуйтесь, проблем не будет...

Нужно было как можно скорее взять себя в руки. Я снова засунул что-то в рот, Бриджит и Дима постарались спрятаться за полотняными салфетками. Только беззаботный Ванька продолжал уничтожать третью порцию блюда, похожего на жаркое.

Скоро Бриджит встала из-за стола и на общем языке поблагодарила хозяев за угощение. А потом сообщила Данко на русском:

– Я бы хотела перед сном еще раз полюбоваться на ваше удивительное небо.

Флэмм рассеянно кивнул. Тут же подскочил Дима:

– Я с тобой, Бридж, погоди!

Конечно, следом за ними бросился я и потащил за собой упирающегося Ивана. Мы отошли как можно дальше от дома. Сказать, что мы были растеряны – не сказать вообще ничего. Одного только я не понимал: как же мы не подумали об этом раньше? Как не догадались, что именно тубаботы и должны присматривать за правителем?

– Я думаю, всем понятно, что во дворце Великого Жреца нам делать нечего, – нарушил тяжелое молчание Васильев.

– Мне непонятно, – тут же ответил Иван. – Мы же собирались с ним вопросы перетереть, разве нет?

– Как бы нас там самих не перетерли, – мрачно усмехнулся Димка. – Из-за тебя, кстати. Ты в курсе, что людей из этого мира назад на землю не выпускают?

Ванька демонстративно сжал огромные кулаки:

– Ага, посмотрим, как меня не выпустят!

Но мы-то понимали, что в этом мире его силища – не аргумент.

– Слушай, помолчи, ладно? – с досадой сказал ему Васильев. – Надо до утра что-то придумать. Может, стоит поговорить с Данко? Он же свой в доску, не сдаст. Честно опишем ему нашу ситуацию. Пусть подскажет, что делать.

Я согласно кивнул, а Бриджит воскликнула:

– Ни в коем случае! Даже не думайте!

Мы уставились на нее.

– Вы что, не понимаете, что мы подставим Данко! – никогда я прежде не слышал, чтобы Бридж говорила так возмущенно. – Пока он ничего не знает, его нельзя ни в чем обвинить. Но если скажем, ему придется делить с нами ответственность.

– Или он попросту испепелит нас на месте, – пробормотал Дима.

– И будет прав, – вздохнул я. До меня медленно, но верно доходил весь ужас ситуации.

– И чего делать? – Иван переминался с ноги на ногу, дожидаясь, когда мы что-нибудь придумаем и можно будет завалиться спать.

– Выход один, – окрепшим голосом произнес Васильев. – Мы должны оторваться от Данко и самостоятельно рвануть в Черные Пещеры.

Бриджит молчала и что-то сосредоточенно обдумывала. А я спросил:

– Как, интересно, мы доберемся до этих самых пещер без проводника? Неужели вы думаете, что по этому миру можно просто так шляться и спрашивать у встречных, как попасть в то место, куда они ссылают отпетых преступников?

Дима с Бриджит снова переглянулись. Потом девочка сказала:

– Вообще-то у нас есть только один шанс. Ты заметил, как Данко расстроился, когда хотел позвать на ужин своих друзей, а ему не дали?

– Конечно! – так и подпрыгнул я. – Я уже всю голову сломал, что это было вообще?

– Хозяйки сказали ему, что соседи из дома напротив завтра на рассвете навсегда уходят в Черные Пещеры. И что об этом стало известно только сегодня днем, когда они отвели детей к родственникам. Данко чуть в обморок от ужаса не рухнул. Значит, если нам удастся не упустить этих людей, они наверняка согласятся показать нам дорогу в пещеры. Чего им терять?

– Не понимаю, – сказал я. – Данко говорил, что туда ссылают преступников и что страшнее того места для них нет. Почему же кто-то уходит туда сам? Да еще без детей. Может, их туда отправляют за какое-то преступление?

– Нет, хозяйка сказала, они уходят добровольно, – нетерпеливо вмешался Дима. Было видно, что он все уже решил. – И вообще нам неважно, почему они туда идут. Может, не всем нравится жить в таком образцово-показательном мире. А для нас важно, сумеем ли мы сесть им на хвост. Предлагаю организовать дежурство, чтобы не упустить. Когда все заснут, выберемся с вещами и станем лагерем во дворе. Бриджит пусть спит, а мы разобьемся на смены и будем дежурить, пока они не выйдут. Кто против?

Против была одна Бриджит. Тихим голосом она объявила, что тоже будет дежурить. Мы решили, пусть дежурит первой, потом разбудит меня, я – Ваньку, а Иван – Диму. Напиток крепкого сна в эту ночь мы, ясное дело, решили не пить. Перед половинками – извиниться за возможные последствия.

Глава двадцать вторая. Куда уходят местные мужчины

Гостеприимные хозяйки развели нас по комнатам. Однако тут возникла первая трудность, о которой мы не подумали: комнат на всех не хватило, и меня разместили вместе с Данко. Мое дежурство оказалось под угрозой, а переиграть заново не было возможности. Пришлось мне ложиться в постель в полной неопределенности, как выбираться наружу. Я надеялся, что флэмм быстро уснет, поэтому не лез к нему с вопросами. Да и он рта не раскрывал. Что ж, Данко можно понять – нелегко терять друзей.

Конечно, я понимал: Иола будет мной недовольна, но не ожидал, что до такой степени. Едва я заснул, она буквально набросилась на меня:

– Что вы творите?! Идти в Черные Пещеры нельзя, это смертельно опасно! Ты слышал, что сказал Данко: оттуда нет выхода!

– Иола, ты вроде умная, а не понимаешь очевидных вещей, – ответил я. – Для Данко существует только один выход: обратно в этот мир. А нам нужно совсем наоборот – выбраться наружу. Там наверняка полно всяких дырок в земле.

– Но вы этого не знаете!

– А что ты вообще предлагаешь? – разозлился я. Может, впервые в жизни я чувствовал себя более правым, чем она. – Ты хоть понимаешь, что Ванька может погибнуть? Или попасть в пожизненный плен? Мы не знаем, что в этом мире делают с людьми, но их тут явно не любят. Что, по-твоему, нам делать?

– Оставайтесь на месте, – тут же сказала Иола. – Завтра вернется Соболев и обязательно вас вытащит. Великий Жрец не захочет ссориться с ближайшими соседями, он позволит Ваньке вернуться в лагерь.

Несколько секунд я обдумывал ее предложение. Возможно, она была права... если бы все дело было только в Иване.

– Иола, а ты не забыла, зачем мы вообще спустились в этот мир? – тихо спросил я. – Я должен попасть в эти пещеры! Возможно, Тася там. Разве ты не хочешь, чтобы мы ее нашли?

– Конечно хочу, – усталым голосом отозвалась Иоланта. – Но я очень беспокоюсь за вас. Вы можете там погибнуть.

– Слушай, а чего ты так разволновалась? Тебе же лучше, если со мной что-то случится: станешь свободной, как мечтала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.